

ЕКАТЕРИНА МИРИМАНОВА

БОЙСЯ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

821.761.9

М 63

*Екатерина Валерьевна
Мириманова*

Бойся своих желаний

821.161.1-31

Русская литература

Современники

романы

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос = Рус)6-44

М63

Мириманова, Екатерина Валерьевна.

М63 Бойся своих желаний / Екатерина Мириманова.

— Москва : Издательство «Э», 2021. — 248 с.

ISBN 978-5-04-252872-9

«Бойся своих желаний» Пронзительным лейтмотивом поиска и сомнений в том, что наш мир, к которому мы привыкли — всего лишь иллюзия, отражаются события нового романа Екатерины Миримановой «Бойся своих желаний», повествующего в оригинальном жанре интеллектуального путешествия. История главных героев Сары и Джека затягивает читателя в увлекательный водоворот событий в разных уголках планеты, открывая завесу тайн реальных исторических фактов, обнажая краеугольные камни основ мироздания и вероисповеданий. Смешается всё: прошлое и будущее, правда и вымысел и даже появление коронавируса, внося свои коррективы и оставляя выбор за самим читателем: стоит ли сопротивляться судьбе и где таится свет в конце туннеля на непредсказуемо-поворотных выражах планов и ожиданий, рассыпающихся во времени и пространстве. Воплощение творческих замыслов автора находит самые неожиданные и смелые ответы на вопросы о том, что именно всегда стоит за нравственным выбором каждого человека. О поиске логики там, где её, казалось бы, нет. О простых истинах и случайностях, которые всегда не случайны. Это книга о надежде. О любви. И всепобеждающей силе настоящей мечты.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

истинно

ISBN 978-5-04-252872-9

© Мириманова Е. В., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

VI - 34844083

Глава 1

«Меня зовут Джск. Я алкоголик и наркоман с почти трехсотлетним стажем. Но я пришел сюда не за тем, чтобы вылечиться. Мне глубоко безразлично мое здоровье и то, что обо мне думают окружающие. Самый счастливый день в моей жизни случился, когда одна никому неизвестная американка попросила меня издать ее книгу. Я согласился, но с одним условием — текст напишу я сам. Так появилась книга „Тайша“. Почему я это сделал? Потому что нет в моей жизни большего удовольствия, чем исполнять желания людей, а потом наблюдать за тем, как их жизнь катится под откос».

Ах, как бы ему хотелось сказать все это вслух! И добавить, что большинство здесь собравшихся пойдет под откос уже в течение ближайшего года. Первой на этой неделе сорвется вон та высокая бледная девушка — Мария, кажется. Она расстанется со своим молодым человеком, с горя напьется в хлам и перестанет ходить на собрания анонимных алкоголиков. Следом за ней — вот этот полный мужчина. С ним случится неприятность — его уволят с работы через пятнадцать дней. И он снова вернется к своим бесконечным банкам пива. Как это грустно —

видеть жизнь людей наперед! Точнее, видеть план, по которому она должна идти. Потому что с помощью Джека жизнь может измениться. Но сегодня его задача, вопреки обычаю, не вытаскивать из грядущего запоя этих неудачников. Он должен сообщить ЕЙ новость. И вместо всего, что ему на самом деле хотелось бы сказать, он произнес:

— Меня зовут Джек, и я алкоголик.

— Привет, Джек! — донесся нестройный хор в ответ.

Он рассказал им то, что они ожидали услышать. Трудное детство, отец-алкоголик, избивающий мать. Он предоставлен сам себе, в тринадцать лет впервые попробовал пиво — и понеслась. Классика. Все понимающе кивают и аплодируют. Потом Джек выслушивает истории других. На этом, к его великому облегчению, собрание заканчивается. Наконец-то!

Уже восемь вечера, а он еще ни капли не брал в рот. Он сделал вид, что ищет что-то в сумке. На самом деле, Джек ждал, когда же все участники покинут помещение. У него была цель — переговорить один на один с НЕЙ. Наконец, зал опустел. Он направился в ее сторону.

— Сара!

— Да, Джек? Вас ведь так зовут?

— Да, и это единственная правда, которую вы обо мне знаете.

Девушка-психолог недоуменно уставилась на высокого худощавого мужчину.

— Что? — растерянно переспросила она.

Джек смотрел на нее с нескрываемой усмешкой, предвкушая, как она изменится в лице, когда он назовет истинную цель своего визита.

— Вы верите в чудеса?

Сара молча смотрела на него. Она уже начинала сомневаться в адекватности этого человека.

— Сегодня ваш счастливый день, — продолжил он. — Вас выбрали.

— Президентом США, я надеюсь? — с усмешкой отозвалась Сара. Этот тип уже начинал ее раздражать.

— Берите выше. Почти наместницей бога на земле.

— Вы знаете, у меня нет времени на глупости, и я ухо... — она не смогла закончить фразу, потому что у нее внезапно пропал голос. В следующую секунду она поняла, что не может пошевелиться. Джек выглядел очень довольным. «Какого черта?!» — пронеслось у нее голове.

— Вот так-то лучше. Времени у вас теперь будет предостаточно. Столько, сколько захотите! — он снисходительно оглядел ее.

Сара была далеко не красавицей. Полноватая, с короткими, плохо подстриженными и плохо покрашенными волосами, в мешковатом свитере и спортивных штанах, в старых кроссовках. Такое ощущение, что она пришла на пробежку в Центральный парк, а не на работу. Да уж, из такой сложно будет создать шедевр.

— Я исполняю желания людей уже почти триста лет. Если быть точным, то двести шестьдесят. Мне было около сорока, когда за мной пришли, — так же,

как я пришел сегодня за вами. За тобой. Нам предстоит проводить много времени вместе, поэтому давай уж сразу на «ты».

В глазах Сары застыл страх.

— И мне ужасно надоело бессмертие, да и вообще моя работа. Я попросил подыскать мне замену. И — вуаля! — я тут. Мои коллеги — да, я не один такой в целом мире — называют друг друга «вишер», от английского слова «wish» — «желать». Вишер — это сложная и неблагодарная работа. Но что делать, должен же ее кто-то выполнять, — Джек глубоко вздохнул. — Что ж, на сегодня это все. Через две минуты после моего ухода ты снова сможешь говорить и двигаться. Я приду к тебе через несколько дней, когда ты переваришь услышанное. Не пытайся никому про меня рассказывать, потому что, во-первых, тебе не поверят и, во-вторых, это запрещено.

С этими словами он эффектно развернулся на каблуках своих дорогих блестящих туфель и направился к дверям.

Сара с замиранием сердца считала секунды. Ровно через две минуты она действительно смогла пошевелить рукой. Первым ее желанием было позвонить в полицию. Но что она им скажет? Что к ней пришел вишер, который исполняет желания людей почти триста лет? Скорее всего, после этого ее саму направят к психиатру. Может, у нее и впрямь случилась галлюцинация? Но ведь этот мужчина присутствовал на групповом занятии, его видели и другие. И потом — уж слишком реальным было все. В то же время она понимала весь абсурд происходящего.

Сара так и стояла посредине комнаты, не зная, что делать. Наконец, она стряхнула с себя оцепенение.

— Не буду думать об этом сейчас, подумаю об этом завтра! — произнесла она вполголоса и вышла из комнаты.

Уже вечером, в одиночестве сидя в гостиной своей крошечной квартирке с бокалом вина, она мысленно вернулась к событиям прошедшего дня, но никаких логических объяснений так и не нашла. «Что ж, буду считать, что я задремала после занятия, и это все мне приснилось!» — решила Сара и на том успокоилась.

Но Джек-то знал, что он существует и что он куда как более реален, чем Санта Клаус или Зубная Фся. Потягивая виски за стойкой бара, он осматривал всех присутствующих, чтобы найти себе новую жертву. Недалеко от него сидела молодая женщина — стройная, симпатичная, хорошо одетая.

«И почему мне не могли подыскать вот такую замену! — мысленно посетовал он. — На эту Сару я убью кучу времени!» В этот момент молодая женщина взглянула на Джека. Вишер сверкнул своей белоснежной улыбкой и поднял бокал приветственным жестом. Женщина несколько смутилась, но все же улыбнулась в ответ. Не давая ей времени опомниться, Джек подсел поближе.

— Добрый вечер, мэм. Вы не возражаете?

— Скорее нет, чем да.

— Прекрасный ответ! Я вижу, вы заканчиваете свой коктейль. Я могу вас угостить еще одним?

— Думаю, да.

— Забавно. Вы всегда отвечаете так... неоднозначно? — улыбнулся он.

— Ну... как вам сказать, — отозвалась жертва.

— Скажите, а вы читали книгу «Тайна»?

— Да, конечно. Мне кажется, ее читали все женщины моего возраста.

— И что вы о ней думаете?

— Любопытный способ поддержать разговор при первом знакомстве, — рассмеялась она.

— Да я вообще веселый парсень, — ухмыльнулся Джек. — Со мной точно не соскучишься. Так как вам книга?

— В свое время она показалась мне очень интересной. Я даже сделала доску для визуализаций.

— И что же на ней было? — в его глазах загорелся неподдельный интерес.

— Это очень личное.

— О, боже! Неужели вы хотели кого-то убить и ограбить? А может, планировали устроить оргию? — он изобразил на лице ужас.

— Нет, конечно!

— Тогда что же там такого личного? Дайте угадаю. Я обожаю угадывать желания людей.

— Хм. Ну, попробуйте!

— Можно вашу руку? — спросил он.

— Зачем? — удивилась незнакомка.

— Так мне проще сконцентрироваться на ваших вибрациях. Она посмотрела на него с недоверием, но руку все же протянула.

Джек взял ее ладонь и закрыл глаза. Замелькали картинки. Все, как обычно. Муж, дети, дом, новая машина, повышение... Так, стоп. А вот это уже интереснее. Он открыл глаза.

— Ну, что? — с усмешкой уставилась она на него. — Что увидели?

— Почти все, как обычно.

— Как обычно? То есть на досуге вы занимаетесь тем, что пытаетесь выведать у незнакомых женщин их желания? — она посмотрела на него с насмешкой.

— Почему же? Не только у женщин. И у мужчин тоже. Послушайте, Айрис...

— Откуда вы знаете мое имя? — в ее глазах мелькнул испуг.

— О, не тревожьтесь. Я теперь все про вас знаю.

— Это какой-то розыгрыш? Кто вас послал? Здесь установлена скрытая камера? — Айрис нервничала.

— Нет, это не розыгрыш. И себя послал я сам. Послушайте, вам сегодня очень повезло. Я готов исполнить ваше заветное желание.

— Нет, это вы меня послушайте! Хватит с меня на сегодня глупостей, я ухожу! — с этими словами Айрис хотела встать, но поняла, что не может этого сделать. Она хотела закричать, но ничего не вышло.

— Так-то лучше. Итак, Айрис, желание, которое меня заинтересовало, я исполню, — бодро продолжал Джек. — Это только джинны в сказках исполняют любое желание, которое озвучит человек. А вот мы, вишеры, зная все ваши желания наперед, выбираем

только одно из них — то, которое нам кажется наиболее интересным или необходимым. Взамен я ничего не прошу... как правило. Итак, ваше тайное желание исполнено. И теперь я ухожу. Через две минуты после моего ухода вы почувствуете, что снова можете двигаться и говорить. Не благодарите. Но помните: бойтесь своих желаний!

Айрис попыталась пошевелиться, но не могла. Что за бред? Он сумасшедший? Мошенник? Или вправду джинн? Какое желание он выполнил? Как она об этом узнает? В отличие от тела, мысли в голове двигались с сумасшедшей скоростью.

«Позвать полицию? И что я им скажу? Может, он подмешал мне что-то в напиток? Но бокал стоял слишком далеко от него, он никак не мог проделать это незаметно!», — думала она. Наконец, Айрис смогла пошевелить рукой. Фух, слава богу!

— Простите, — обратилась она к бармену. — Вы раньше когда-нибудь видели этого человека? Он сидел со мной и только что ушел.

— Нет, мэм, — отозвался юноша.

Наверное, показалось. Пора завязывать запивать антидепрессанты алкоголем. И пора домой.

Внезапно завибрировал телефон. Она посмотрела на экран: «Меган, управляющая». Какая еще Меган? Управляющая чего? И откуда у нее этот номер в памяти телефона? Она подняла трубку.

— Айрис, ты помнишь, что сегодня у нас важное мероприятие? — прозвучал женский голос.

— Вы, наверное, ошиблись номером. Какой именно Айрис вы звоните? — ошарашенно проговорила девушка.

— Айрис, перестань валять дурака! У меня тут все вверх дном, а мероприятие через час. Ты уже выезжаешь в ресторан? — перебила ее собеседница.

— В какой ресторан?! Я не понимаю, о чем вы.

— Айрис, это уже слишком! Ты обещала приехать сегодня пораньше. Будь вовремя! — в трубке прозвучал отбой.

Что за бред? Она открыла записную книжку в телефоне и набрала слово «ресторан». Поиск выдал несколько номеров, среди них оказался ресторан «Айрис-Лаунж». Именно так она хотела назвать свое заведение, если бы оно когда-нибудь у нее появилось. Сколько раз она думала об этом, никому не озвучивая свое тайное желание. Родителей хватил бы удар, если бы она бросила работу адвоката и занялась тем, что ей нравится.

Но как такое возможно? Это сон? Она ущипнула себя, но не проснулась. Набрав в поисковике ресторан «Айрис-Лаунж», она увидела окна заведения и внутреннюю отделку, точь-в-точь такую, какой она ее представляла в своих мечтах. Адрес? Да это в пяти минутах ходьбы отсюда! Неужели тот странный тип действительно волшебник, неужели он прочитал ее мысли? Айрис расплатилась и вышла из бара, пребывая в полном недоумении.

Свернув на одну из главных улиц, она увидела красиво подсвеченные окна, над которыми красовалась вывеска с ее именем. Айрис осторожно

толкнула дверь и зашла внутрь. На нее тут же налетела рассерженная женщина.

— Ты вообще нормальная? Куда ты запропастилась? И еще эти твои странные ответы!

«Это, наверное, Меган», — догадалась Айрис.

— Прости, Меган, я себя очень плохо чувствую. Не знаю, что со мной. Наверное, встала не с той ноги, — попыталась отвертеться она.

— Да про свои ноги можешь рассказывать кому-нибудь другому! Опять, небось, вчера сидела с бутылкой до трех ночи! — зло ответила Меган.

— Нет, что ты! Я же почти не пью! — удивилась Айрис.

— А я испанский летчик! — с этими словами Меган развернулась и зашагала в сторону дверей — по всей видимости, там находилась кухня.

Айрис оглядела зал, достаточно большой и светлый. Столы были сдвинуты в центр. Вероятно, ожидался фуршет. Ну, хорошо. Если она хозяйка заведения и часто здесь бывает, у нее наверняка есть свой кабинет. Она пересекла зал и вышла к дверям за перегородкой. Толкнула одну из них — кладовка. А за распахивающимися дверями находилась кухня. Она вошла и увидела суetyащихся поваров. Те поздоровались, а Меган бросила на нее уничтожающий взгляд. В конце кухни виднелся выход, за ним располагались кабинеты. Она нашла дверь с табличкой «Айрис Коул». Внутри было уютно. На столе стояли фотографии. Она подошла, чтобы взглянуть на них, и у нее перехватило дыхание: это

была её свадьба с каким-то мужчиной, а на другом снимке рядом с ними стояли двое детей.

Она замужем?... У нее есть дети?... Чего еще она не знает про свою новую жизнь? Голова закружилась, Айрис почувствовала, что ей нестерпимо душно. Распахнув небольшое окно, она с жадностью вдыхала холодный воздух. Внезапно среди прохожих на улице она разглядела того самого мужчину, который меньше часа назад сидел с ней баре. Он увидел ее, улыбнулся и поспешил раствориться в толпе. Айрис даже не успела окликнуть его. Впрочем, его имени она так и не узнала. В мыслях царил полный хаос. За какой-то час вся ее жизнь перевернулась с ног на голову.

Она выдвинула ящики стола, пытаясь найти хоть какое-то объяснение происходящему, и наткнулась на фляжку. Открыла ее. Крепкий запах выдержанного бурбона чуть не свалил Айрис с ног. Она сделала большой глоток – и замерла. До неё вдруг дошло, почему Меган так выговаривала ей по поводу полуночных посиделок с бутылкой. Очевидно, в этой версии реальности у Айрис действительно были проблемы с алкоголем.

Итак, она владелица собственного ресторана, у нее муж и дети. Интересно, что сказали родители, узнав, что она бросила карьеру адвоката? Ей очень захотелось сейчас же позвонить маме, услышать её голос, успокоиться. Но в памяти телефона маминго номера не оказалось. Что за бред? Ладно. Тогда папа. Но и тут её постигла неудача. Номера отца в телефоне также не было. В этот момент телефон зазвонил, и на экране высветилось слово «Козел». Она смотрела на

него несколько мгновений, пытаясь сообразить, кто бы это мог быть, и поднесла трубку к уху.

— Привет, пупсик! Я сегодня не смогу, прости. У меня встреча! — скороговоркой протараторил мужской голос.

— А кто это? — отважилась спросить Айрис.

— Пупсик, я тебе много раз говорил, чтобы ты не пила с утра, тем более, перед важными мероприятиями!

— Я не пила! — не слишком уверенно возразила она, вспомнив, что за этот вечер выпила уже немало.

— И именно поэтому ты не узнаёшь собственного мужа, — подытожил голос.

— Ах, дорогой, прости, я себя неважно чувствую! — Айрис была не слишком изобретательна в том, что касалось отговорок.

— С каких пор ты называешь меня дорогим? — не без сарказма отозвался супруг.

— С сегодняшнего дня!

Она попыталась казаться невозмутимой и одновременно осознать происходящее. Если муж у нее в контактах значится как «Козел», отношения у них, скорее всего, далеки от идеальных. Она посмотрела на свадебную фотографию. Мужчина на ней был симпатичным и высоким. Почему же все пошло не так? Она перевела взгляд на фотографии двух девочек:

— Как малышки? — поинтересовалась она, чтобы сменить тему.

На том конце повисла тяжёлая пауза.

— Слушай, Айрис, нашим «малышкам» уже по двадцать лет, и они не общаются с нами обоими, — муж раздражался все больше.

«Прекрасно. Мы — идеальная семейка», — с тоской подумала Айрис.

— Ты должна обратиться к специалисту. Твои пристрастия становятся неуправляемыми. И вот ещё что... Я не приеду сегодня ночевать. Прости.

— Но, дорогой, мне бы так хотелось поговорить с тобой после всего... — она запнулась, — после мероприятия! Приезжай домой!

— А для чего, интересно? Чтобы вновь лицезить тебя, надрывшуюся в хлам, и слушать твои стоны о моих «проститутках», как ты их называешь, и о том, что я должен немедленно всех их бросить?

Его голос почти срывался на крик. И ей стало совершенно ясно, почему в телефонной книжке он значился «Козлом».

— Послушай, дорогой...

— Да не называй ты меня так! — заорал он.

— И как же, в таком случае, мне тебя называть? — в тон ответила она, распаляясь всё больше и больше.

— По имени, черт возьми! У меня есть имя! Я Майкл! — с этими словами он бросил трубку.

Айрис вновь открыла ящик стола и одним глотком прикончила содержимое фляжки. После этого она зашла в служебный туалет, прополоскала рот и посмотрела на себя в зеркало. Радостное возбуждение от того, что у неё есть собственный ресторан,

безвозвратно исчезло. Совладав со своими эмоциями, она нашла Меган и пригласила её в свой кабинет, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Послушай... В последнее время я была невыносимой. Но ты же знаешь — проблемы с Майклом, с девочками... И ещё этот ресторан... Все это оставляет меня без сил. Я обещаю на этой неделе пойти к врачу и обещаю не притрагиваться сегодня к спиртному. Идет?

— Айрис, я тебе не верю.

— А ты всё-таки поверь. В этот раз все серьезно. Я хочу отвечать за свою жизнь. Хочу вернуть под контроль всё, что со мной происходит. Скажи мне, чем я могу помочь тебе на сегодняшнем фуршете?

Меган внимательно смотрела на Айрис. Её взгляд менялся — из недоверчивого и настороженного становился удивлённым и дружелюбным. Что-то в тоне голоса Айрис заставило Меган поверить.

— Все уже готово, — сказала она. — Просто выйди в зал и изобрази радушную хозяйку.

— Окей. Только подправлю макияж, — отозвалась Айрис.

Когда за Меган закрылась дверь, она выдохнула и достала косметичку. На лице ее все еще отражалось смутное. Через пять минут она вышла в зал, где уже собирались элегантно одетые гости. В своем деловом костюме она смотрелась не слишком уместно, но других вариантов не было.

Айрис старалась не думать о том, что происходило вокруг. Она машинально отвечала на приветствия. Зал постепенно наполнялся. Гости обращались к ней с

самыми обычными вопросами: «Как идут дела?», «Как дети?», «Вы уже придумали, куда отправитесь отдыхать на Рождество?».

Внезапно в зал вошел пожилой грузный мужчина и направился напрямик к ней.

— Айрис, дорогая, как я рад вас видеть! — он расплылся в широкой и крайне неприятной улыбке.

— И я рада! — через силу проговорила она.

— Пойдемте, нам с вами нужно кое-что обсудить, — сказал он и уверенно потащил ее за локоть через всю кухню к кабинету.

Меган и повара поздоровались с ним. Толстяка здесь явно знали, однако никакой радости по поводу его появления не испытывали. Едва закрыв за собой дверь ее кабинет, толстяк горячо заговорил:

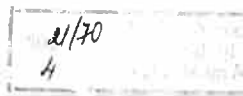
— Господи, Айрис, ты не представляешь, как я хотел тебя вчера ночью! Я едва не лишился рассудка! Но я боялся позвонить тебе, потому что знал: твой козел приходит в ярость, когда тебе звонят поздно ночью.

Едва договорив, он буквально набросился на нее.

— Что вы... Что ты делаешь?! — она попыталась оттолкнуть его, но он не обращал на ее сопротивление никакого внимания.

— Да, моя дикарка, да! Так даже лучше! — прорычал он.

Айрис беспомощно оглядывалась в поисках тяжелого предмета, но тут её остановило прозрение. Судя по всему, они действительно были знакомы, и очень близко. Кто знает, какую роль этот похотливый сатир играет в её новой жизни?

— Стоп! — заорала она. Толстяк в испуге отпрянул. — Остановись, прошу. Нам действительно нужно поговорить.

Он удивленно уставился на нее. Айрис еще не знала, что именно скажет ему. Но укладываться под этого жирного борова у нее не было никакого желания.

— Послушай, я не могу. Сейчас нельзя... ну, ты понимаешь, да? Придется недельку потерпеть. И мне не нравится, что ты ведешь себя, как животное. Я переживаю сложный этап в своей жизни, ты же знаешь, — она с надеждой посмотрела ему в глаза.

— Но ведь тебе всегда нравились наши встречи, — толстяк плотоядно ухмыльнулся.

— Они мне продолжают нравиться, — соврала она. — Но мне кажется, что я слишком перенервничала за последнюю неделю. Майкл как с цепи сорвался. Он даже поднял на меня руку, — продолжала импровизировать Айрис в надежде окончательно добить своего любовника.

— Подумаешь! Тоже мне, новость. Он и так постоянно тебя бьет, когда напивается! И, если честно, я не понимаю, почему ты продолжаешь с ним жить.

Айрис едва не задохнулась от удивления. Такого поворота она никак не ожидала. Полный абсурд! Тут она заметила обручальное кольцо на пальце собеседника и перешла в наступление.

— Но ты ведь и продолжаешь жить с женой, хотя трахаешь меня!

— Да, но это совсем другое дело! Мы с ней слишком старые для скандалов и для громкого дележа

имущества. Она меня уважает, я ее тоже. Каждый делает, что хочет. Заметь, даже когда я купил тебе ресторан, она мне ни слова не сказала!

Айрис покачнулась, поняв, наконец, откуда у неё появилась коммерческая недвижимость. Вот так поворот! Вечер был полон сюрпризов и откровений. Она всё больше походила на задышающуюся рыбу, выброшенную на берег. Не найдясь, что сказать, Айрис быстро проговорила:

— Слушай, нам надо вернуться в зал. Я обещала Меган, что буду сегодня в форме.

— А мне ты обещала безумную ночь, когда я вернусь из поездки. Я хочу тебя!

— К сожалению, с этим придется немного повременить, прости! — отозвалась она.

— Неблагодарная! — похотливо улыбнулся он, больно сжал её грудь и вышел из кабинета.

«Черт возьми! Мне совершенно не нравится моя новая жизнь! Но почему? Ведь я была абсолютно уверена, что, брось я карьеру адвоката и открой ресторан, всё бы наладилось! Любимый муж, прекрасные дети, уйма свободного времени... И что мы имеем в итоге? Мужа, которого я называю козлом, детей, которые знать меня не желают, ресторан, который не радует... и еще до кучи любовника, похожего на борова, и с такими же скотскими манерами», — невесело думала Айрис. Она понемногу начинала понимать, почему тот странный человек в баре сказал, что своих желаний следует бояться.

Выходит, в книге «Тайну» рассказали правду, но не до конца. В действительности, далеко не всегда и не все желания должны исполняться. Айрис посмотрела в зеркальце пудреницы, снова подправила макияж и вернулась в зал. Нужно продержаться этот вечер, а потом попытаться отыскать того чудака из бара. Шансы были невелики — Айрис даже имени его не знала. Но она была полна решимости. Ей отчаянно хотелось вернуть обратно свою прежнюю жизнь — со всеми её неурядицами и проблемами. С людьми, которых она любила.

«Мне казалось, что моя жизнь остановилась. Ты просто исчез, а ведь для меня ты был всем: моей водой, моей солью и землей. Ты был моим миром, который в один жуткий миг целиком и полностью разрушился. Сказать, что было больно, — ничего не сказать. Мне казалось, что я схожу с ума. Никогда в жизни я не встречала мужчину столь чуткого, мудрого, понимающего, щедрого. Если уж быть совсем откровенной, ты стал моим первым мужчиной.

Да, до этого бывали юноши, которые увивались за мной, но все это было несерьезно, по-ребячески. Когда же в мою жизнь вошел ты, я словно воспарила. Я почувствовала себя сильнее, мудрее. Я впервые ощутила себя женщиной. И нет, я говорю сейчас не про интимные отношения. Я говорю о том, что рядом с тобой я впервые почувствовала себя защищенной. Когда ты обнимал меня, все становилось на свои места. Когда говорил, что я стану твоей супругой навсегда, мне казалось, что я слышу великолепную симфонию нашей будущей жизни.

Но однажды симфония перестала звучать, потому что ты просто исчез. А мне казалось, что я тронулась умом. Я не понимала, за что ты так меня наказываешь. Как в песне Нины Симон, которой тогда еще не существовало:

Я поехала в Лондон, чтобы проветриться,
Потом в Париж в поисках удовольствий,
Но я всего лишь обнаружила, что не могу
перестать думать о тебе.

Я не могу просто взять и уехать от тебя.

Я испробовала все. Я пыталась крутить романы, но после тебя все мужчины казались мне какими-то пресными. Я слушала фаду почти каждый день и плакала, прекрасно зная, что в барах фаду женщине вроде меня не место. Мне хотелось умереть. Но я знала, что не могу себе этого позволить по одной причине, о которой ты не знаешь. О которой ты никогда не узнаешь. Я плакала неделями, месяцами. Я не могла делать то, о чем меня просил Давид. Мне бы хотелось приступить к выполнению моих обязанностей, но я просто была не в силах. Иногда мне казалось, что Давид в один прекрасный момент взорвется и пошлет меня ко всем чертям со всеми моими печальями.

Но он продолжал сохранять спокойствие даже в те моменты, когда я выходила из себя и впадала в настоящие истерики. Я не знала, как женщина может продолжать жить без такого мужчины, как ты. Для чего? Ради чего, если я уже познала совершенные отношения? Днями напролет я бродила по узким улочкам Лиссабона и искала тебя — в тавернах, барах, на узких улочках. Я искала тебя в каждом встречном. Но ты не появлялся.

Когда шок немного прошел, когда случилось все то, что случилось, Давид начал настаивать, чтобы я перешла к обучению. Я сопротивлялась, я

никуда не хотела схать. Мне нужно было оставаться дома на тот случай, если ты вдруг появишься, хотя с каждым днем я все яснее осознавала тщетность своих надежд. Я плакала, плакала, плакала...

Но однажды я согласилась отправиться с Давидом в поездку. Он заказал билеты в вагон первого класса. Путешествие оказалось не таким обременительным, как я опасалась. Давид отныне сопровождал меня везде и всегда. Но, казалось, его это нисколько не смущало. Он принял меня. Он принял меня несмотря на то, что я не была похожа даже на свою собственную тень. Из красивой жизнерадостной девушки я превратилась в сломленную жизнью женщину. Я поседела, мои глаза погасли. Я очень похудела. Меня часто спрашивали, не страдаю ли я от чахотки. Я лишь качала головой, не будучи в силах поддерживать разговор.

Давид стал мой светочем во тьме. Он был единственным человеком, который, как мне казалось... нет, не то чтобы понимает меня. Он просто слышит меня. Просто чувствует, что он мне нужен. Пытается заполнить ту страшную пустоту, которая образовалась после твоего исчезновения. Хотя сейчас мне кажется, что никто и никогда не сможет ее заполнить...»

Женщина не стала подписывать письмо и просто отложила письмо в сторону. Она перечитала его и заплакала. Как несправедлива жизнь!

Глава 2

Джек стоял у подъезда Сары и курил косячок. Когда ты бессмертен, рак легких тебе не страшен, увлечение марихуаной – тоже. Он ждал ее, ведь с их первой встречи прошла уже неделя. Скорее всего, она постаралась забыть случившееся и убедить себя, что все это ей почудилось.

Сара не заставила себя долго ждать. Ее жизнь была подчинена строгому распорядку, который она сама и установила. Поэтому со своей собакой, вест-хайленд терьером с непростым характером, она выходила гулять в семь утра и в десять вечера, когда других собачников вокруг почти не было. Это помогало ей избежать ненужных собачьих стычек. Довольный пес бежал в сторону дома, а Сара вяло плелась за ним, кутаясь в пальто. На дворе стоял октябрь, было уже холодно. Когда она подошла к подъезду, из-под козырька навстречу ей шагнул Джек. Узнав его, Сара вскрикнула.

– Нн-не... не подходите ко мне! Я сейчас же звоню в полицию! – она решительно полезла в сумку за телефоном.

– Мы же договорились, что будем на «ты», – усмехнулся Джек. – А что ты им скажешь? Что к тебе

в группу анонимных алкоголиков пришел новый пациент, который говорит, что он бессмертен? Что он умеет обездвигивать людей и затыкать им рот силой мысли?

Сара остановилась, осознавая всю абсурдность ситуации. А Джек продолжал:

— Ты же понимаешь, что сопротивление бесполезно. Давай просто сядем и поговорим. Хочешь, у тебя дома, а хочешь — пойдем в одну забегаловку здесь неподалеку, там тихо и спокойно.

Перспектива остаться с ним наедине в своей квартире Сару совершенно не радовала, поэтому она выбрала кафе.

Сославшись на то, что ей нужно завести собаку домой, она зашла в подъезд и прислонилась к стене. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Что делать? В полицию действительно звонить бессмысленно. Выходить из дома рано или поздно все равно придется, так лучше поговорить с ним сейчас и растолковать, что она не собирается выслушивать его бредни о том, что он ее для чего-то там выбрал. Не убьет же он ее в кафе, в конце концов. Эти размышления придали ей уверенности. Сара отвела собаку домой и вернулась к Джеку.

— Молодчина! — приободрил он ее. — Пойдем, здесь рядом.

Они прошли каких-то триста метров в полном молчании и подошли к сногшибательному ресторану. Дверь открыл швейцар.

— Боюсь, я не могу себе позволить здесь даже чашку кофе, — занервничала она.

— Не волнуйся, контора платит, — и с этими словами он мягко подтолкнул ее к двери.

Все еще пребывая в смятении, она бросила взгляд в большое зеркало в холле: простые джинсы, растянутый свитер, поношенное пальто. Среди ресторанной публики, разодетой в пух и прах, она выглядела нищенкой, невесть как здесь оказавшейся.

Джек словно прочитал ее мысли:

— Не волнуйся, нам дадут отдельный кабинет.

Он знаком поприветствовал администратора, и тот тут же расплылся в широкой улыбке:

— Джек! Рад видеть! Тебя проводят за твой любимый столик.

Внешний вид Сары, казалось, его ничуть не смутил.

«Что ж, если Джек лично знаком с мэтром такого дорогого ресторана, то, может быть, он все-таки приличный человек? По крайней мере, есть надежда, что он не прикончит меня прямо здесь, — мысленно усмехнулась Сара. — К тому же, у него уже была возможность разделаться со мной, однако он ею не воспользовался».

Официант провел их через зал и дальше по роскошному коридору, по двум сторонам которого располагались двери. Дойдя до одной из них, гарсон толкнул ее и жестом пригласил Джека войти.

Вишер кивнул и проговорил:

— Как обычно, пожалуйста!

Сару терзало любопытство, что же значит это «обычно». Но спрашивать об этом она не стала.

— Мне, пожалуйста, воду без газа, — попросила она. И, немного помедлив, добавила: — И виски со льдом!

Джек расхохотался. Смех его был громким, но приятным. Официант вышел и закрыл за собой дверь.

— Ну что ж, приступим к разговору. Я понимаю твоё смятение, — его голос звучал мягко, почти по-отечески. Он излучал такую мощную энергию уверенности, что подсознательно хотелось заранее согласиться со всем, что он говорил.

— Как я уже говорил, я — вишер. И, поскольку я немного подустал от этого, то попросил подыскать себе замену. По каким критериям кого-то выбирают вишером, мне неизвестно. Это зависит от вышестоящих инстанций.

Он возвёл глаза к потолку и продолжил:

— Все, что мне доподлинно известно, — кандидат в вишеры не может отказаться. И знаешь, почему? — Джек выдержал долгую драматическую паузу. — Потому что человек, отказавшийся от этой должности, умирает в течение нескольких дней. О, нет, я говорю тебе это вовсе не для того, чтобы запугать. И это не зависит от меня.

Сказать, что Сару обеспокоило услышанное, — не сказать ничего. Дверь бесшумно отворилась, в ней показался официант с бутылкой виски, льдом, минеральной водой и стаканами. Расставив всё это на столике, он так же бесшумно исчез.

— Я вижу, у нас будет долгий разговор, — нервно улыбнулась Сара, кивнув на бутылку.

— Это зависит от тебя, — отозвался Джек.

— Ого! — воскликнула Сара, когда разглядела этикетку. — «Макалан» пятидесятилетней выдержки? Эта бутылка даже в магазине стоит целосостояние, а уж здесь!..

— Ну, хоть в чем-то ты разбираешься!

Сара удивленно и возмущенно приподняла брови в ответ на это замечание:

— Что ты имеешь в виду?!

— Дело в том, что вишеры должны разбираться во всем. Вот представь себе: подходит к тебе на улице человек, одетый в рубище, и говорит: «Я исполню твоё желание!» Ты от него попросту шарахнешься, как от прокаженного. А теперь представь другой сценарий: хорошо одетый человек, который способен поддержать беседу на любую тему, с белоснежными зубами, безупречной кожей говорит тебе то же самое. Ты ведь прислушаешься?

— Скорее да, чем нет, — отозвалась Сара.

— Именно поэтому одной из моих первых задач является наведение лоска, — Джек со вздохом оглядел ее и добавил: — Хотя в твоём конкретно случае это будет непросто.

— Прекрасно! — воскликнула Сара. — Человек, которому от меня что-то нужно, во всеуслышание называет меня дурнушкой с полным отсутствием вкуса. Интересно, на что он надеется?

Сара негодовала, она была задета за живое. Но Джек сохранял полную невозмутимость и продолжал разливать виски по стаканам.

— Это сказала ты, а не я. Я лишь хочу донести, что тебе придется очень многому научиться. Одежда,

походка, голос, осанка — все это придется исправлять. А я параллельно буду обучать тебя премудростям профессии. На выходе ты останешься победительницей по всем фронтам: красивая, успешная и бессмертная, — закончил он и выпил свой виски залпом.

— То есть про алкоголика ты не соврал? — съехидничала Сара.

— У меня нервная работа! — парировал он.

— И что я должна сделать? Подписать контракт кровью?

— Ты безнадежно устарела. Достаточно просто сказать «да», — он расхохотался.

— Ну, а подводные камни? Они ведь наверняка есть, — настаивала Сара.

— Есть. Но ты подумай о том, что выбор у тебя незавидный. Ты либо примешь моё предложение, либо умрёшь в ближайшие несколько дней, если откажешься.

— А я могу подумать? — почти без надежды спросила она.

— Ты серьезно сейчас? Подумать о чем? У тебя нет никого, кроме собаки, которая будет вынуждена обглодать твои кости, если ты умрёшь в одиночестве и пролежишь в своей квартире месяц.

Сара поморщилась. Перспектива и впрямь так себе. Ей стало не по себе. Интересно, он точно знает, что будет наперед, или только предполагает?

Джек тем временем продолжал:

— У тебя нет детей, родители умерли, когда тебе было тринадцать. Дальше — юность в детдоме,

сложности в общении с людьми. Ведь именно поэтому ты и стала психологом, верно? Отсутствие друзей, кроме собачников. Ты действительно хочешь всю оставшуюся жизнь выслушивать жалобы наркоманов и алкоголиков? — он с интересом посмотрел на Сару. В ее глазах стояли слезы. Похоже, ей действительно нечего терять.

— Хорошо. Я согласна, — после небольшой паузы еле слышно ответила она.

— Молодец, девочка! — Джек вскинул кулаки в победном жесте.

— И что теперь? — поинтересовалась она. — Меня будут жарить на сковороде черти?

— Не забывай, что отныне ты бессмертна! Так что до встречи с чертями тебе еще жить и жить, — рассмеялся Джек.

— То есть если я сейчас, например, вскрыю себе вены, со мной ничего не случится? — в лице ее читалось недоверие.

— Нет, — прозвучал ответ.

Сара взяла стакан в руку, осушила его, а потом с размаху швырнула на пол. Стакан разлетелся вдребезги. В дверь постучали — видимо, официант услышал шум.

— Нет-нет, у нас все хорошо, спасибо! — крикнула Сара.

Она взяла самый большой и самый острый кусок стекла и медленно, с нажимом провела им по тыльной стороне запястья. Кожа расходилась, но крови почему-то не было. Более того, буквально через несколько секунд рана бесследно затянулась.

— Вот черт! — восхищенно выдохнула она. — А если я брошусь с балкона?

— А давай, ты перестанешь маяться дурью и займешься делом, наконец? — устало отозвался он. Но Сара не унималась.

— А если я выпью бутылку виски залпом, я умру от алкогольной комы?

— Если ты не заткнешься, я таки найду способ тебя убить, — Джек снова рассмеялся.

Сара снова насупилась.

— У нас очень много дел, — сказал он тихо, но с такой силой, что Саре тут же расхотелось продолжать эксперименты на выживание. — Прежде всего, ты должна подумать о том, с кем оставить собаку.

— Оставить собаку? Но почему?

— Нам предстоят длительные поездки, — информацию из Джека приходилось тащить клещами.

— Ну уж нет! Или я возьму с собой Макса, или лучше сразу умру! — в голосе Сары зазвучали стальные нотки.

— Да твою же мать! — не выдержал он. — Почему, почему мне не дали в ученики мужчину?!

— Ах, вот оно что! — взвилась Сара. — Мало того, что симпатии и сочувствия ко мне в тебе не больше, чем у жабы к кузнечнику, так ты еще ненавидишь всех женщин сразу!

— О, да, — с готовностью отозвался он. — Тебя ждут долгие месяцы обучения в тесном контакте с таким монстром, как я. Поэтому просто будь готова к тому, что цацкаться с тобой никто не будет. На жалость давить бесполезно, предупреждаю.

— И куда же мы поедем? — перебила Сара.

— Мы не поедем. Мы полетим, — сказал Джек и нажал кнопку вызова на столе. Появился официант, и Джек попросил счет.

Оставив несколько сотенных банкнот и поднявшись, он повернулся к Саре:

— Забыл тебе сказать. Вишеры исполняют желания других людей, но только не свои. Поэтому, чтобы быть в форме и при деньгах, придется покрутиться.

— Как мило, что ты не сказал мне об этом с самого начала, — заметила Сара. — А что еще ты мне забыл рассказать? И каким образом, в таком случае, ты раздобыл эти деньги?

— Они фальшивые. Но местный мэтр мне кое-чем обязан, поэтому бутылка перейдет в разряд «бой».

— То есть ты исполнил его желание?

— Да.

— И поэтому у него перед тобой должок?

— Нет, всё наоборот.

— Ничего не понимаю! — Сара явно была на взводе. Ей никак не удавалось связать концы с концами и разобраться в том, что на неё обрушилось.

— Дело в том, что когда люди чего-то хотят, они свято верят, что им это действительно нужно. А когда получают желаемое, готовы пойти на что угодно, чтобы всё повернуть вспять и вернуть свою прежнюю жизнь, отказаться от исполнившихся желаний, которые её разрушили. И вот тут-то приходит время вишеров, которые могут это сделать. Просто нужно правильно выбирать то, что собираешься исполнять.

— То есть по факту я буду не доброй феей, а скорее, коварной ведьмой?

— Ну, что-то вроде того.

— погоди! Но ведь ты сказал, что... — попыталась возразить она.

— Забудь о том, что я сказал. Когда ты покупаешь целый мешок картошки, наверняка найдешь в нем гнилые клубни, — он рассмеялся и подтолкнул ее к выходу.

— Пойдем, тебе надо собрать вещи.

Они вышли на прохладную улицу и повернули в сторону дома. Сара явно нервничала, а Джек, напротив, был совершенно спокойным. Внезапно кто-то закричал сзади:

— Эй! Пойдите! — послышался стук каблучков. Сара испуганно оглянулась, а Джек лишь усмехнулся.

— Сейчас будет твой первый урок. Ты, главное, молчи! — негромко сказал он.

— Слышите, остановитесь! Я хочу, чтобы вы вернули мою прежнюю жизнь!

Айрис — а это была именно она — наконец, догнала их. Она похудела с их последней встречи, под глазами появились огромные синяки.

— Почему вы так со мной поступили?

— Как именно я поступил? Исполнил ваше заветное желание? — невозмутимо поинтересовался Джек.

— Да, но с какими последствиями! Я... я в полной растерянности! Мои родители, как оказалось, погибли, у меня есть семья, но мой муж изменяет мне направо и налево, есть дети, но они со мной не разговаривают, а

еще — отвратительный любовник, и... и... — она хотела добавить что-то еще, но не смогла вымолвить ни слова. Ее сотрясали рыдания. Сара кинулась было к ней, чтобы обнять и утешить, но Джек взглядом остановил её.

— То есть вы хотите, чтобы я вернул вам ваша жизнь? А ресторан? Неужели он вам не нужен? — спросил он.

— Ничего мне не нужно, — всхлипывала Айрис. — Я хочу, чтобы все было, как раньше.

— А ресторан я могу оставить себе?

— Да ради бога! Забирайте все! — она смотрела на него с мольбой.

— Хорошо. Дайте мне руку! — скомандовал он и закрыл глаза. — А теперь идите, мы торопимся! — с этими словами Джек подхватил Сару под локоть и быстрыми шагами двинулся дальше. — Не вздумай оглядываться, — сказал он ей негромко.

Растерянная Айрис с недоверием смотрела им вслед. Внезапно ее озарило. Она вытащила из сумки телефон и дрожащими руками набрала в поиске «Меган». Ничего. Тогда она с нарастающим волнением набрала «Мама». Номер был в списке. Она выдохнула с огромным облегчением. Наконец-то она сможет забыть весь этот страшный сон. Она нажала на кнопку вызова и стала ждать. Мама ответила почти сразу.

— Мам, привет! Как ты? — горячо заговорила Айрис. — Очень хочу увидеть тебя! Я могу заехать прямо сейчас? Нет, недалеко, возьму такси и приеду. Да нет, ничего не случилось. Не волнуйся! Просто мне

сегодня... — Айрис замешкалась, — приснился страшный сон. Через двадцать минут буду. Целую!

Айрис вызвала такси. Большой черный минивэн подкатил к обочине ровно через три минуты. Айрис предвкушала, как обнимет маму, как снова услышит её голос — и все страшное забудется вмиг. Но что-то пошло не так. На перекрестке водитель автобуса слишком поздно заметил, что у него отказали тормоза. Автобус подмял под себя машину Айрис с такой легкостью, словно это была пустая жестянка из-под шпрот.

Сара и Джек как раз проходили мимо.

— Ну, вот и все, Айрис, — проговорил спокойно Джек.

— Она была там? — с ужасом спросила Сара и остановилась.

— Да, и она сама выбрала это. Я пытался ей помочь, — он был невозмутим.

— Но... неужели тебе ее не жалко? — на глазах Сары выступили слезы.

— Когда проработаешь вишером с мос, поймешь, что жалость — совершеннейший атавизм.

— Тогда на кой черт вообще ты исполняешь желания? Если выбирать можно только между смертью и жизнью, пущенной под откос?! — возмутилась Сара.

— Правила устанавливаю не я, — отрезал Джек.

— Но ты же можешь просто не вмешиваться, или... я не знаю...

— Не могу, потому что мне надо что-то есть. И одеваться, и жить в отелях — в роскошных отелях, —

улыбнулся он, — потому что вишеры — это всегда элита.

— А при чем здесь все это? — недоуменно посмотрела на него Сара.

— Нам никто не платит зарплату, мы сами должны добывать деньги. За последние пятнадцать минут я стал богаче на полмиллиона. Именно столько будет стоить ресторан Айрис, — подмигнул он Саре.

— Но ведь она умерла!

— И что? В тот момент, когда она произнесла, что ей не нужен ресторан, он автоматически по всем документам стал моим. Теперь я продам его и — вуаля! — у меня есть деньги, необходимые на твое обучение.

— Деньги на мое обучение? — недоуменно переспросила Сара.

— Ну да, а как ты хотела? Ты же видела себя в зеркале? — расхохотался Джек.

— Смотрю каждый день, — пробурчала Сара.

— И ты правда думаешь, что тебе кто-то поверит, если ты предложишь исполнить желание? — он с усмешкой смотрел на нее.

— Знаешь, мне как-то было не до этого, — разозлилась она.

— Очень жаль! — снова засмеялся он.

Они подошли к ее дому.

— Тебе нужно взять только самое необходимое на несколько дней.

Он бросил на нее долгий оценивающий взгляд и добавил:

— Бери только самое лучшее, пожалуйста. И переоденься. У тебя есть двадцать минут!

— На все-про все?! Я не успею!

— Уже девятнадцать с половиной, — ледяным голосом произнес Джек. Он знал, что новичку не нужно давать времени на раздумья. Ровно через двадцать минут Сара показалась с дорожной сумкой и собакой в переноске.

— Привет, Макс! — поприветствовал его Джек.

Сара надела какие-то бесформенные джинсы и длинный свитер. Глядя на это великолепие, Джек мысленно выругался, но вслух произнес:

— Хорошо. Сейчас мы вызовем такси и отправимся в аэропорт.

— В аэропорт? И куда же мы поедем?

— Мы полетим. Из аэропортов обычно улетают.

В этот момент подъехало такси. Они уже почти тронулись, как Сара воскликнула:

— Слушай, а твой багаж? Где он?

— Очень скоро ты поймешь, что все это барахло, которое ты накидала в свой чемодан, тебе абсолютно не нужно.

И с этими словами Джек откинулся на сиденье и закрыл глаза, показывая всем своим видом, что продолжать разговор не собирается. Сара отвернулась к окну, пытаясь переварить все произошедшее за последние несколько часов.

«Ты стал для меня чудом. Чудом, которое перевернуло всю мою жизнь. Ты открыл мне глаза. Ты научил меня заниматься любовью. ЛЮБОВЬЮ.»

Секс и любовь — это ведь очень разные вещи. Уже потом я поняла, что могу заниматься сексом с другими людьми, но любовью... Нет, наверное, уже не смогу никогда. Ты стал для меня источником. Источником силы, любви, всего того, что у меня, у бедной сироты, никогда не было. Ты вырвал с корнем меня из прежней жизни, в которой я существовала, работая в грязном и вонючем баре в Нью-Йорке. Ты перешагнул через оболочку моих страхов и стал первым, кто заглянул мне в душу.

Ты открыл мне правду о самой себе. Благодаря тебе я узнала, что красива. Раньше я слышала комплименты, но не верила им. Ты стал первым мужчиной, которому я поверила. В которого я поверила. Ты положил весь мир к моим ногам, а потом ушел. Навсегда. Просто исчез.

Это было нечестно, несправедливо. Сначала я ощущала только боль. Потом она сменилась гневом на тебя. А потом пришло смирение. И понимание, что по-другому уже не будет никогда. Я устала плакать, я устала страдать. И, наверное, не будь рядом Давида, я бы окончательно сошла с ума. Но он был рядом. И продолжает быть рядом, хотя уже всему меня научил. Благодаря ему я смогла взломать систему. Он исполнил совсем не то, чего бы тебе хотелось.

Наш сын растёт. Хотя не знаю, могу ли я говорить „наш“ в этой ситуации. Ведь ты даже не узнал, что я беременна. Но зато ты прислал ко мне Давида, и он заботится о нем как о родном. Николай очень красивый и смелый мальчик. Хотя он еще совсем маленький. Интересно, как я ему объясню, почему так хорошо выгляжу, когда он вырастет? Как отвечу на вопрос о том, чем мы с папой занимаемся? Сможем ли все скрыть, или он догадается? Так много вопросов... и так мало ответов. Как бы мне хотелось, чтобы все было хотя бы немного проще!»

Глава 3

В аэропорту Кеннеди было очень людно. Сара молча следовала за Джеком, изнемогая от любопытства. Он посмотрел на табло и мотнул головой: «Пошли!». На стойке она достала свой паспорт и паспорт Макса. Увидев посадочные талоны в руках Джека, она поняла, что они направляются в Париж. Какого черта они там забыли? Это же почти восемь часов полета! Слава богу, Макс был мелким и мог путешествовать с ней в салоне. В багажном отсеке за это время он бы просто сошел с ума. Продолжая играть в молчанку, они прошли все контрольные посты и направились к залу бизнес-класса. Ух, ты! Она еще никогда здесь не была! Они миновали раздвижные двери и оказались в тихом светлом помещении. Это был настоящий уголок спокойствия в безумной суете, окружавшей их. Зарегистрировавшись на входе, они прошли внутрь и сели в удобные кресла. Джек отошел к буфету, взял два виски со льдом и несколько кусочков колбасы для Макса. Собаке поездка начинала нравиться все больше, чего нельзя было с уверенностью сказать о Саре. Все развивалось так стремительно, что у нее не было времени осмыслить происходящее. Она выпила виски залпом.

— Черт, я даже не сообщила на работе, что ухожу, — спохватилась она.

— Не волнуйся. С тобой или без тебя — твои алкоголики все равно сорвутся, — отозвался Джек.

— То есть ты видишь будущее всех людей? — поинтересовалась она.

— Ну, в общем-то, да. Ты даже не представляешь, скольким вещам тебе предстоит научиться.

— А почему я не вижу будущее?

— Потому что ты еще не прошла процедуру инициаций.

— Но я же уже бессмертная!

— Да, но это лишь первая и самая малая часть возможностей вишера.

Джек явно начинал раздражаться, и она поспешила сменить тему.

— А зачем мы едем в Париж?

— Чтобы инициировать тебя, — нехотя отозвался он.

— А как это будет происходить? — не унималась Сара.

— Да чёрт же тебя дери, Сара! Всему свое время! — рявкнул он.

— Нет уж, пусть он дерёт тебя, — вспыхнула в ответ девушка. — Ты выдернул меня из привычной жизни самым беспардонным образом и теперь хочешь, чтобы я просто молчала и смотрела на то, как от моего настоящего не останется ровным счетом ничего?

— Скажи спасибо, что я разрешил тебе взять собаку, — с этими словами Джек встал, чтобы налить себе еще виски и дать понять, что разговор окончен.

Объявили посадку.

— Так мы летим первым классом? — на всякий случай уточнила она.

— Ты правда думаешь, что я бы согласился пересечь Атлантику в экономе? — усмехнулся он.

— Ого... Я никогда не летала бизнес-классом!

— Тебе предстоит делать многое из того, что ты никогда не делала, — хохотнул он.

— Послушай, все хочу у тебя спросить, а откуда ты узнал мои паспортные данные?

— У меня есть друзья повсюду, — слово «друзья» он произнес с нажимом и усмешкой.

Когда они зашли в самолет, Джек протянул ей таблетки:

— Что это?

— Не волнуйся, всего лишь мелатонин, тебе надо отдохнуть, нам предстоит долгий путь, — успокоил ее он. — Не забывай, что отравить тебя я не могу, потому что ты бессмертна, — он снова рассмеялся. — Хотя иногда так и подмывает это сделать. Авось вместо тебя мне дадут ученика поспособнее.

Последнюю фразу он произнес с абсолютно невозмутимым лицом, что Сару очень разозлило.

— Знаешь, мне и так не особо нравится все происходящее, а тут еще ты со своими дурацкими шуточками!

— Не волнуйся, вы все вначале одинаково бестолковые.

Сара обиженно отвернулась, но таблетку выпила.

Она проснулась, когда самолет заходил на посадку. Посмотрела на часы. В Нью-Йорке было семь

утра, а в Париже, соответственно, уже час дня. Они летели всю ночь. Джек улыбнулся ей, он выглядел гораздо спокойнее.

— Так ты расскажешь, зачем мы летим в Париж? — спросила она с надеждой.

— А мы, собственно говоря, летим вовсе не в Париж, — отозвался он.

— То есть ты сейчас чудом изменишь маршрут самолета, и он сядет в другом аэропорту?

— Нет, просто Париж — не наш пункт назначения. Мы проведем там несколько дней, чтобы привести тебя в более-менее приличный вид.

Сара вновь кинула на него испепеляющий взгляд, а Джек невозмутимо напомнил, что главная цель поездки — инициация, и она будет проходить не в Париже.

— Должна ли я буду пить свежую кровь из черепа? Лишать жизни христианских младенцев? — сладким голосом спросила она.

— Ты перечитала Дэна Брауна, детка. Все будет гораздо прозаичнее.

Джек вызвал стюардессу и попросил шампанского. Девушка вернулась с двумя бокалами.

— Ты с ума сошел, пить шампанское в семь утра по Нью-Йорку?! — изумилась Сара.

— Ну в Париже-то уже час дня! Время аперитива! Чин-чин! За твое блестящее и бесконечное будущее, — он протянул ей бокал, и они чокнулись.

Ее не покидало ощущение нереальности всего происходящего. Вот она, Сара, летит бизнес-классом, пьет шампанское с этим обаятельным мужчиной. И

совсем скоро она сможет исполнять желания других. Девушка больно ущипнула себя на всякий случай. Но нет, это был не сон.

Самолет приземлился. Миновав все контрольные точки, они вышли из зала. Макс измучился в полете, и когда ему, наконец, разрешили выбраться из переноски, счастью не было предела — к тому же Джек предложил псу сэндвич с курицей, предусмотрительно припрятанный во время ланча.

— Надо же... а я не догадалась! — восхитилась Сара. — У тебя что, были собаки?

— Угу, до того, как я стал вишером и некоторое время после. Потом меня стало ужасно раздражать, что они стареют и умирают, а я продолжаю жить. И я перестал их заводить. Хотя всегда предпочитал собак людям, — вздохнул Джек.

Сара впервые подумала, что быть бессмертной не так уж и весело.

— Послушай, а что мне делать с моей прежней жизнью? С арендой квартиры, с работой... Меня же хватятся! Чего доброго, пойдут в полицию, начнут разыскивать...

— Зачем и кто? Не усложняй. Когда тебе позвонит босс или хозяин квартиры, скажешь, что была вынуждена срочно переехать в связи со неожиданной болезнью матери.

— Но ведь моя мама умерла... — начала было Сара.

— Это знаю я. Но этого не знают они, — перебил он ее. — Хозяину квартиры предложишь деньги в качестве неустойки. Ну, а с работы пусть увольняют на

здоровье. Пенсия теперь тебе точно не светит! — хмыкнул Джек.

На выходе их ждал одетый в черное мужчила с табличкой «Джек».

— Это кто?

— Давай договоримся, если я тебя ни о чем не спрашиваю, или не прошу поделиться мнением, ты молчишь. Это наш шофер. Сейчас мы едем в отель. У нас много дел.

Они проследовали за водителем к черному лимузину. Сара удивленно распахнула глаза. Она никогда в жизни не ездила в дорогих машинах, тем более — в лимузинах. Джек с нескрываемым удовольствием наблюдал за простодушной и наивной реакцией Сары. Автомобиль выкатился на набережную Сены.

— Эйфелева башня! — воскликнула девушка и захлопала в ладоши.

— Она самая, — со скукой в голосе отозвался Джек. Все чудеса света уже давно перестали производить на него впечатление.

Тем временем они проехали по бульвару Клиши и, наконец, остановились у шикарного отеля «Лё Рояль Монсо-Рафль Пари». В огромном, отделанном деревом лобби им выдали ключи.

— Иди погуляй с собакой, а потом приходи в номер. Я пока отнесу твою сумку наверх! — скомацдовал Джек.

— Мы что, будем жить в одном номере? — удивленно спросила Сара.

— Не волнуйся, это королевский съют, по размеру он как пять твоих квартир. При желании я могу с тобой вообще не встречаться. Десять тысяч евро в сутки просто так с постояльцев не берут, — улыбнулся Джек.

— Да я столько за год не зарабатываю! — Сара нервно сглотнула, отдала в руки Джеку сумку и вышла с собакой на улицу.

В Париже уже чувствовалось дыхание осени. Она была не такая красочная, как в Нью-Йорке, но восторг Сары по поводу всего происходящего возрастал. Она впервые выехала за пределы Соединенных Штатов, впервые была в Париже и впервые поселилась в таком роскошном отеле. Сказка, да и только!

Прогулявшись по широкой улице с высокими деревьями и такими низкими в сравнении с Нью-Йорком домами, они с Максом вернулись в отель и поднялись на свой этаж. Сара распахнула дверь и мгновенно лишилась дара речи. Это был не просто роскошный номер — это был утонченно роскошный номер, огромный и светлый.

— Вау! — только и смогла произнести она.

— Я же говорил, что тебе не придётся жаловаться. Смотри: здесь твоя спальня, тут моя, у тебя есть своя ванная. Вот кабинет и столовая, а вот небольшая кухня, — провёл краткую экскурсию Джек.

— Я такое только в кино видела, — восхищенно выдохнула Сара.

— Привыкай, отныне это твоя новая реальность, — отозвался вишер. — А теперь мы оставим собаку дома и отправимся наводить марафет.

Не удивляйся — «домом» я называю гостиничные номера, чтобы не чувствовать себя слишком уж паршиво, постоянно мотаясь по гостиницам.

Они вышли на улицу и через некоторое время оказались у Триумфальной арки. Сара попросила Джека сфотографировать её у достопримечательности, но тот удивлённо вскинул бровь:

— А зачем? Чтобы кому-то показать? И кому же интересно знать?

— Никому. Просто так... на память, — обескураженно пробормотала она.

— Ой, я тебя умоляю. Очень скоро этот Париж ты будешь видеть в гробу в белых тапках. Как и все другие города мира.

Они свернули на Елисейские поля и дошли до салона красоты. Внутри было все именно так, как и ожидала Сара: роскошный интерьер, вышколенный персонал и приятный запах кофе, витающий в воздухе. Джек сказал что-то на французском девушке за стойкой.

— Что ты ей сказал? — спросила Сара.

— Отрежьте ей голову и пришейте новую, — отозвался Джек.

— Очень смешно, — без тени улыбки ответила Сара.

— Я оставляю вам эту девушку на пару-тройку часов. Доведите ее до ума, пожалуйста.

— До ума меня надо довести, ишь! — проворчала Сара. — А ты что будешь делать в это время?

— Меня тоже надо доводить до ума, — улыбнулся он. — Я буду в соседней комнате, — и с этими словами он скрылся.

Когда через пять часов он зашел в зал, где сидела Сара, то едва смог узнать её. Ее прежде тусклые волосы теперь были окрашены в цвет, напоминающий роскошную шерсть ирландского сеттера. Именно это сравнение пришло на ум Джеку — он любил собак и знал, что Сара их тоже любит. Этот оттенок как нельзя лучше гармонировал с цветом ее глаз. Лицо девушки тоже изменилось — неуловимо и вместе с тем кардинально. Безупречная линия бровей, сделанный с большим вкусом макияж. Джек едва скрывал своё изумление.

— Вы прекрасно поработали, — обратился он к мастерам. — А ты, оказывается, очень даже ничего, если тебя привести в порядок, — проговорил он, пристально глядя на свою ученицу.

Сара просияла, еще раз с восхищением посмотрела на себя в зеркало. Ей даже захотелось расправить плечи.

— И что теперь? — спросила она.

— Подожди, сейчас я рассчитаюсь, а потом мы тебя немного приоденем, — ответил он.

Через пятнадцать минут они уже заходили в торговый центр. Сара с паникой смотрела на ценники. Похоже, меньше пятисот евро здесь не стоил даже носовой платок.

— Помни о том, что вишер — это воплощение класса и стиля, иначе тебе никто не поверит, —

подмигнул ей Джек. — Ну, и не забывай, что благодаря Айрис у нас есть полмиллиона на булавки.

Он повернулся к продавщице:

— Помогите, пожалуйста, моей сестре составить базовый гардероб. Что-то в стиле кэжуал, что-то для вечера. Ну, вы меня понимаете.

— Да, конечно.

Через пару часов они сидели в уютном ресторане и ужинали улитками, устрицами и биф бургиньоном. Сара чувствовала себя как ребенок-сирота на Рождество, которого неожиданно задали подарками, о которых она и мечтать не смела. Они пили шампанское, выбранное Джеком. Краем глаза она увидела, что оно стоило около тысячи евро за бутылку. Это было самое вкусное вино, которое она пробовала в своей жизни, хотя сама она ни за что бы не отдала за него столько. Во сколько обошелся поход в салон красоты и в магазины, она даже не хотела знать. Внезапно она вспомнила о Максе:

— Черт, времени уже много, а Макс так и сидит весь день в отеле!

— Не волнуйся о нем, я это предусмотрел, — невозмутимо сказал Джек.

— Кто-то вывел мою собаку на прогулку? Без моего ведома? — возмутилась было она.

— Нет, лучше. Потерпи, сама всё увидишь.

В сердце Сары закралась тревога. А вдруг Джек, памятуя о том, что он сделал с Айрис, сотворил что-нибудь плохое и с Максом?

— Джек, я бы хотела вернуться в номер! — холодно проговорила она.

— Давай допьем шампанское, не выливать же его, — ответил он, ухмыляясь.

— Я не могу пить шампанское сейчас, я слишком нервничаю из-за своей собаки! — от волнения она почти кричала.

— Хорошо-хорошо, ты можешь идти! А я допью вино, съем десерт и догоню тебя. Завтра нам рано вставать.

Сара вскочила и почти бегом помчалась в отель. Ей казалось, что лифт тащился наверх целую вечность. Наконец, двери распахнулись, она влетела в номер, громко окликая собаку. Макс не отзывался. Это было невозможно и страшно.

«Нет, нет, пожалуйста, только не это!» — пронеслось у нее в голове.

— Макс, Макс, где ты? — звала она, обходя комнату за комнатой. Но собаки нигде не было — ни на диванах, ни на кроватях, ни под кроватями.

И тут она услышала шум спускаемой воды в одном из туалетов.

— Что за черт? — Сара вздрогнула от неожиданности. — Эй, кто здесь?

И тут из её ванной комнаты выбежал довольный Макс. Она бросилась к нему, схватила в охапку и стала целовать куда придется, совершенно позабыв, что на ней жакет, стоимость которого заканчивалась тремя нулями.

— Как я испугалась за тебя, малыш! — В ответ Макс лизнул ее в щеку. — Где ты пропадал, негодник? Почему так долго не отзывался?

Макс аккуратно высвободился из её объятий и потрусил в сторону ванной, оглядываясь и приглашая следовать за ним. Она не повсорила своим глазам: Макс, забравшись на унитаз справил нужду, а потом лапой надавил на рычажок слива. Увиденное лишило Сару дара речи. Она слышала, что некоторые кошки умеют пользоваться туалетом. Но собаки?...

За спиной послышался смех Джека:

— Согласись, я ловко всё устроил. Будем считать это небольшим, но очень важным для Макса апгрейдом. С одной стороны, я пожалел уборщицу, которая отнюдь не была счастлива видеть постояльцев с собакой в самом дорогом номере. С другой — Макс совершенно спокойно сможет обходиться без обязательных выгулов. Нет, конечно же, его надо выводить на свежий воздух. Но, учитывая твою занятость и плотный график, теперь с этим всё значительно проще! Я бы сказал, без сюрпризов.

Джек явно наслаждался выражением лица Сары, все еще пребывающей в шоке.

— Черт бы тебя побрал! Ты не мог мне это сказать в ресторане? Я чуть с ума не сошла, пока мчалась в отель! Я не знала, что и думать! — Сара была рассержена не на шутку.

— И лишить себя возможности насладиться твоей растерянностью и твоим изумлением? Ну уж нет. Лицезреть твое выражение лица сейчас — истинное наслаждение. Будем считать, что за это я тоже заплатил.

Внезапно Джек сменил тон и стал серьезным.

— А теперь сосредоточься и успокойся. Нам предстоит долгая дорога.

— Долгая дорога куда? — Сара задала вопрос, заранее зная, что ответа не получит. Но её так достали его полунамёки!..

Однако Джек своим принципам изменять не стал и просто вышел из ее комнаты. Сара вздохнула и пошла укладываться спать вместе с Максом.

На следующее утро ее разбудил звонок в дверь. Издалека и сквозь сон она услышала голос Джека:

— Да, она еще спит. Отнесите завтрак в постель.

В дверь ее спальни деликатно постучали. Одетый в белую форму официант внес большой серебряный поднос.

— Ваш завтрак, мадмуазель.

— А сколько сейчас времени? — поинтересовалась она.

— Шесть часов утра, — ответил за официанта Джек, уже одетый в джинсы и свитер, бодрый, гладковыбритый, благоухающий одеколоном. Он протянул чаевые юноше, и тот вышел из номера.

— Завтракай быстрее! Через полчаса мы выезжаем. Я заказал завтрак и Максу тоже. Кстати, будь добра, выкинь всю свою старую одежду, — обернулся он в дверях.

Через полчаса они уже садились в черный джип, арендованный в отеле.

— Нам предстоит долгая дорога? — спросила Сара.

— Да, около двенадцати часов в машине.

— И ты по-прежнему не готов сказать, куда мы едем? В Канны? В Ниццу? В Монако? — попыталась угадать она.

— Мимо. Мы едем в Лурд.

— Куда-куда? — лицо Сары вытянулось, она никогда не слышала такого названия.

— Лурд. Это деревушка на юге Франции, затерянная в Пиренеях, — сегодня Джека можно было назвать не просто разговорчивым, но даже без меры болтливым.

— И что мы там забыли?

— Всё просто — это одно из наиболее важных в Европе паломнических мест.

— Паломнических? Но разве вишеры верят в бога? — удивилась она.

— На этот вопрос нет однозначного ответа. Но сейчас нас там интересует совсем другое.

По выражению лица Джека Сара опять поняла, что дальнейшие расспросы бесполезны.

«Воспоминания о тебе с каждым днем становятся все более размытыми. Я выбросила наши совместные фотографии, чтобы у Ника не возникало лишних вопросов и чтобы мне проще было тебя забыть. Знаешь, как бывает: сначала забываешь цвет глаз человека, потом улыбку, потом те хорошие моменты, что разделили вместе, потом забывается всё плохое... И самым последним забываешь запах человека. Запах, который ты вдыхала, прижавшись к любимому, уткнувшись носом в спину. Запах, который окатывал тебя сладкой волной, когда он возвращался из поездок. Запах, который на рассвете будил тебя счастливым

осознанием, что он рядом. Этот некогда родной и любимый запах, который проник в твою кожу, смешался с твоим собственным. Но постепенно он смывается, выветривается... День за днем, месяц за месяцем, капля за каплей. И вот уже ты не помнишь его, как ни силишься, а на смену ему приходит другой — не менее любимый и родной. И ты снова счастлива. Потому что в твою жизнь снова вошло это потрясающее чувство. В твою жизнь вновь проникает свет. Он сметает мощной волной тьму непонимания, боли, тревоги. Он успокаивает и свидетельствует о том, что все возможно, что жизнь только начинается. Он вытаскивает тебя из бездны отчаянья.

И да, я стала вишером. По собственному желанию. Знаю, что в обычной жизни такое невозможно, но я пожелала быть такой же, как ты. И Давид понял, что должен использовать свой шанс. Он влюбился в меня еще до того, как ты послал его ко мне. Он рассказывал, что увидел фотографию в твоём кабинете в Порто и просто потерял голову. Как это романтично! В современном мире такое кажется невозможным. Но тогда было другое время.

Он ничего не сказал тебе, а ты не заметил, как изменилось его лицо. Когда ты обратился к нему с деликатной просьбой, он чуть не пристрелил тебя. Ему показалось просто кощунством даже допустить подобные мысли. Но потом он мгновенно сообразил, что может использовать ситуацию себе во благо и согласился помочь тебе. А потом просто сообщил коротким письмом, что твоя просьба выполнена, без деталей. И вот теперь я знаю, что ты жив, а ты не знаешь, что жива я.

Что бы ты сделал, если бы узнал, что я все еще существую? Вернулся бы? Попросил бы прощения? Ползал бы на коленях? Принял бы сына или посчитал его не своим? Или ты уже устроил

свою жизнь? Снова женился? У тебя есть дети? Как бы мне хотелось задать тебе все эти вопросы!.. Но вряд ли я когда-нибудь смогу найти тебя. Ведь мир так велик, и ты можешь находиться в любой его точке. Скажи, исполняя желания других людей, счастлив ли ты без меня? Вспоминаешь ли обо мне? Жалеешь ли о содеянном?

Мне нравится думать, что когда-нибудь мы встретимся. Может, через сто лет, а может, через двести. Неважно. Конечно же, ты меня узнаешь, хоть я поседела и состарилась после твоей „смерти“, с помощью возможностей современной медицины и косметологии я все исправила. И теперь я такая же, как и много лет назад. Но только внешне. Внутренне я очень изменилась. Ты бы заметил это с первого взгляда. Ты бы гордился мной, я уверена. Я действительно стала такой же, как ты.

Теперь я понимаю, для чего начала писать эти письма. Когда-нибудь мы встретимся, и я отдам их тебе. Для чего? Чтобы ты почувствовал то, что чувствовала я. Чтобы ты узнал все то, о чем должен был узнать».

Глава 4

Чем дальше они продвигались на юг, тем сильнее портилась погода. Становилось все прохладнее, моросил дождь. Время тянулось медленно, Джек молчал. Они лишь изредка останавливались на заправках, позволяя заодно Максу размять лапы. От нечего делать Сара взяла мобильник и набрала в поисковике «Лурд». Она прочитала, что это крошечная деревушка у подножия Пиренейских гор с населением почти пятнадцать тысяч человек.

Согласно «легенде», — в кавычках, потому что католическая церковь занималась расследованием и постановила, что происшествие имело место быть, хотя реальные доказательства, разумеется, собрать трудно — в 1858 году местной четырнадцатилетней девочке Бернадетте Субиру многократно являлась Дева Мария. В итоге на месте первого явления построили храм и святилище, Бернадетту канонизировали, а деревушка до сих пор неплохо на этом зарабатывает. Ежегодно сюда стекаются более пяти миллионов паломников, в основном желающие от чего-либо излечиться. Под церковью находится грот со статуей Пресвятой Девы и источник, который обладает волшебной силой.

Когда они подъехали к Лурду, уже смеркалось.

— Мы успели! — удовлетворенно произнес Джек. — Успели до закрытия санктуария. Сейчас идеальное время. Народу немного. Я не хотел привлекать к нам внимание.

Сара продолжала в недоумении таращиться на него. Они припарковали машину на небольшом пятачке напротив многочисленных сувенирных магазинов с разнообразной религиозной мишурой — от магнитиков с изображением Святой Бернадетты до канистр для святой воды.

Чуть дальше Сара увидела огромные кованые ворота.

— Мы на месте! — заговорщически прошептал Джек.

— И что мы будем делать? Молиться? — Сару уже порядочно утомили загадки. — Слушай, ты можешь просто сказать мне, что будет дальше?

— Ну уж нет, так теряется интрига, а вместе с ней и торжественность момента, — рассмеялся Джек.

Джек пошел вперед, пересекая площадь, на которой был воздвигнут многоуровневый храм. Пройдя сквозь каменные арки вдоль реки, они увидели грот. Внутри него стояла статуя Мадонны в бело-голубых одеяниях. Поскольку они пришли почти перед самым закрытием, паломников почти не было. Только некоторые из них, задержавшись, вероятно, после службы, все еще сидели на лавочках. Кто-то шептал молитвы, кто-то плакал.

Никогда раньше Сара не бывала в святых местах, поэтому находилась под сильным впечатлением.

Задумавшись о том, что огромное количество людей со всего мира на протяжении вот уже почти двухсот лет съезжается сюда, чтобы просить об исполнении желаний, она ощутила какой-то внутренний подъем. И самое удивительное, что, если верить интернету, люди действительно получают ответы на свои молитвы, исцеляются и меняют свою жизнь. Все эти случаи скрупулезно фиксируются католической церковью, а записи хранятся в Ватикане.

— Ну, что ж, пойдём! — Джек подтолкнул ее в грот к статуе.

— А что я должна делать? — Сара никогда не была верующей, и сейчас все происходящее казалось ей как минимум странным. Нет, она, конечно, допускала идею существования бога, но чудотворные статуи — это явный перебор.

Джек подвел ее к камню, расположенному прямо под статуей.

— Дотронься и замри, — скомандовал он. Сара не стала задавать вопросов. Она коснулась камня, и тут произошло нечто удивительное. Внезапно все вокруг стихло. Ни ветра, ни птиц, ни голосов. Не отрывая руки от камня, она оглянулась назад и увидела, что все сидевшие на скамейках словно замерли. «Тот самый трюк, который он проделал со мной, когда рассказывал про вишеров», — догадалась она. А потом на нее полился голубой свет — очень яркий, прохладный и успокаивающий. Она боялась пошевелиться.

— Это не совсем то же самое, — словно прочитал ее мысли Джек. — Мы приехали сюда, чтобы начать

твое посвящение. Только что ты обрела способность, скажем так, замораживать людей, время, любые двигающиеся объекты. Можешь убрать руку.

Сара оторвала руку, но мир остался недвижим.

— Тогда почему люди, которые приезжают сюда и дотрагиваются до камня, не обретают такую же способность? — спросила она.

— Потому что они даже не предполагают, что так было можно, — рассмеялся он в ответ. — Люди вообще практически ничего не знают о себе. Время от времени для избранных открывается определенный пласт знаний. Для вишеров — свой, для других особенных людей — свой. Творец никому не дает полного понимания картины мироустройства, знания разбросаны по крупицам. Ему, как ты понимаешь, не нужны конкуренты. Однако мы здесь не потому, что статуя Пресвятой Девы обладает волшебной силой.

— Да? Тогда почему же?

— Потому что здесь есть то, что нам необходимо. Чтобы оставаться бессмертными и исполнять желания, трсбуется энергия, много энергии. Где ее брать? Лучше всего там, куда приходит большое количество людей с надеждой и верой. Как правило, это места паломнические, святые места. При этом совершенно неважно, православный ли это храм, католический собор, мечеть или же буддистский дацан. Главное, чтобы здесь были люди, которые молятся, надеются, верят и благодарят.

Сара начинала кое-что понимать. А Джек продолжал:

— Теперь ты получила свою первую способность. Ты можешь разморозить окружающих, мы идем ужинать и спать. Я провёл черт знает сколько времени за рулем!

Тут он внезапно развернулся в сторону невысокой сухопарой женщины, неподвижно стоявшей на коленях.

— Эй! Хватит прикидываться, Лайла! Мы давно не виделись, но неужели ты думала, что я тебя не узнаю?

Женщина улыбнулась в ответ, поднялась и подошла к Джеку.

— Сколько лет, сколько зим, дорогой! — они обнялись.

— Почему ты затаилась и не подошла сразу? — спросил он.

— Не хотела мешать инициации, — ответила Лайла.

— Сара, позволь тебе представить мою давнюю подругу. Это Лайла, один из старейших на Земле вишеров. Нам повезло, что мы с ней встретились. Размораживай паломников и пойдемте ужинать все вместе. Я знаю тут одно превосходное местечко, — сказал Джек.

— Знает он одно местечко, — передразнила Лайла. — Его тут все знают, потому что это единственный приличный ресторан на расстоянии многих миль.

— Постойте, постойте, а как их разморозить? — вышла, наконец, из ступора Сара.

— Просто пожелай этого, — хором ответили Джек и Лайла.

Сара зажмурилась на всякий случай, а когда открыла глаза, все было, как обычно. Никто ничего не заметил. Они отошли от стены и двинулись к выходу. Джек и Лайла шли впереди и о чем-то шептались, а Сара брела чуть поодаль, оглядываясь по сторонам. Уже совсем стемнело, когда они пересекли мост и подошли к деревянным дверям ресторана. Внутри было очень уютно, хотя, конечно, не так роскошно, как в том парижском местечке.

— Здесь отличный паштет и фуа, — отрекомендовала Лайла.

— А вот улитки не очень, — подхватил Джек.

Сара не могла думать о еде, она была слишком поглощена тем, что у нее появились сверхспособности.

— Я буду то же, что и вы, — сказала она.

— Нет, дорогуша, ты должна уметь полностью отключаться от работы. Поэтому сделай милость, изучи меню, — сказал ей Джек серьезно. — Делай, как я говорю, иначе сгоришь очень быстро.

Сара покорно кивнула и принялась искать меню на английском. После обильного ужина с прекрасным вином они отправились в близлежащую гостиницу, захватив с собой Макса, которому уже порядочно надоело сидеть в машине.

На прощание Лайла поинтересовалась, куда Сара и Джек направятся дальше.

— Конечно же, в Ковадонгу, — отозвался он.

— А потом?

— А потом Сару ждет сюрприз! — напустил тумана Джек.

— Ну-у-у... как обычно! — закатила глаза Сара.

— Тебе мама никогда не говорила, что закатывать глаза — моветон? — поинтересовался Джек.

— Любезности и деликатности тебе не занимать, — вскинулась Сара.

— А я и не собирался с тобой церемониться. А теперь спать! — с этими словами он обнял на прощание Лайлу и скрылся в своем номере.

— Когда у меня появятся еще какие-нибудь суперспособности, надеюсь, я смогу его стукнуть? — сострила Сара.

— Увы, — улыбнулась Лайла. — Вишеры не могут исполнять свои желания. Если хочешь, мы можем спуститься в бар выпить чего-нибудь и поболтать как девочка с девочкой.

— О, с удовольствием! — отозвалась Сара, думая при этом, сколько лет стукнуло этой «девочке», если она одна из старейших вишеров.

Они заказали два бокала красного и устроились у барной стойки.

— Ну, спрашивай! — предложила Лайла.

— Что спрашивать? — удивилась Сара.

— Все то, что хотела спросить у Джека, но так и не смогла, — рассмеялась Лайла. — Он славный малый, просто ему серьезно поднадоела его работа. Шутка ли, почти триста лет!

— Кстати, а сколько лет на посту ты? — поинтересовалась девушка.

— Чуть больше двух тысяч, — ответила Лайла.

Сара чуть со стула не упала:

— Ско-о-олько?

— Две тысячи. Первые вишеры появились после нулевого года, когда возникла целая когорта самых разных Учителей. Люди всегда молили о помощи, о чуде, об исполнении желаний. А как иначе? Без таких чудес они бы попросту перестали верить в своих богов. И если бы не было нас, вишеров, Творцу пришлось бы очень нелегко. Столетие за столетием он исполнял бы никчёмные, эгоистичные и мелкие желания людей. И это был бы самый настоящий мартышкин труд. Потому что, получив желаемое, в девяноста девяти случаях из ста люди понимают, что исполненное не принесло им счастья и просят вернуть всё назад. Причём в глубине души они и сами чувствуют, что просят не о том. Но очень боятся в этом себе признаться.

Несмотря на все различия между религиями, человечество, по сути, сегодня поклоняется только одному богу — Счастью. Счастье стало навязчивой идеей миллионов людей с того самого момента, как Джек помог одной женщине написать книгу «Тайна». Ну... то есть как помог... Он написал её сам, а женщина издала «Тайну» под своим именем. Она просто хотела денег. Что произошло дальше? Люди словно обезумели. Они поверили, что абсолютно каждый сможет притянуть в свою жизнь всё, что угодно, — и даже не дают себе труда задуматься, действительно ли им это нужно.

Как правило, это что-то материальное — огромный дом, роскошные автомобили, идеальные

любовники и любовницы. Но желать чего-то — даже если речь идет о здоровье — означает менять сложнейший узор причинно-следственных связей. А эти связи простираются гораздо дальше, чем человек может себе вообразить. В итоге мы имеем абсолютно несчастных людей, исполнивших свои якобы заветные желания, — Лайла грустно вздохнула.

— Вот помню, был у меня клиент, — продолжила она. — Он провалялся на больничной койке пятнадцать лет. Поломался еще совсем молодым мальчишкой, ему едва исполнилось восемнадцать. Боже, как он желал выздоровления! Он молился, визуализировал, он постоянно представлял себя крепко стоящим на ногах, без боли и усилий. Его родители объехали все известные и неизвестные святые места. Меня послали исполнить его волю. Поскольку других желаний у него не было, я скрепя сердце сделала это.

— Почему же скрепя сердце? — удивленно спросила Сара.

— Я знала, что будет потом. Он встал на ноги и пошел. Ему было тридцать три года. Но куда он пошел? В мир, который для него был уже абсолютно чужим. Пошел без профессии, без опыта работы, без друзей, потому что большинство из них бросает тебя, когда в твоей жизни случаются неприятности.

— И что же с ним стало? — заволновалась Сара.

— Самоубийство, — бросила Лайла. — Ровно через два месяца после чудесного выздоровления. А если бы он не поправился, он бы прожил долгую жизнь, и ее можно было бы даже считать счастливой.

Как это ни странно, он бы нашёл себя и нашёл бы силы жить со своим недугом. После того как парня не стало, его мать трижды оказывалась в психушке с первым срывом. Что было дальше, даже рассказывать тебе не буду.

— То есть, по большому счету, вишеры приносят только несчастья, — ошарашенно выдохнула Сара.

— Ну нет, все зависит от человека. Допустим, мы выполнили желание, человек понял, что этого делать не стоило, попросил отыграть обратно. Или же приспособился к новым условиям и научился жить здесь и сейчас, радуясь тому, что получил. Тогда все окей. Но если человек продолжает ненасытно желать, вместо того чтобы задуматься — а действительно ли оно мне надо? — то беды не миновать, — Лайла глубоко вздохнула и отпила глоток вина.

— И все же ответь мне. Вишеры — посланники бога или дьявола? — Сара, наконец, задала давно мучивший ее вопрос.

— А почему ты думаешь, что бога и дьявола нужно разделять? Почему бы тебе не задуматься о том, что одно не может существовать без другого?

— Ну, не знаю... Меня так приучили думать с детства, — отозвалась Сара.

— Большинство историй о демоне, предлагающем подписать контракт, — это о нас, вишерах. Заметь, что чаще всего в таких историях фигурируют мужчины, и это обидно. А я, между тем, один из самых древних вишеров на этой планете. Женщин недооценивали от сотворения, — Лайла улыбнулась. — Ну, сама подумай: какой, к чертям, демон из средневековой женщины?

Максимум – ведьма. А должности повыше – боги, дьяволы, ангелы с архангелами – все сплошь мужики.

– И впрямь! А я как-то об этом не задумывалась, – улыбнулась Сара.

– Ты о многом в этой жизни еще не задумывалась. У меня-то было больше двух тысяч лет, чтобы поразмышлять обо всем на свете, – хмыкнула Лайла.

– И тебе не надоело?

– Конечно, бывают периоды, как у Джека, – все бросить к чертям собачим. Но потом думаешь: а что потом? Доживать свои оставшиеся годы как обычная смертная? И это после всего, что я увидела и пережила? Покончить жизнь самоубийством или сойти с ума, поднимаясь каждый день на работу в шесть утра и возвращаясь в семь вечера в пустой дом?

– Почему же пустой? Может, ты бы кого-нибудь встретила, полюбила, – возразила Сара.

– Ха! «Встретила-полюбила». Смешно. За это время я научилась читать судьбы людей по одному их слову, безо всяких там магических прибамбасов. А любовь возможна только тогда, когда в человеке есть какая-то загадка, тайна.

– А как же любовь с другим вишером? – не унималась Сара.

– Чтобы видеться раз в году по обещанию? Он работает в Нью-Йорке, я в Монреале. Он в Мадриде, а я в Багдаде. Прекрасные отношения, чего уж тут!

– Мда, печальная перспектива вырисовывается, – Сара заметно погрустнела.

— Да нет, все не так плохо. Именно поэтому Джек почти не дает тебе информацию, чтобы ты не грузилась раньше времени. — подбодрила её Лайла. — Ладно, допивай вино и пойдем спать!

Пока они поднимались по лестнице, Сара с восхищением бросала на нее взгляды. Она никак не могла поверить, что Лайле больше двух тысяч лет.

— Мне сюда, — улыбнулась та и подошла к двери Джека.

— Но разве не ты сказала, что любовь между двумя вишерами невозможна? — не удержалась от бестактного вопроса Сара.

— Любовь — невозможна, а вот секс... — она насмешливо улыбнулась.

Сара поплелась по коридору в свою комнату. В ее голове роилось огромное количество мыслей. Ей казалось, что она не сможет заснуть всю ночь. Но как только ее голова коснулась подушки, сон тут же сморил ее. Сказались многочасовое путешествие и масса новых впечатлений.

Джек постучал в дверь рано утром. Он был один.

— А Лайла? — спросила Сара и тут же поняла, что опять допустила бестактность.

— Уехала, — бросил Джек. — Собирайся, сегодня вместо завтрака у нас водные процедуры.

— Как так? У меня нет купальника, — запротестовала Сара, пытаясь понять, где же они будут купаться в такой холод.

— Купальник тебе не понадобится, — ответил Джек.

Ему нравилось недоговаривать. Всякий раз предвкушал бурю негодования в ответ на свои намёки и загадки и очень этому радовался. Сару можно было читать как открытую книгу, просто наблюдая за ее лицом.

Они вышли из отеля и направились в сторону санктуария. Войдя в ворота, прошли через всю территорию и, миновав Мадонну, встали в очередь у странного вида здания.

— А теперь нам придется разделить, потому что мальчики идут здесь налево, а девочки — направо.

— Но что это такое? — спросила Сара.

— Это купели. Сегодня ты получишь второе крещение, — улыбнулся он и ушел в мужскую очередь, которая была значительно меньше женской.

Через некоторое время Сару пропустили внутрь. Тряпичные занавески разделяли купальни на комнаты, внутри каждой находилась купель и при ней — три монашки. У каждой из сестер был бейджик с флагами стран, на языке которых они говорят, хотя это было большим преувеличением. Каждая знала пару-тройку фраз на английском и говорила с ужасным акцентом. Они помогли Саре раздеться, обернули ее в белую простыню и подвели к купели.

Вода обожгла ее ноги пронизывающим холодом. Выждав несколько секунд, святые сестры подтолкнули её дальше. Вода теперь доставала до пояса. Саре было очень-очень холодно.

— Хотите окунуться в воду с головой? — спросила одна из монашек.

— Да, — ответила Сара, стуча зубами.

— Тогда просто присядьте на корточки.

Сара ожидала, что произойдет что-то волшебное — вроде того, что случилось у статуи Мадонны, но ничего не произошло. Недоумевающую девушку вывели из купели и помогли ей одеться. Она вышла на улицу, Джек уже ждал ее.

— Ничего не произошло, — заявила она.

— Ты уверена? — усмехнулся он. — Прочитай-ка вот эту табличку.

— Но она же на французском языке, а я его не зна... — она запнулась, потому что с удивлением обнаружила, что это не так. Она с легкостью читала на французском так же, как и на английском.

— А теперь вот эту, — попросил Джек. Это был текст на испанском. Сара и с этим с легкостью справилась.

— А какие еще языки я теперь знаю?

— Абсолютно все языки и наречия мира. Всего более семи тысяч. Девяносто процентов из них тебе почти никогда не пригодятся, потому что на них разговаривают не больше ста тысяч людей. В основном ты будешь использовать сорок языков из наиболее распространенных. Но нас на всякий случай обучают всем языкам — живым и мертвым. Для вишеров это необходимость, ведь нам приходится работать с самыми разными людьми. Я поздравляю тебя, Сара. А теперь нам пора ехать.

Сара удивлялась разговорчивости Джека.

— Слушай, если ты сегодня настолько расположен поболтать, может, сделаешь одолжение,

напомнишь, куда мы едем? — не удержалась от вопроса Сара.

— В Ковадонгу, — отозвался он.

Они забрали из гостиницы собаку и вещи и снова тронулись в путь. По дороге Сара нашла в интернете информацию о месте, в которое они направлялись. Ей очень нравилось, что теперь она могла читать на любом языке, это значительно расширяло ее возможности. Она узнала, что Ковадонга находится на севере Испании в провинции Астурия. Величественный храм стоит в окружении гор, а рядом с ним расположен небольшой грот со статуей Мадонны, как и в Лурде. Согласно исторической справке, в начале VIII века первый король Астурии Пелайо укрылся в этой пещере, спасаясь от арабов, захватывающих все больше христианских территорий. Никто не знает, какова была численность войск Пелайо, поскольку в те времена все исчислялось по-другому. Что именно произошло? Версии разнятся. Кто-то говорит, что вход в пещеру завалило камнем, другие — что камнями завалило противников короля. Есть и более странные версии. Единственным достоверным фактом является то, что после того сражения началась реконкиста Испании. Это место очень почитается верующими.

Путь был неблизкий — около восьми часов, если без остановок. Они пообедали в Бильбао, где, к радости Сары, напротив музея Гугенхайма увидели огромную цветочную статую собаки, так похожую на Макса. Бильбао — столица северной части Испании, которая называется Страной Басков. Баски, как

известно, не горят желанием быть составе Испании и предпочли бы отделиться при первой же возможности. Но кто ж им даст! Как в Каталонии, у басков свой язык, сильно отличающийся от кастильского диалекта. Впрочем, этот момент для Сары, не так давно ставшей полиглотом, уже не имел никакого значения.

Страна Басков — настоящая гастрономическая мекка. Здесь более сорока ресторанов, имеющих звезды Мишлена — самого престижного гастрономического гида. В это сложно поверить, но в этот раз Сара не искала информацию о городе в смартфоне. Всё это ей рассказал Джек, прервавший, наконец, молчание. Чем дальше они продвигались к цели, тем дружелюбнее он становился. Трудно сказать, что именно настолько расположило его к преемнице. Возможно, предвкушение долгожданной свободы. После прекрасного обеда в дорогом ресторане они вышли прогуляться по набережной.

— А что ты будешь делать потом? Куда ты отправишься, когда перестанешь быть вишером?

— Я еще не решил. Хочу сначала проверить свое последнее дело, и тогда будет видно, — отозвался он.

— Дай угадаю. Это что-то грандиозное?

— Увидишь, — сказал он, как отрезал. Лимит любезности на сегодня был исчерпан. Джек возвращался к своему обычному настроению.

Из Бильбао до Ковадонги было всего два с половиной часа пути. Сара провела это время в молчании, полностью поглощенная созерцанием прекрасных видов. Зеленые холмы, скалистые горы, заливные луга и коровки, как в рекламе швейцарского

шоколада. Для Сары все, что она видела, казалось сказкой, ведь за всю свою жизнь она выезжала за пределы Нью-Йорка всего пару раз, а за границу — ни разу. Она старалась запомнить каждую открывающуюся глазам картинку, впитывала новые запахи и вкусы. Сара чувствовала себя как маленькая девочка, которую повезли в парк аттракционов.

Через два часа они свернули с основной дороги и, проехав через похожие друг на друга деревеньки, стали пстлять по узкой двухколейке. Наконец, они въехали в долину, окруженную со всех сторон горами. Их взорам открылся возвышающийся на холме храм из рыже-красного камня, который, казалось, парил в тумане.

— Вот это да! — восхищенно выдохнула Сара.

— Погоди, ты еще не видела грот и не заешь, какая здесь чудесная энергетика, — отозвался Джек.

Они обогнули храм, проехали пещеру с водопадом и припарковались у отеля.

— Единственный более-менее приличный отель находится здесь. Остальные — это «касас руралес», комнаты в частных отелях. Я забронировал нам два самых дорогих съюта, но это не Париж, конечно, — улыбнулся он.

— Да мне вообще все равно! Я и не мечтала побывать там, где уже побывала с тобой. Кстати, а как ты бронируешь отели?

— У меня есть одно волшебное приложение в телефоне, — начал он издавека.

— То есть это что-то особое, вишерское?

— Конечно! — покатываясь со смеху, он показал ей экран своего смартфона. На нем высвечивалось одно из самых популярных приложений для бронирования отелей. Сара аж покраснела от злости.

— Ну, почему, почему тебе доставляет такое удовольствие издеваться надо мной?! — возмутилась она.

— Да что ты знаешь об издевательствах, девочка! Вот встретимся с Лайлой еще раз, расспроси у нее про святую инквизицию, — Джек смеялся уже во весь голос.

Сара поджала губы, взяла Макса и последовала за ним в холл отеля.

— К нам с собаками нельзя, — сразу же услышала она.

Сара хотела что-то возразить, но Джек перебил ее:

— Хорошо, мы оставим его в машине, когда закончим регистрацию, — Сара снова попыталась возразить, но Джек больно наступил ей на ногу, давая понять, что сейчас надо помалкивать.

Портье улыбнулся и выдал им ключи. В тот же миг все вокруг замерло. Портье со стеклянными глазами и застывшей улыбкой не двигался.

— Черт, а я совсем про это забыла! — хлопнула себя по лбу Сара.

— Бегом с Максом в номер! — скомандовал Джек. — Вообще-то я не должен делать такие вещи, но ради Макса...

Сара мигом взлетела по лестнице, покрытой красным ковром. Поднимаясь, она услышала, как портье спрашивает:

— А где же ваша... э-э-э сестра, сеньор?

— Не сестра. Подруга, — донеслось до Сары. — Она уже отнесла собаку в машину и поднялась по лестнице. Ждет меня наверху.

Сара вошла в номер. Комната была не очень большая, с отделкой в старинном стиле и с прекрасным видом на горную грядку. Через пять минут в дверь постучался Джек.

— Пойдем, церковные службы в гроте закончились, сейчас там никого не будет. — Сара с готовностью двинулась к выходу. — Кстати, ужинать сегодня не будем, тебе надо бы скинуть несколько килограммов, — с усмешкой добавил он.

Сара пропустила это замечание мимо ушей. Они прошли через площадь и оказались у входа в длинную пещеру. По левой стене располагались стойки со свечами, их зажигали паломники с верой, что живой огонь ускорит исполнение заветных желаний. В Лурде она видела такие же, но под металлическими навесами. Они прошли по слабоосвещенному коридору и вышли к небольшому гроту, по центру которого стояла статуя Девы. Эта фигура очень отличалась от Лурдской. Она была... более испанской, что ли, в красном платье и в золоте. Сара смотрела на нее, как замороженная. Энергетика у этого места действительно была потрясающая.

— Уверен, ты уже догадалась, что надо делать, — Джек указал кивком на серебряный медальон, висящий на белой ленте, спадающей с плеч Девы. Сара подошла и дотронулась до него.

«Несмотря на то, что я стала вишером, нам с Давидом пришлось скрывать произошедшее, ведь я взломала систему. Обычно в вишеры избираются люди без детей, семей и прочих „отягчающих“ обстоятельств. Перемены, происходящие в их жизни, слишком кардинальны, слишком неправдоподобны, чтобы хотя бы попытаться кому-то что-то объяснить. Только представьте, женатый человек неожиданно становится вишером, полностью преобразается внешне и внутренне, начинает сорить деньгами направо и налево и не стареет. Это, по меньшей мере, должно настораживать, особенно внуков, которые рано или поздно будут выглядеть старше собственного дедушки. Но у меня все получилось случайно.

Когда появился Давид, я не знала, что беременна. Загадав желание стать такой же свободной, уверенной, богатой и независимой, как ты, я стала, пожалуй, первым в истории беременным вишером. Последние месяцы я сидела дома, не высовывая носа. Чтобы не поползли слухи, мы переехали в Санкт-Петербург. Здесь никому не было дела до меня и моего ребенка. Давид работал — благо, что в Петербурге огромное количество людей, которые хотели обрести желаемое любой ценой. А я шила будущему ребенку наряды. Когда подошел срок, повитуха, приехавшая из португальской деревни, не знаящая ни слова на русском, приняла роды и отправилась восвояси с исполненным заветным желанием. Даже если кто-то и задался бы целью раскопать, откуда у нас ребенок, старушку не найдут — ее уже не будет в живых.

Николай родился сильным и здоровым. Почти сразу мы стали путешествовать с ним. Во всех постоянных дворах и отелях мы всегда брали разные комнаты на разные фамилии, хотя ночевали в одной. Чтобы как-то оправдать мое бездействие как

вишера, Давид работал в три раза больше, чтобы никто ничего не заподозрил.

Все шло очень хорошо до тех пор, пока мы не встретились с Лайлой. Нику тогда было лет десять, мы сходили в Ковадонгу, чтобы набраться сил. Лайла была старейшим вишером на Земле и кем-то вроде высокого начальника, как объяснил мне тогда Давид. Она мне сразу не понравилась. Какой-то чрезмерно заносчивый тон, а еще этот взгляд — пронизывающий, анализирующий.

Мы встретились у входа в святую пещеру. Она поинтересовалась, надолго ли мы задержимся и кто этот милый малыш. Давид сказал, что мальчика мы подобрали в дороге и решили вырастить из него вишера. Лайла нахмурилась, но ничего не сказала. Меня же бросило в дрожь, и это наверняка не укрылось от ее проницательного взгляда.

Мы расстались, пообещав как-нибудь поужинать вместе. Тем же вечером мы сбежали из Ковадонги, дабы не испытывать судьбу. И тогда я впервые задумалась о будущем Ника. Ведь очень скоро он начнет задавать неудобные вопросы. Хочу ли я, чтобы он стал вишером? И хотел бы этого ты? Ведь он и твой сын тоже».

Глава 5

Внезапно откуда-то сверху на Сару опустился золотистый свет. Он был таким прекрасным и умиротворяющим, что она боялась дышать. Она слегка прикрыла глаза от удовольствия. Когда свет рассеялся, Сара опустила руку и, повернувшись к Джеку, замерла от ужаса. Позади вишера стояла женщина с разинутым от удивления ртом. Она все видела. Почему Джек не остановил время? Сара глазами показала Джеку на незнакомку. По лицу женщины текли слезы. Джек безо всякого удивления повернулся и обратился к ней по имени:

— Добрый вечер, Мария! — на лице женщины ни осталось ни кровинки, она была не в силах пошевелиться.

— К-к-кто в-в-вы? — пробормотала она, заикаясь. Женщина была полной, неухоженной, лет пятидесяти, с усталым и не очень симпатичным лицом. — Откуда вы меня знаете?

— Я вас не знаю. На данный момент я знаю только ваше имя, — отозвался вишер. — Сара, подойди к Марии, возьми ее за руку и закрой глаза.

Сара беспрекословно повиновалась. Теперь она поняла, почему Джек не заморозил время. Он знал, что

у нее теперь есть способности исполнять желания. Опешившая женщина не сопротивлялась.

Когда Сара взяла ее руку и закрыла глаза, перед внутренним взором начали появляться картинки. Она поняла, что это желания Марии. Надо сказать, что ничего особо интересного в голове ее первой клиентки не было. Но Сара увидела, что к Пресвятой Деве бедняжка приехала потому, что от нее ушел муж. Вместе они прожили четверть века, а потом он бросил её и ушел к женщине значительно моложе. Обычная история.

Сара зажмурилась и произнесла:

— Возвращайтесь домой, Мария, ваш муж вас ждет, — от услышанного собеседница окончательно впала в ступор.

Джек потянул Сару за рукав:

— Пойдем! — Они развернулись и зашагали по коридору грота. Наклонившись к ней поближе он прошептал: — Ты кое-что забыла ей сказать.

— Бойтесь своих желаний? — спросила Сара.

— Именно.

Мария постояла какое-то время неподвижно, а потом неуверенно перекрестилась. Что это было? Галлюцинация вследствие бессонных ночей, проведенных в слезах и молитвах? А если нет, то откуда они узнали ее имя и желание, с которым она приехала в Ковадонгу?!

Был только один способ проверить — вернуться домой. Она спустилась по лестнице и пошла в сторону паркинга. Сев в машину, закурила. Вдохнув дым, взглянула в зеркало дальнего вида и... отказалась

верить своим глазам. На нее смотрела совершенно другая Мария. Новая Мария была ухоженной, с идеальной кожей, безупречным макияжем, а проступившие скулы делали ее гораздо моложе. Она перевела взгляд на свои ноги — теперь она весила килограмм на двадцать меньше. Но как такое могло произойти за каких-то десять минут? Это чудо! Та женщина наверняка была ангелом... а может, святой?

Мария завела машину и поехала в сторону дома. Хихон находился в часе с лишним езды от Ковадоуги. По дороге домой она заехала в ближайший магазин. Продавец поздоровался, но никак не прокомментировал произошедшие с Марией перемены. Но почему? Неужели никто, кроме неё самой, не видит, как разительно она изменилась?

Мария поднялась по лестнице, отметив про себя, что делать это ей стало гораздо проще, вставила ключ в замок, но дверь неожиданно отворилась. Она вскрикнула от неожиданности. Неужели за время её отсутствия в квартиру кто-то пробрался? На прошлой неделе одна из ее соседок рассказывала, что ее жилье в Валенсии захватили цыгане, и теперь их оттуда не выселить — и всё благодаря новым идиотским законам.

Но за дверью оказался... её муж.

— Боже, боже, Мануэль, это ты? Неужели? — по ее щекам побежали слезы, она с жаром обняла недоумевающего и оторопевшего мужа.

— С тобой все в порядке? — озадаченно спросил он и поцеловал ее в щеку, а затем направился в гостиную и уселся перед телевизором. Мария

последовала за ним, все еще плача. Она села рядом и снова обняла его.

— Да что с тобой сегодня такое?

— Я так по тебе соскучилась!

— За те поддня, что ты провела в Ковадонге? — усмехнулся он.

— Да, для меня поддня — это тоже большой срок. Я так тебя люблю! — с жаром сказала она.

— Ты попросила Деву, о чем хотела?

— Да, и она исполнила мое желание, — Мария смотрела на него влюбленными глазами.

— Слушай, желание твое она, может, и исполнила. Но не лишила ли при этом тебя рассудка?

— Почему ты так говоришь? — обиделась Мария.

— Потому что даже если бы она исполнила твое желание, ты бы вряд ли могла узнать об этом прямо сейчас. Если, конечно, по дороге домой ты не завернула в клинику, чтобы обследоваться.

— Что ты имеешь в виду? При чем тут клиника?

— Черт возьми, Мария, мне кажется, ты и впрямь рехнулась! — Мануэль выглядел рассерженным. — Сначала этот концерт с расставанием, а теперь ты уверяешь, что Дева не только тебя исцелила, но заодно сразу вручила результаты врачебного осмотра.

— Исцелила? Но от чего? — Мария побледнела.

— От того, что у тебя было обнаружено на прошлой неделе. От опухоли, — раздражаясь все больше, ответил он.

Мария отшатнулась от него, потом встала и вышла в ванную. Она смотрела на себя в зеркало. Красивая молодая женщина, у которой есть любимый

муж, — и неужели вот такой исход? То есть желание вернуть Мануэля стоило ей здоровья, а может, и жизни? Она смыла растекшуюся от слез косметику. В дверь вошел Мануэль.

— Прости, я просто очень устал и очень нервничаю за тебя, — он приобнял ее. — Это все случилось так неожиданно! Надо дождаться окончательных результатов. Может, все не так уж и плохо. Мне нужно выйти прогуляться, чтобы привести мысли в порядок... Ты ведь не против? — и, не дожидаясь ее ответа, он вышел.

У Марии подкосились ноги, и она присела на край ванны. То есть он продолжает встречаться с той шлюхой. «Мне надо пройтись и привести мысли в порядок» — обычная его отговорка. Боже! Да, Мануэль остался с ней, но он продолжает ей изменять. Мало того, у нее диагностирована опухоль! Правда, пока неизвестно, рак ли это. Мария громко закричала. Ей нужно было как-то выплеснуть боль, которая переполняла ее.

Тем временем Сара и Джек сидели в ресторане на стеклянной террасе. Кроме них, здесь уже никого не было. Он с удовольствием уплетал качопо — национальное астурийское блюдо, состоящее из тонкого филе говядины с ветчиной и сыром в панировке. Сара смотрела на него голодными глазами и потягивала вино.

— Ты не обижайся, — сказал Джек, — по вишерам надо быть в отличной форме — это помимо тряпок и хорошего вкуса.

Прожевав очередной кусок, он спросил:

— Ну и как тебе твой первый опыт?

— Потрясающе! Это удивительное чувство, когда ты помогаешь людям! — голодный блеск в глазах Сары сменился радостью.

— Помогаете? Ну, как тебе сказать... — замешкался Джек.

— Что значит «как сказать»? Она теперь будет жить с мужем долго и счастливо.

— Не забывай, что ты не фея-крестная, а я не джинн из лампы, — рассмеялся Джек. — Ты — вишер. Мы здесь не для того, чтобы бороться за мир во всем мире. Помнишь ту девушку, которая на твоих глазах попала в аварию в Нью-Йорке?

— Да, — озадаченно отозвалась Сара.

— Она была моей клиенткой, — усмехнулся он.

— И что она попросила?

— Открыть свой собственный ресторан и бросить работу юриста.

— Так почему же ты ее убил? — в ужасе проговорила Сара.

— Ну, начинается... Я никого не убивал. Я просто передвигаю некоторые событийные механизмы силой своей энергии. Это похоже на часы. Я подкручиваю шестеренки, и они начинают менять время, пространство, ветки вероятностей. То же самое происходит, когда мы останавливаем время. Ты думаешь, никто ни разу не заметил, что санктуарий в Лурде застыл? Мы же не замораживали всю Францию, в конце концов. Не говоря уже о том, чтобы заморозить весь мир. На это ни у одного вишера не хватит энергии.

— Тогда что же происходит? — Сара ничего не понимала.

— Все очень просто. Когда мы вносим необходимую корректировку в судьбу одного человека, его жизненный сценарий меняется, — он прожевал последний кусочек качопо. — На выходе они получают своё исполненное желание. Но это отнюдь не подразумевает счастливого исхода. Посуди сама: зачем этой Марии муж, который изменяет?

— Откуда ты знаешь, что он ей изменяет? — прервала его Сара. — И почему тогда не меняется будущее всех людей, целой планеты? Я читала об этом у Рэя Брэдбери — там герой рассказа случайно наступил на бабочку, отправившись в путешествие в доисторические времена.

— Нашла кого вспомнить! Ты бы еще Библию процитировала! — рассмеялся Джек. — Люди преувеличивают свою ценность. Задумайся: на Земле живет почти восемь миллиардов человек. ВОСЕМЬ МИЛЛИАРДОВ! А еще несметное количество насекомых, животных и прочих тварей божьих. Представь, если бы судьба мира зависела от каждой из них? Это был бы полный хаос. Умерла мушка — изменилась судьба человечества. А если умер человек — тут уж вообще пиши пропало. Ты понимаешь, что это абсурд?

— Да, но тогда зачем исполнять желания? Кому это нужно? И что мы получаем взамен?

— Кому это нужно, тебе знать пока еще рано. Скажем так, наш работодатель предпочитает сохранять интригу до определенного момента, —

усмехнулся Джек. — Но кое-что я могу объяснить прямо сейчас. Когда человек отказывается от каких-то обстоятельств своей жизни, загадывая желание, у нас не остается другого выбора как убрать его. Потому что сделанный им выбор нельзя отыграть, просто нажав на кнопку «назад».

— То есть... — Сара была в шоке.

— Как правило, людям не нравится их новая жизнь, и они просят нас вернуть все на свои места, что мы и делаем. Но мы никогда не говорим им о том, что после этого их часы сочтены.

— Но это же ужасно! — воскликнула Сара.

— Нет. Ужасно совсем другое. Ужасна жизнь людей, которые постоянно чего-то хотят, ничего не делая при этом. Посмотри на Марию, — с этими словами Джек достал телефон из кармана и загрузил какое-то приложение. Сара увидела на экране клиентку, застывшую в немом крике на краю ванной.

— То есть у вишеров есть свое мобильное приложение? Да ладно!

— А ты думала, что мы возим с собой хрустальный шар и заглядываем в него время от времени, чтобы посмотреть, как там наши подопечные? — снова усмехнулся он. — Когда человек понимает, что ему не нравится его новая жизнь, нам приходит что-то вроде сообщения. Мы можем просмотреть, что случилось и где сейчас клиент находится. Дальше наша задача состоит в том, чтобы появиться в нужном месте и согласиться все отыграть назад. Точнее — вернуть его прежнюю жизнь. И в итоге его жизнь становится нашей.

— Но какого черту кому-то потребовались их жизни?!

— Тебе-то какая разница? — улыбнулся Джек, допил свой бокал и попросил счет у проходившего мимо официанта. — На короткое время ты помогаешь людям обрести счастье. Этим могут похвастаться единицы, пусть даже это только иллюзия счастья.

После этого они отправились в отель. Джек настаивал на отдыхе, хотя следующий день ожидался относительно спокойным. Она пришла в номер, легла на кровать. Макс нагло развалился рядом с ней, но на душе у нее было беспокойно. Её начинали напрягать правила игры. Она и психологом-то стала, чтобы помогать людям. С другой стороны, может, Джек и прав. Может, люди заслуживают то, что они получают.

Она вспомнила своего друга, очень талантливого пианиста, который прозябал в нищете и каждый раз находил отговорки: то у него рука болит, то в школу его не берут, то все вокруг идиоты, то играет он несовершенно. Её попытки возразить, что никто не замечает этого несовершенства и что пора уже, наконец, заявить о себе, были безуспешны. Нет, он всегда выслушивал Сару и даже заражался ее энтузиазмом. Однако воодушевление покидало его буквально на следующий день, а вот депрессия возвращалась.

Сейчас все это ей казалось таким далеким и незначительным! За последние несколько дней с ней произошло больше событий, чем за всю жизнь. Внезапно Сара взяла телефон и отправила Джеку сообщение: «А я могу установить себе это приложение

на телефон? Там надо регистрироваться, создавать аккаунт?» Ответ пришел минут через пять: «Господи боже, Сара! Просто открой свой телефон!».

Она поморщилась. Джек, как всегда, был очень любезен. Сара взяла телефон и принялась листать приложения. Странно, ничего нового. Хотя... вот же! Она, наконец, увидела иконку с названием программы — Wish You Were Here. Хм, это видимо, оно. Нажала на иконку. Всплыло окно распознавания лица. Затем загрузился экран «Клиенты». В списке пока что было только одно имя — Мария Гомес Санчес. Наконец, на экране появилось изображение кровати с рыдающей женщиной.

На следующее утро Джек с Сарой позавтракали в ресторане с видом на собор, тайно вынесли Макса на прогулку и отправились в Хихон, располагающийся неподалеку. Сначала они заехали в магазин спортивных товаров, откуда Джек вышел, нагруженный сумками. Подошло время обеда, и они выбрали симпатичное местечко на набережной.

— Ты сегодня уже навещала Марию? — поинтересовался Джек.

— Нет, я заглянула к ней вчера вечером. Все оставалось по-прежнему, она плакала в своей кровати, — печально отозвалась Сара.

— Да? Ну, после обеда зайди еще раз.

— А можно сейчас?

— Нет, не хочу чтобы ты портила себе аппетит. Не забывай, что ужинать я тебе не дам и сегодня, — издевательски улыбнулся Джек.

Сара кивнула и принялась за принесенную фабаду и сидр. Сидр был странным, кисло-горьким, но очень освежающим. Фабада показалась ей слишком тяжелым блюдом. Это еще одно национальное блюдо провинции Астурия — белые бобы с различными сортами мяса и колбасы.

Наконец, вишер кивком головы указал ей на телефон. Она мгновенно схватила его и, открыв экран, нажала на имя. Женщина продолжала рыдать — с той лишь разницей, что теперь она находилась в объятиях мужа.

— Ох!.. Ну, слава богу! Значит, программа не всегда срывает? — спросила она.

— В том-то и дело, что всегда. Включи звук, — ответил Джек.

Сара услышала всхлипы и с трудом разобрала слова женщины:

— Мануэль, ну почему жизнь так несправедлива ко мне?! Теперь, когда я вновь обрела тебя, мне остаётся всего лишь несколько месяцев жизни...

— Послушай, Мария, эти результаты могли быть и ошибочными, надо во всем разобраться, — муж, как мог, пытался её успокоить.

— Но, Мануэль, я чувствую, что врачи не ошиблись! — и Мария принялась рыдать еще громче.

На лице мужчины отразились усталость, растерянность и злость. Он разомкнул объятия, вышел в ванную, потом вернулся.

— Послушай, дорогая. Давай мы оба немного успокоимся. Я выйду прогуляться, а ты прими

успокоительное. В тумбочке есть таблетки, остались с маминого приезда.

Мария посмотрела на него с ужасом.

— Нет, ты не можешь сейчас меня бросить и уйти к ней, — закричала она, не сдерживаясь. — Нет, нет, нет!

— К кому — к ней? Ты в своём уме? — заорал в ответ Мануэль.

— К-к-как ты можешь быть со мной таким жестоким? — судорога свела ей губы, Мария почти не могла говорить от душевной боли, раздирающей её на части.

— Ты вынула из меня всю душу! — услышала она в ответ. — Ты разбила мне жизнь своей постоянной ревностью, скандалами, нытьем и бездействием. Ты не женщина, ты... ты тюлень! — лицо его перекосилось от ярости. Мария уже не могла отвечать. Казалось, она обезумела от горя.

— И да, чёрт возьми! У меня есть любовница, уже давно. И сейчас она беременна, и я не собираюсь терпеть тебя и твои истерики еще несколько месяцев, я ухожу!

Сара смотрела на экран телефона и чувствовала, что по лицу катятся жгучие слезы. Почему, почему жизнь так несправедлива к Марии? Да и не только к ней... Джек словно прочитал её мысли:

— Мир жесток. Ты либо ноешь, либо наступаешь себе на горло и идёшь вперед. Пойдем, я уже заплатил официанту. У нас есть одно дело неподалеку.

Они свернули с набережной и двинулись вглубь квартала. Внезапно прямо перед ними возник

Мануэль, выходящий из подъезда своего дома с большой сумкой. Сара поняла всё без слов. Она хотела броситься вверх по лестнице и успокоить Марию, но Джек остановил ее. Через несколько секунд слышались шаги, и в проеме показалась сама Мария. Она оглядывалась, пытаясь угадать, в какую сторону ушел Мануэль, но тут увидела Сару и Джека. Лицо ее перекошилось от злости:

— Вы обманули меня, — заголосила она на всю улицу.

— Заморозь-ка эту сеньору, — сказал Джек. Сара выполнила поручение незамедлительно.

— А теперь послушай меня, Мария. Если ты начнешь устраивать сцены, то все подумают, что ты просто помешалась от горя. Ты закончишь свои дни в психушке. Не хочешь? Тогда успокойся и подумай вот о чем. Ты предпочитаешь, чтобы все стало, как раньше, когда ты была толстухой пятидесяти лет с муженьком, который бегал от тебя направо и налево? Или тебе оставить эту жизнь, о которой ты просила у Девы? — тон Джека был ледяным, а лицо — непроницаемым.

Едва шевеля губами, Мария прошептала:

— Да. Я хочу свою прежнюю жизнь.

— Что ж, отлично. Принято. Да будет так! Прощай, Мария, — с этими словами Джек повернулся к Саре. — Ты всё слышала. Выполняй.

Сара с тоской прикрыла глаза. Перед внутренним взором, словно в ускоренной обратной перемотке, пролетели последние дни и часы жизни Марии — ровно до того момента, как они встретились в Ковадонге. В этот раз она заморозила время, и Мария

вошла в пещеру, когда вишеров там уже не было. Женщина упала на колени перед статуей Девы со страстной мольбой вернуть ей мужа.

«Конечно же, за мою жизнь у меня было огромное количество клиентов. Кто-то запомнился, кто-то со временем забылся. Однако, пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвел один случай. Речь идет об одном очень известном певце, взлет его популярности начался после 1950 года. Он выпустил свой первый альбом и сразу же попал в на вершину чартов Америки, а затем и всего мира. За двадцать лет он выпустил около пятидесяти пластинок, заработал огромные деньги, купил маме машину, которую обещал подарить ей еще в детстве, — розовый кадиллак. И только я знала, что он все еще жив только потому, что не оговорил со мной пределов своей популярности, а я его пожалела и решила позволить насладиться жизнью по полной.

Когда я впервые взяла его за руку, он сказал лишь, что хочет достигнуть такого уровня славы, которого не достигал еще ни один певец. Я же традиционно ответила: „Бойся своих желаний“. Каково же было мое разочарование, когда я узнала из новостей, что, несмотря на все мое великодушие, он умер в возрасте каких-то жалких сорока двух лет по совершенно идиотской причине — передозировка спотворного. Это потом уже всплыли факты, что к концу жизни он стал маниакально подозрительным, расставил камеры по всему дому и на всей прилегающей территории. Видимо, он серьезно воспринял мое предупреждение и понимал, что рано или поздно ему придется заплатить за исполненное желание».

Глава 6

Из Хихона они выехали в четыре часа дня. Джек ничего не говорил, а Сара ни о чём не спрашивала. Она испытывала огромное моральное опустошение. Ей казалось, что за прошедшие пару дней она состарилась на тысячу лет. Сара смотрела в окно на сменяющиеся пейзажи: горы, туннели, высушенные солнцем поля. Серое небо сменялось голубым. Наконец, она вышла из оцепенения:

— А куда мы, кстати, едем?

— В Мадрид, — отозвался Джек.

— В Мадрид? Там тоже есть святые?

— Они есть повсюду. Другое дело, что большинство людей об этом даже не догадывается.

— Джек! — взмолилась Сара. — Джек, я больше так не могу! Мы кочуем из гостиницы в гостиницу. Мы чёрт его знает что вытворяем с людьми, со временем и пространством. Я в замешательстве, я... — она хотела продолжить, но перехватила насмешливый взгляд своего спутника.

— Смотри-ка, ты начинаешь меня понимать. А теперь представь, что в моем случае эта канитель продолжается вот уже почти триста лет.

Сара прикусила язык и серьезно задумалась, не напрасно ли она в это ввязалась. Впрочем, особого

выбора у нее и не было. Не без удовольствия отметив её смятение, Джек сказал:

— Ну же, детка, веселее. Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Развлекайся. Что тебя ждало дома? Прогулки с Максом, работа, одинокие променады по Нью-Йорку, пицца по вечерам в твоей крохотной квартирке, немного виски... я ничего не забыл?

Возразить ей было нечего, она лишь плотнее сжала губы и еще больше насупилась.

— А сейчас ты путешествуешь по всему миру, знакомишься с людьми, исполняешь их желания и повелеваешь их судьбами. Ты можешь позволить себе любые траты, отныне слова «нет» для тебя не существует, — продолжил Джек. Его слова звучали более чем убедительно.

— Но... у меня не будет никакой личной жизни! — неожиданно для себя выпалила Сара.

— А что, она у тебя была? И сколько продлился твой самый долгий роман? Месяц? Три? А когда он случился? Пару лет назад?

— Откуда ты знаешь? — Сара с удивлением воззрилась на него. — Разве вишеры умеют читать мысли?

— Нет, но об этом нетрудно догадаться, судя по тому, в каком ты была виде! — расхохотался Джек.

— То есть ты хочешь сказать, что отношений с мужчинами достойны только супермодели? — Сара была готова пожертвовать своим идеальным маникюром и вцепиться в его самодовольное лицо.

— Вовсе нет. Отношения как раз наоборот, расслабляют, — ответил Джек. — Подумай сама: ты очень быстро собралась и поехала со мной. Следовательно, ничто тебя не держало. Кроме того, ты не была похожа на женщину в фазе активного поиска. Женщина ищет себе партнера, будучи во всеоружии, — таковы законы природы. После того как он найден, можно и расслабиться. Но ты даже не пыталась прихорашиваться, тебе было всё равно, — Джек по-прежнему не церемонился с её чувствами.

— Ну а про три месяца откуда ты узнал?

— Это тоже очень легко понять, — Джек вдруг стал очень серьезным.

— А у тебя были женщины?

— Почти до 40 лет я был девственником, — он выглядел раздраженным.

— Ты? Девственником? С твоей-то внешностью?! — Сара даже не пыталась скрыть изумление.

— Что, нравлюсь тебе? — ухмыльнулся Джек.

— А ты можешь кому-то не нравиться? — вопрос Сары прозвучал так простодушно, что Джек довольно расхохотался.

— Знаешь куда мы едем? — сменил он тему.

— Знаю. В Мадрид, ты же сам сказал.

— А потом?

— А всё, что потом, вероятно, скрыто плотной завесой мрачной тайны, — утрюмо процедила Сара. Джек снова стал раздражать её.

— Во всяком случае, ночуем мы не в Мадриде. Открой свой паспорт и рассмотри внимательно визы.

Сара открыла сумочку и достала из нее документ. Вот штампы, которые ей поставили в аэропорту несколько дней назад. Так, а это что? Сара не верила своим глазам. На одной из страниц красовалась российская виза.

— Ты серьезно? Мы едем в Россию? — ошарашенно спросила она.

— А чем тебе не нравится эта страна?

— Да нет, мне все нравится, но, говорят, там снег круглый год!

— Ага. И медведи с балалайками ходят по улицам, — ехидно добавил Джек.

— Ну ладно тебе, хватит издеваться. И что мы там забыли? Надеюсь, мы едем не в Сибирь?

— Успокойся. Мы едем в Москву, — он выждал несколько секунд. — Ты будешь там работать.

— И кем же? Неужели психологом?

— Нет. Официанткой, — сказал Джек без тени улыбки.

— Ты опять издеваешься? — зло пробирало Сару все сильнее.

— Нет, я абсолютно серьезен. Ты едва справляешься с эмоциями. Вот почему я тебе ничего не рассказываю заранее.

— Джек, прости, но я не вижу логики!

— А логика вообще не самая сильная твоя сторона.

Вдруг Сара вспомнила про Марию:

— Скажи, вишереры могут видеть, что происходит с клиентами после того, как они отказались от исполненного желания?

— Нет. Только если это происходит случайно, почти сразу. Ты же видела, что в приложении больше никаких опций нет.

— Ну, а что с ней могло случиться? Мне очень важно это знать! — настаивала Сара.

— О, это только первое время. Потом пройдет. Предположу, что Мария, скорее всего, совершит самоубийство, потому что не видит выхода. Ей плохо с мужем, но без него — и вовсе невыносимо. Её беда в том, что она даже не задумывается о других вариантах, она их попросту НЕ ДОПУСКАЕТ. Перед ней — стена, которой, на самом деле, не существует. Чтобы убедиться в этом, достаточно сделать всего несколько шагов вправо или влево. Не бывает бесконечных стен, — вздохнул Джек. — Даже если эта стена Великая китайская.

Сара с интересом смотрела на него, и Джек продолжил:

— Протяженность Великой китайской стены составляет около девяти тысяч километров. Если каждый день проходить пятьдесят километров, то добраться до её конца можно за сто восемьдесят дней. Да, небыстро. Да, сложно. А кто сказал, что выход из тупиковых ситуаций всегда можно найти легко и за один день? Порой на это уходят годы... Но человек должен верить, что в его власти выбраться из любой передраги. Даже самой на первый взгляд безнадежной. Во всяком случае, пока он жив — шансы есть.

— Но как пережить ту боль, которая есть здесь и сейчас, как заставить себя двигаться вправо или влево?

— Ха! Боль! Да что ты знаешь о боли, детка?

— Перестань уже называть меня деткой, меня это раздражает, — одернула его Сара.

— Окей, старушка, как скажешь, — Джек расхохотался. — Смотри-ка, мы уже подъезжаем к Мадриду. Они спускались с горы, внизу показались четыре небоскреба, затянутые дымкой.

— С экологией здесь не очень, — заметила Сара.

— Наш рейс в 11 вечера, так что мы всё прекрасно успеваем.

Он свернул с трассы на другую дорогу, и уже через сорок минут они были в аэропорту. Закончив с оформлением билетов, они прошли к бутикам, где купили теплую одежду.

Полет был долгим, но не слишком утомительным. Меньше чем через шесть часов они приземлились в Москве. В зале прилёта их ждал водитель. Сару уже не удивляло, что за ними прислали лимузин. Она удобно устроилась на заднем сиденье и задремала, Джек дремал рядом. Поначалу шоссе было пустынным, но чем ближе они подъезжали к российской столице, тем дольше приходилось стоять в пробках. Наконец, автомобиль припарковался у роскошного отеля «Арабат Парк Хаятт».

— Ненавижу Россию за вечные пробки, — пробормотал Джек и с удовольствием потянулся.

— Скажи, а как вы путешествовали раньше, когда не было ни самолетов, ни машин, ни даже кораблей?

— Ну, в мое время корабли уже были. А что было до того, можешь узнать у Лайлы при случае.

В Москве было не так уж и холодно. Они прошли в фойе, зарегистрировались и взяли ключи. Наличие Макса, к удивлению Сары, вопросов у портье не вызвало. Но она все же спросила на всякий случай:

— А что, к вам можно с собаками? — её русский язык звучал безупречно.

— Конечно, можно! — услышала Сара в ответ.

— За те деньги, которые мы оставим здесь, тебе разрешат пронести даже крокодила, — прошептал ей на ухо Джек.

Саре не терпелось увидеть гостиничные апартаменты. Джек и на этот раз остался верен себе: их ждали огромные номера с террасой и видом на Кремль.

Они договорились встретиться в обед. Сара хотела немного отдохнуть и погулять с Максом по городу. Прогулка доставила ей массу удовольствия. Она ощутила особый дух — такого с ней еще не случалось. Здесь словно что-то витало в воздухе. Маленькие улочки исторической части Москвы были полны тихого очарования. То там, то тут Сара натыкалась на бутики со знакомыми вывесками мировых брендов. Это делало Москву похожей на многие другие столицы мира, и всё же что-то неумовимо и отчётливо её выделяло.

В фойе гостиницы Сару уже ждал Джек.

— Ты, вероятно, хотела бы знать, где мы будем обедать? Что ж, это не секрет. Обедать мы отправимся туда, где ты будешь работать.

— То есть как? Уж не хочешь ли ты сказать, что мне придется тебя обслуживать в качестве официантки и ждать часвых?

— Не беспокойся, голодной я тебя не оставляю, — рассмеялся Джек.

Десять минут неспешным шагом — и вот перед ними островок ушедшей эпохи. Интерьер, мебель, скатерти, столовые приборы — всё было выдержано в лучших традициях советского общепита. И даже официанты были одеты соответствующе — строго, опрятно и с большим вкусом. Но Джек видел другое. Он заметил, как мужчины, сидящие в зале, совершенно спокойно и свободно оборачиваются вслед Саре, а кто-то даже делает ей комплименты. «Слава богу, — подумал Джек, — что на этой сумасшедшей планете еще остались места, где мужчины могут чувствовать себя мужчинами, а женщины — женщинами. Где за невинный комплимент тебя не потащат в суд и не выцарапают глаза».

Вишер смотрел на Сару и видел, что она расцветает на глазах. Ей нравилось ловить на себе восхищенные взгляды, в ее походке появилась уверенность, плечи распрямились. Это был совершенно другой человек. Джек мысленно поздравил себя с отлично проделанной работой.

Принесли винную карту, и Джек предложил Саре сделать выбор. Это явно смутило её.

— Я не слишком разбираюсь в винах, — сказала она смущенно. — Да и в ресторанной еде тоже.

— И в этом мое упущение. Вишер должен разбираться во всем: в блюдах, в винах, в одежде, в котировках акций, в астрономии с географией, в часах и книжных новинках.

— В книжных новинках? Ты что, читаешь книги? — удивилась Сара.

— Вроде того.

— Но ведь во всем мире издается огромное количество книг, как же ты успеваешь отслеживать все новинки? — не верила Сара.

— Дело в том, что я отслеживаю только топовые новинки. А они в большинстве стран одни и те же. Ты же видела книжные прилавки в аэропортах. Там разные обложки, а книги те же, — объяснил Джек. — К тому же со временем у вишеров появляются способности, помогающие усваивать огромные объемы информации, — улыбнулся Джек.

— Но зачем вишерам столько информации? Ведь чтобы исполнить желание, достаточно просто взять человека за руку.

— Не к любому человеку можно подойти просто так и взять его за руку. Как, например, подойти к президенту страны? Тебя и на пушечный выстрел не подпустит охрана.

— Но можно же заморозить всех?

— Не стоит этим злоупотреблять. Заморозка, скорее, экстренная мера, когда у тебя мало времени или когда клиент на редкость упертый. К тому же это энергетически очень затратно для нас, вишеров. Ты и сама уже прекрасно знаешь, что исполнение желаний отнимает кучу сил и безо всякой заморозки. А с ней —

так и вовсе можно уйти в ноль. Но, кроме этого, у вишеров есть свои каноны мастерства. Они подразумевают умение обходиться минимальными средствами. Это своего рода искусство.

— Знаешь, Джек, сегодня ты общителен как никогда. Нет, я серьезно, — Сара смотрела ему в глаза. — Я давно хотела спросить, как же все-таки работает заморозка? Мы тормозим весь мир целиком? Или какой-то его участок? Тогда почему вне зоны заморозки другие люди не замечают, что по соседству в воздухе застыли птицы или же деревья перестали шуметь от ветра?

— Нет, на самом деле мы никого не замораживаем. Ты же слышала про скорость света?

— Да, в школе что-то такое было на уроках физики.

— Так вот. В физике допускают существование тахионов — частиц, для которых скорость света является состоянием покоя.

— Ох, — простила в ответ Сара. — Такие вещи нужно объяснять очень медленно и как можно более понятно. Точные науки для меня — все равно что святая вода для ведьмы.

В ответ Джек расхохотался.

— Ну, хорошо. Попробую. Представь, что в тебя стреляют. Ты видишь пулю? Нет, потому что она летит слишком быстро. То же самое с тахионами. Поскольку они разгоняются до сумасшедшей, немыслимой скорости, окружающие их не видят. Грубо говоря, их способны заметить только тот, кто находится внутри тахионного поля. Таким образом, мы просто очень

быстро разгоняем время и удерживаем отдельно взятого человека или группу людей в зоне того самого тахионного поля. Это как если б мы вместе сидели на карусели. Выбирая скорость разгона, можно делать разные вещи: отматывать ленту времени вперед или назад, обездвигивать людей. Естественно, чтобы раскрутить такую карусель, нужно много сил. Именно поэтому мы постоянно путешествуем по святым местам, чтобы набраться энергии.

— Кажется, теперь я немного понимаю, о чем ты говоришь, — неуверенно отозвалась Сара.

— Вот и прекрасно. А теперь выбирай вино, — сказал Джек.

— Бордо? — несмело предложила она.

— Ну уж нет, молодое бордо это кислятина, — отозвался он.

— Медок? — продолжила она.

— Вот это уже лучше! Медок почти всегда беспроеигрышный вариант, — Джек беззвучно похлопал ученице, а Сара горделиво улыбнулась. Он продолжил:

— Я придерживаюсь правила двух «М» и двух «Г».

— Это еще что за правила такие?

— Медок, Мальбек, Гарнача и Гевюрцтраминер

— эти вина почти всегда беспроеигрышные варианты.

— Про Медок я, допустим, слышала, но вот про все остальное...

— Медок — французский регион, часть Бордо, остальное — сорта винограда, — улыбнулся Джек.

Обед прошел в приподнятом настроении. Саре хотелось как можно скорее начать действовать. Уже на следующий день ей представилась такая возможность. Как оказалось, Джек не шутил, когда говорил, что она будет работать официанткой. Он устроил ее в кафе неподалеку от здания Московской консерватории. В городе стояла на удивление прекрасная погода.

Сара с удовольствием прогуливалась от отеля до рабочего места пешком, наблюдая за людьми на улицах, вечно озабоченных и куда-то торопившихся, любуясь прекрасными фасадами зданий. Поначалу Джек частенько заходил в кафе и сидел у окна, потягивая кофе или бокал вина, чтобы не привлекать к себе внимания. Они договорились с Сарой, что она как будто его не знает. Так он сможет подстраховать свою ученицу, если что-то пойдет не так. Но та прекрасно справлялась со своей работой. Замечая грустных одиноких посетителей, она подходила к ним и затевала разговор, а потом просто дотрагивалась до руки собеседника, и все случалось само собой. Сара знала, что с того момента жизнь несчастного менялась навсегда. Но по настоянию Джека она старалась не смотреть в телефон.

Как-то раз, уже вечером после работы, сидя на роскошной застекленной террасе отеля вместе с Джеком, она спросила:

— А как вы всему этому учились раньше?

— Что ты имеешь в виду? — откликнулся Джек.

Видя ее успехи, он все больше расслаблялся и добрел. Его ответы с каждым разом становились все подробнее.

— Ну вот, допустим, как это происходило в 19 веке или, скажем, у Лайлы, которая работает вишером уже многие столетия?

— А, ты об этом, — протянул Джек. — Люди ошибочно полагают, что мир изменился. На самом деле, с момента своего создания он остается практически неизменным.

— Как это? Ведь изобрели столько вещей! — возразила Сара.

— Возможно. Но суть нисколько не изменилась. Вот мы сейчас с тобой сидим на террасе роскошного отеля. И триста, и пятьсот, и тысячу лет назад во всем мире существовали места, где люди ели и пили. Только назывались они по-другому: таверны, харчевни, постоялые дворы и так далее. Триста и даже пятьсот лет назад уже существовал транспорт — конечно, не машины и самолеты, а телеги, кареты, запряженные лошадьми, буйволами, мулами. Люди всегда делились на богатых и бедных, и богачи не желали иметь никаких дел с холопами.

Именно поэтому вишеры должны жить на широкую ногу — чтобы быть вхожими в самые высокие крути. Как ты понимаешь, эта модель социальных отношений за тысячелетия тоже ничуть не изменилась. Сегодняшний мир, по сути, таков, каким он и был от сотворения. Это касается всего, что ни назови. Даже в самых что ни на есть демократических странах люди так и остались рабами, хотя их дома оборудованы по последнему слову техники, у каждого есть смартфон, интернет, современный автомобиль. Люди — рабы кредитов и рабы потребления. Они

вынуждены пахать с утра до ночи, не видя собственных жен, мужей и детей, чтобы погасить кредиты за жилье, за медицинское обслуживание, за учебу, за новый автомобиль — и так до бесконечности. Официально рабства как бы не существует. Но так ли это на самом деле? Каждая пешка любой ценой желает стать ферзем, и на этом отлично играют сильные мира сего. Людей приучили думать, что они становятся значимыми за счёт приобретения материальных вещей.

— Ты сказал «ферзи»... а я и в шахматы играть не умею, — в голосе Сары сквозило недовольство собой.

— Именно поэтому я не устаю тебе повторять: вишер должен постоянно учиться, — снова улыбнулся Джек. — В шахматах любая пешка, дошедшая до противоположного конца поля становится ферзем, самой мощной фигурой. Но тех, кто правит этим миром, подобный расклад не устраивает. И они придумывают множество ложных целей для тех, кто рвётся в ферзи. Ложные цели, ложные ценности — и вот люди вовлечены в погоню за совершенно бессмысленными вещами. Траектория их движения — круг, без начала и без конца. Они думают, что вот-вот вырвутся в ферзи, но до конца своих дней так и остаются пешками.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что и я точно так же пешкой бегала по кругу, когда жила в Нью-Йорке?

— Да, именно это я и хочу сказать, — улыбнулся Джек.

Сара невольно залюбовалась его белозубой улыбкой и морщинками в уголках глаз. Когда он был

таким, как сейчас, его можно было даже назвать красивым. А уж обаяния ему и подавно было не занимать.

На следующее утро за завтраком Джек сообщил, что сегодня в кафе его не будет и что ей пора переходить на новый уровень. Сара знала, что задавать вопросы бесполезно.

Она работала с удвоенной энергией, была доброжелательна с клиентами. И все было чудесно до того момента, пока не наступил вечер. За окном лил дождь, и после окончания концерта в кафе начали подтягиваться посетители консерватории. У окошка сидела очень молодая и очень грустная девушка лет семнадцати. Ее звали Катя.

Глядя невидящими глазами в залитое дождем окно, Катя почти плакала, изредка вспоминая, что перед ней стоит чашка ароматного кофе. Иногда она, словно очнувшись, что-то набирала в телефоне. «Не порти жизнь подростку», — мысленно приказала себе Сара. Но ноги сами понесли ее к столику.

— Вы хотите стать писательницей, — услышала словно со стороны свой голос Сара. Девушка удивленно подняла на нее глаза.

— Да, очень! — отозвалась Катя, и глаза её вспыхнули. — Не знаю, зачем я вам это говорю, но еще больше мне хотелось бы другого.

— Чего же? — живо поинтересовалась Сара, понимая, что азарт вишера уже не даст ей остановиться.

— Я хочу, чтобы все стало, как раньше, — отозвалась девушка со вздохом.

— А как было раньше?

— Мой папа был жив, мама жила в Москве, — девушка почти плакала.

— Ах, вот оно что. А где сейчас ваша мама?

— Она вышла замуж во второй раз и переехала в другую страну. Она встретила потрясающего человека, которого очень любит.

— То есть вы здесь остались совсем одна?

— Да, — по щеке Кати покатилась слеза.

— Ну так это легко исправить, — сказала Сара.

— То есть как?! — Катя выглядела ошарашенной и испуганной.

— Вы верить в чудеса?

— Ну, смотря в какие, — неуверенно ответила девушка.

— В любые! Дайте мне руку, — удивленная Катя протянула правую руку. Сара закрыла глаза на мгновение, прошептала «Бойся своих желаний!» и снова их открыла. — Вот и все. Идите домой.

Катя смотрела на вишера как на сумасшедшую.

— Принесите мне счет, пожалуйста, — пробормотала она. Сара послушно развернулась и пошла к кассе.

Расплатившись, Катя почти выбежала из кафе. Вот теперь она плакала по-настоящему, но никто не обращал на это внимание, потому что на улице шел дождь, а девушка умышленно не раскрывала зонт. Она вышла к красиво подсвеченной Красной площади, пересекла ее, прошла по мосту через Москву-реку а потом свернула к своему любимому мостику у Третьяковской галереи. Спустившись по лесенке,

оказалась у самой кромки воды. «Что это была за сумасшедшая? Как ее вообще допустили к работе с людьми?»

Ее размышления прервал звонок мобильного. На экране высветилось одно-единственное слово — «Папа». Ее сердце бешено заколотилось. Ошибки быть не могло — единственным контактом под этим словом был ее отец, умерший от рака два года назад. Но как такое может быть? Ведь симку папы они разрезали и выкинули. Может, кому-то достался его старый номер? Ну, допустим. Но откуда у нового владельца папиного номера её контакт?

Почти задыхаясь от волнения, Катя поднесла трубку к уху.

— Да?...

— Ну и долго ты будешь шлаться по улицам? — в трубке звучал рассерженный голос ее отца.

— Паа-а-ап? — она едва держалась на ногах. — Как же так? Ведь ты же...

— Я разрешил тебе пойти на концерт, но не сидеть потом до рассвета в кафе. Давай домой, мы с мамой волнуемся, — с этими словами он повесил трубку.

Катя стояла ошарашенная. Она ничего не понимала. Та официантка что-то подсыпала ей в кофе? У нее бред? Она умерла? Ей это снится? Она больно ушибнула себя. На сон это не было похоже. Тогда девушка почти бегом понеслась к метро, спустилась по эскалатору пешком и вбежала в закрывающиеся двери поезда. Дорога до дома казалась бесконечно долгой. Она подсоединилась к вайфаю и открыла вотсап. Ни

одного чата! Но ведь такого не может быть, у нее всегда открыто сто окошек. Она попыталась отвлечься, листая ленты социальных сетей, но не могла ни на чем сосредоточиться.

Сердце колотилось с бешеной скоростью. Наконец, поезд остановился на нужной станции. Она пулей вылетела из вагона, взбежала по эскалатору и помчалась к дому. У подъезда остановилась, потому что увидела то, что уже давно отвыкла видеть — свет в окнах. Катя поднялась по лестнице, открыла дверь своим ключом и вбежала в большую комнату.

На диване сидели мама и папа. Катя застыла на месте, из глаз ее хлынули слезы, на минутку она даже подумала, что это ей мерещится. Но потом бросилась к родителям и обняла их.

— Мама! Папа! Я так по вам скучала, — почти рыдая, проговорила она. Те недоуменно переглянулись.

— Дочь, ты пьяна?

— Пап, я ничего не пила, только кофе! — она все еще не выпускала их из своих объятий, продолжая рыдать навзрыд.

Одновременно с Катей, в нескольких десятках километров от нее, рыдала навзрыд Сара, а Джек обнимал ее и гладил по голове, как ребенка. В ее руке был телефон с программой для вишеров. Сара только что выяснила, что, вопреки ожиданиям Кати, все в жизни пойдет совсем не так, как она думала. Брак родителей уже давно трещит по швам, они разведутся, но будут продолжать жить под одной крышей, изводя друг друга и дочь ежедневными скандалами. Папа

начнет пить, бить ее и маму. Мама никогда не встретит человека, которого должна была встретить. Катя никогда не станет писательницей, хотя могла бы стать автором многочисленных бестселлеров. Она не выйдет замуж, потому что будет жить с родителями, не имея возможности от них съехать. Она не встретит мужчину, который был предназначен ей судьбой и с которым она была бы счастлива. В двадцать пять лет, пребывая в глубокой депрессии, Катя наглостается таблеток и умрет. И все из-за того, что однажды она пожелала, чтобы ее папа не умер от рака.

— Это несправедливо, — выла Сара на руках у Джека.

— Я тебе уже говорил, что жизнь вообще несправедливая штука, — отозвался он. — Она, видите ли, захотела перемен. Вот так просто, по мановению волшебной палочки — папа жив, мама с ней. Никто не умер, никто никуда не уехал.

— Но почему? Почему все так происходит? — продолжала всхлипывать Сара.

— Все, хватит, — скомандовал Джек. — Истерику заканчиваем! И если ты такая впечатлительная, то я, пожалуй, отключу у тебя эту опцию в приложении. Чтобы ты не совала нос в будущее своих клиентов.

Эти слова подействовали на Сару мгновенно. Она всхлипнула в последний раз и заморгала глазами. Джек протянул ей салфетку и маленькую бутылочку бурбона.

— Иди умойся, и я тебе кое-что объясню.

Сара послушно отправилась в ванную. Когда она вернулась, Джек снова усадил ее рядом.

— Понимаешь, некоторые люди приходят в этот мир на очень короткое время. Их можно считать жертвами — но не обстоятельств. Раньше богам приносили самые настоящие жертвы — детей, девственниц, животных. Это сложно понять, но иногда только чья-то смерть может переломить ход событий в лучшую сторону. Смысл жертвы очень, очень глубок. Вспомни Новый Завет и библейского бога, который принес в жертву своего безгрешного сына, чтобы человечество могло спастись.

Боль от потери близкого человека или существа может быть невыносимой. Иногда кажется, что просто сходишь с ума, что жить больше незачем. Но это не так. После таких потерь очень важно не застыть в своём страдании, не упиваться им, а постепенно начать действовать, чтобы жертва не стала напрасной, чтобы она исполнила своё предназначение.

Болезнь отца и его уход переменяли ход событий для всех членов семьи. Все это было необходимо для того, чтобы Катина мама стала счастлива со своим будущим мужем, чтобы сама Катя встретила свою любовь и родила ребенка, который тоже будет счастлив в семье. Понимаешь? То есть эта жертва имела такую огромную силу, что сумела изменить к лучшему судьбы многих людей. Но что сделала Катя? Образно говоря, она просто вырубила этот источник энергии. И теперь имеет то, что имеет, — подытожил Джек. — Ладно, я спать. И ты тоже не засиживайся. Приводи себя в порядок, а если не можешь уснуть — глотни бурбона. Завтра утром мы отправляемся в Бангкок.

— Как? Уже? — только и смогла произнести Сара.

— Здесь ты уже всему научилась, нужно двигаться дальше, — с этими словами Джек вышел за дверь. А Сара еще долго вглядывалась в огни большого города, и по ее щекам текли слезы.

«Однажды случилось нечто очень страшное. Я встретила одну клиентку во Вьетнаме, помню ее до сих пор. Она была из очень богатой семьи, но ужасно страдала от лишнего веса. Ее родственники применили все возможные способы похудения, но ее вес даже если и падал немного, неизменно возвращался обратно. Положение было отчаянным. Девушка уже собралась было подселить паразита — аскариду. Поговаривают, что именно это сделала когда-то Мария Каллас, которая, как известно, очень любила хорошую кухню. Но, слава богу, этого не произошло. В обмен на деньги, которые нам так были нужны, я пообещала сделать ее стройной навсегда. И я сдержала свое слово.

Представьте, каково же было мое удивление, когда я встретила ее через тридцать лет — уже пожилую, но такую же стройную. Я обратилась к ней, но она меня не узнала. Что-то в ней показалось мне странным. Раньше в ее глазах светилась энергия и желание жить, а сейчас они казались пустыми и безжизненными. Я подумала, что это, наверное, старость. В старости нередко проблемы с памятью — наверное, поэтому она меня не узнала. Но куда больше меня волновал другой вопрос: почему она осталась жива? Почему не умерла, как и все другие мои клиенты, когда ее желание исполнилось?»

Глава 7

— Куда мы едем? — спросила Сара на русском, забираясь в такси.

— В аэропорт, — ответил Джек на языке, в котором Сара с удивлением опознала малагасийский, на котором говорит население Мадагаскара. Она до сих пор не привыкла к тому, что может легко переключаться.

Таксист поглядывал в зеркало заднего вида, пытаясь угадать, на каком языке говорят пассажиры. Когда Джек не шифровался, для общения он выбирал язык, который понимали все присутствующие, а не только Сара. Но если ему не хотелось огласки, он говорил на каком-либо из редких языков, иногда даже на мертвом. Можно было, конечно, для форсу вспомнить арамейский, но это было ни к чему — малагасийский вполне подходил.

— Почему ты не дал мне позавтракать? — спросила Сара. — Я голодна. Ты снова решил посадить меня на строгую диету?

— Нет, просто у нас самолет в восемь утра, а в Москве, как всегда, пробки. Позавтракаешь в самолете, — Джек попытался сохранить серьезное выражение лица, но не удержался и хмыкнул.

— Слушай, а тебе не надоедают эти бесконечные шатания по миру? Если честно, меня уже начинает потряхивать от этой бесконечной жизни на колесах!

— Мы вернемся к этому разговору лет через сто, — улыбнулся Джек и отвернулся к окну, показывая, что разговор окончен.

Сара последовала его примеру. За окном мелькали дома, редкие прохожие и машины. Ей вдруг стало очень грустно и одиноко. Если раньше она думала, что когда-нибудь встретит человека, который полюбит ее и заполнит пустоту, зияющую в сердце после потери матери, то теперь она понимала, что эту надежду можно похоронить. Она одна в вечности. Подумать только — обычные люди еще жалуются на одиночество! Да они даже не представляют, что это такое!

— Слушай, вот ты все время говоришь, что вишеры должны много читать, но я ни разу не видела тебя с книжкой, — прервала молчание Сара.

— Ты меня и с волшебной палочкой не видела, однако это не мешает мне исполнять желания людей, — ответил Джек и снова замолчал.

Через полтора часа они уже сидели в бизнес-классе. Джек продолжал ее игнорировать, и Сара один за другим опустошала бокалы с шампанским, пытаясь забыться и уснуть как можно скорее. После пятого бокала она скосила взгляд в сторону Джека, и он показался ей очень красивым. Хотя... он и до первого бокала был очень даже ничего! Тонкий прямой нос, большие голубые глаза, которые меняли свой цвет в зависимости от того, во что он был

одет и какая была погода. Темные, слегка вьющиеся волосы, зачесанные назад. Стройный, подтянутый, всегда одетый с иголочки, с горделивой осанкой и высоко посаженной головой. И губы... не полные и не тонкие, а как раз именно такие, которые хочется целовать. Он показался ей невозможно, нереально красивым.

Когда Сара потянулась за шестой порцией шампанского, командир экипажа объявил, наконец, что самолёт взлетает. У девушки кружилась голова, но вместе с тем она почувствовала свободу. Повернувшись к Джеку, она обратилась к нему на суахили. Язык её при этом слегка заплетался:

– К-к-как ты думаешь, у нас с тобой м-могло бы что-нибудь получиться?

– Получиться что? – отозвался Джек, не отрывая взгляда от журнала, который листал.

– Ну... как что... отношения. Ты б-бессмертен, я б-бессмертна, мы оба чертовски б-бессмертны и столь же привлекательны! – проговорила Сара, оглядев новое дорогое платье, купленное в бутике аэропорта и прекрасно сидевшее на ее постройневшей фигуре.

– До «чертовски привлекательной» тебе осталось как минимум еще пятнадцать килограммов и пара-тройка пластических операций, – Джек привычно насмехался над ней.

– Очень смешно, – мгновенно распалилась Сара. – А вот скажи, почему бы тебе не избавиться от всей той дури, которая осела в твоей башке за последние несколько сотен лет? – ее голос почти

сорвался на крик. — Почему ты постоянно издеваешься надо мной? Что, черт возьми, с тобой не так? Я устала! Это ты, ты втянул меня в свои делишки! Я тебя об этом не просила!

Джек заметил, что стюардесса поглядывает в их сторону с тревогой, но Сара не унималась:

— Что, опять хочешь отвертеться и уйти от ответа? Черта с два! Давай рассказывать. Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — ничего.

— Я о тебе тоже практически ничего не знаю. И, если честно, не имею ни малейшего желания узнавать, — Джек попытался урезонить свою разбушевавшуюся спутницу. Он опасался, что истерики не миновать, но в этот момент Сара поникла. Из нее словно достали батарейку. Посмотрев на него исподобья, она тихо произнесла:

— Послушай, Джек, мне очень тяжело привыкнуть ко всему этому безумию. Я устала, и мне необходима поддержка. Я не справляюсь, пойми!

— За поддержкой можешь совершенно спокойной обращаться к Лайле, — отрезал он.

— Но у меня нет ее телефона, — сказала она еще тише.

— О, так это не проблема. Я поделюсь контактом, когда долетим до Бангкока. А теперь, будь добра, прими таблеточку и усни уже, бога ради, пока нас не сняли с рейса как двух дебоширов.

С этими словами Джек протянул ей голубую таблетку валиума. Глядя на её растерянное лицо, он не смог сдержать улыбки. Сара послушно взяла пилюлю и проглотила её, запив остатками шампанского.

— И все таки ты чертовски, ты совершенно не прав, что не доверяешь...

Она не успела закончить фразу, ее свалил сон. Джек внимательно взглянул на Сару. Та действительно очень изменилась. Стала гораздо красивее, стройнее, научилась одеваться и делать макияж. Для довершения образа не хватало всего пары штрихов — но это вопрос ближайшего будущего, и тогда он, наконец, сможет с ней расстаться и обрести свободу. Он вздохнул, подозвал стюардессу и попросил принести виски со льдом.

Сара проснулась от дикой головной боли. Стюардесса принесла ей стакан воды, таблетку «Алка-Зельтцера» и немного еды. До посадки оставался час. Джека рядом не оказалось. Сара встала, чтобы немного размяться, и увидела своего спутника неподалёку. Он разговаривал с каким-то пожилым и, судя по всему, очень состоятельным азиатом. Заметив Сару, Джек взглядом попросил её вернуться на место.

— Кто это был? — поинтересовалась девушка, когда Джек вернулся.

— Клиент, — бросил он. — Ты знаешь, зачем мы летим в Бангкок?

— Предполагаю. Для того, чтобы что-то увидеть и чему-то научиться, верно?

— Смотри-ка, а ты небезнадежна!

Его возглас прозвучал иронично до тошноты. Больше они не говорили до выхода из аэропорта. Снаружи их ждал лимузин, и вновь Сара ничуть не удивилась. Ее удивило другое — вместе с ними в машину сел тот самый азиат, с которым говорил Джек.

— Добрый день! — услышала она приветствие на тайском, обращенное к ней. — Добро пожаловать в мой второй дом. В этой машине я провожу большую часть дня и большую часть своей жизни тоже, — улыбнулся азиат.

«Так значит это мы его гости, а не наоборот!» — догадалась Сара.

— Джек, мы можем говорить при девушке? — спросил пожилой господин.

— Сара — моя ученица, и у меня нет от нее секретов.

Говоря это, он насмешливо смотрел на неё. Азиат вздохнул и заговорил снова.

— Меня зовут Чалео Йювидья. Никто не знает, когда я родился. Говорят, что где-то между 1922 — 1932 годом. Школу я так и не окончил, это было невозможно. Нужно было помогать родителям. Позже мы переехали из деревни в Бангкок, где я основал фармацевтическую компанию. И всё бы ничего, но это не приносило мне радости. Мне всегда нравилось находиться в гуще событий, там, где кипит энергия. И я разработал рецептуру напитка Krating Daeng, который не только бодрит, но даже помогает преодолеть джетлаг.

Однажды в наши края заехал директор по маркетингу одной из австрийских компаний. Он по достоинству оценил мое изобретение, предложил адаптировать его для мирового рынка. Сегодня Red Bull — а именно с таким названием напиток вышел на рынок — хотя бы раз в жизни пробовал каждый, — Чалео довольно улыбнулся. — Я стал одним из

немногих, кто правильно выбрал желание. Кстати, вот! Не хотите ли? — он потянулся к мини-бару.

— Да, пожалуй, — отозвалась разбитая Сара, думая о том, что куда охотней она приняла бы сейчас еще один «Алка-Зельтцер». А господин Йювидья продолжил:

— 17 марта 2012 года меня похоронили. Ну, как похоронили... инсценировали мои похороны, потому что столь долгая жизнь вызвала бы вопросы. Когда Джек пришел ко мне с предложением исполнить желание, я сказал, что ничего не хочу. Я прожил яркую и красивую жизнь, мне ничего не надо. Я ни о чем не жалею. И тогда глаза твоего учителя засветились, и он предложил мне то, от чего я не смог отказаться — он предложил бессмертие в обмен на определенный процент с моих доходов.

Джек усмехнулся, а Сара не верила своим ушам. Значит, вишеры могут заключать такие сделки?

— После похорон я получила бессмертие, а Джек — неплохие дивиденды. Наверху, наверное, были в ярости, но что делать. И вот теперь я живу тихо-мирно, бизнесом руководит мой сын, и только он в курсе, что я жив. Вот такая история, — с этими словами господин Йювидья откинулся в кресле.

Вяло улыбнувшись, Сара отвернулась к окну. Замелькали пейзажи, разительно отличавшиеся от московских. К тому же, несмотря на работающий во всю мощь кондиционер, Сара всей кожей ощущала жару и влажность климата. Мысли её путались. Она лихорадочно обдумывала услышанное. Значит, есть

всё-таки способ спасти клиентов. Но ведь не все захотят бессмертия!

Ее мысли прервал господин Йювидья, который обратился к Джеку:

— Джек, как мы и договаривались, я отписал двадцать процентов тебе от всех доходов, которые заработал за последний год. Сейчас я провожу вас до отеля, вы отдохнете, а завтра я пришлю за вами машину, чтобы вы с комфортом добрались до цели своего путешествия, — улыбнулся азиат. — Да, и завтра я жду вас на ужин, если вы не возражаете, конечно.

— Конечно, нет, друг мой, — с несвойственным ему энтузиазмом отозвался Джек. Сара заметила, что в разговорах с клиентами он настолько менялся, что, казалось, существуют два абсолютно разных Джека.

Они подъехали к отелю «Парк Хаятт Бангкок». Когда они вышли из лимузина, Джек подмигнул ей шепнул на ухо: «Гляди-ка, а здешний Хаятт куда скромнее московского. Но зато в этот раз мы гости, за нас заплатят». Сара все еще была под впечатлением от услышанного, но старалась не показывать виду.

Попрощавшись, они поднялись в номера. В этот раз им не пришлось замораживать время, чтобы пронести Макса в комнату — до конторки портье их проводил водитель господина Йювидья. Этого оказалось достаточно, чтобы никаких вопросов не возникло.

Перед тем как скрыться в своем номере, Джек сказал:

— Жду тебя ровно через тридцать минут в лобби. Бери Макса, мы идем гулять.

Когда они встретились внизу, Сара первым делом напомнила:

— Ты обещал мне телефон Лайлы.

— Ах, да! — спохватился вишер. Порывшись в записной книжке, он нашёл нужный контакт и переслал его Саре.

— Спасибо, — поблагодарила она. — А куда мы направимся?

— Давайте просто прогуляемся, — при этих словах Сара невольно поморщилась. «Просто прогуляться» с Джеком у неё не получалось ни разу.

Они вышли из отеля. На улице было очень жарко и душно, несмотря на то, что солнце спряталось за густыми облаками. В воздухе висел запах дешевого стрит-фуда и еще чего-то противного и кислого. Улицы были грязными, однако люди, живущие в лачугах, выглядели вполне счастливыми. Дорожное движение было хаотичным и очень плотным.

— Знаешь, — неожиданно заговорил Джек, — у тайцев существует выражение «Май пен рай». Оно означает что-то вроде «Ну и черт с ним!» Случилось что-то неприятное? Май пен рай! Кто-то умер? Май пен рай! Заболела чем-то? Май пен рай! Иностранцы обычно воспринимают это, как признак безалаберности и лени, но не будем забывать, что тайцы в большинстве своем буддисты, а буддисты, как известно, народ достаточно позитивный. К чему сетовать на то, что не можешь изменить? Зачем

переживать? Лучше просто двигаться вперед и поменьше думать о том, что тебя беспокоит.

— Хм, неужто ты мне сейчас описываешь работу вишера? — поинтересовалась Сара.

— Не только, это может касаться чего угодно. Ты посмотри на наших клиентов. Они постоянно суетятся, хотят изменить прошлое, настоящее и будущее. Но прошлое, к сожалению, изменить невозможно. Изменить можно только то, что есть сейчас, и то, что будет завтра.

— Именно поэтому господин Йювидья смог обмануть систему? — догадалась Сара.

— И поэтому тоже, — усмехнулся Джек. — Он пожелал изменить будущее. Не возродить первую любовь, не оживить отца, не вернуть то, что давно утрачено. Ну и, конечно, свою роль сыграли несколько миллионов долларов, которые я ежегодно получаю благодаря ему, — Джек довольно расхохотался.

— А разве это не запрещено правилами? Вообще у нас есть какой-то свод правил?

— В том-то и дело, что нет. Нам дается ряд возможностей, которыми мы должны пользоваться и самостоятельно крутиться. Есть вещи, которые нам неподвластны. Все остальное, в принципе, разрешено. Хотя, конечно, то, что мы сделали с моим дорогим тайским другом, не вызвало особого восторга у моего начальства, — Джек снова улыбнулся. — Но со временем и они привыкают, что у нас есть слабости. Потому что если не научиться расслабляться с такой работой, да еще и будучи бессмертным, то можно сойти с ума.

— Но мы приехали сюда не для того, чтобы восклицать без остановки «май пен рай», правда? — прервала его Сара.

— Совершенно верно. Как ты заметила, мы посетили несколько католических святынь. В Москве я хотел побывать с тобой в одном монастыре, но времени не хватило. Впрочем, католичество и православие очень схожи. А вот с буддизмом проскочить не получится.

— Правильно ли я понимаю, что мы должны посетить центры всех существующих в мире религий?

— Ты с ума сошла! Мировых религий всего три — христианство, ислам и буддизм. Не путай их с религиозными течениями, коих несравнимо больше. И сколько, по-твоему, мы бы разъезжали, захоти мы почтить главного святого каждой конфессии?

— Какова наша цель в таком случае?

— Наша цель — сделать из тебя вишера и снабдить тебя энергией, достаточной для проведения всех инициаций. А потом ты самостоятельно будешь ездить по местам силы — на свое собственное усмотрение — чтобы восстанавливать силы и подпитываться. Замечу, что у совсем древних святынь — например, дохристианских, — энергии гораздо меньше, чем у действующих. К примеру, трудно себе представить вишера у храма Артемиды или у египетских пирамид, хотя некогда в них была сокрыта огромная сила. Мы побывали у христиан. Сейчас мы среди буддистов. Потом отправимся к мусульманам.

— А как же Индия с ее пантеоном? — спросила Сара. — Мы поедem и туда тоже?

— Видишь ли, я не слишком люблю путешествия в эту страну, хотя я там родился и вырос. К тому же и буддизм, и индуизм относятся к дхармическим индийским религиям. Между ними много общего.

— погоди, ты хочешь сказать, что ты — индус? — Сара открыла рот от удивления.

— Неужели похож? — рассмеялся Джек. — Нет, я португалец. Но, как ты знаешь, Индия долгое время была колонией Португалии, поэтому мои родители жили там.

Сара почти не дышала, чтобы не спугнуть разоткровенничавшегося Джека. Она смотрела на него во все глаза и видела, что в его внешности, в манере говорить и держаться действительно есть португальский флер, который ни с чем не спутать.

— Когда за мной пришли, — продолжал Джек, — я уже жил в Порто, был официальным представителем бизнеса своего отца в Европе и зарабатывал очень неплохие деньги. Но меня не покидало ощущение бессмысленности жизни.

— А теперь ты понял в чем заключается смысл? — осмелилась спросить Сара.

— Честно? Нет, — он улыбнулся, но улыбка эта была полна грусти. — Понимаешь, вся эта блажь о помощи ближнему, конечно же, прекрасна. Но слышала ли ты о том, что дорога в ад вымощена благими намерениями? Мы сейчас говорим не про высшие силы, а про обычных людей — пусть даже очень богатых или набожных. Для большинства

существует один-единственный бог, и имя ему — желание. Или счастье. Все чего-то желают — вечной жизни, удачного перевоплощения, хорошей карьеры, крепкой семьи. И всё бы ничего, вот только единицы готовы служить богу ради веры, ничего не прося у него взамен. Мало кто исповедует то, что проповедует — особенно это видно, когда речь заходит о нестяжательстве или аскетизме. Могу тебе сказать, что неоднократно сталкивался со священнослужителями в самых дорогих гостиницах мира, которые заселялись в люксы. Например — с далай-ламой в роскошном московском «Арабат Хаятте». Ну, а о православных и католических священниках и говорить нечего — те ни в чем себе не отказывают. Служители Аллаха также не бедствуют. Кстати, ты, надеюсь, заметила, что я не пытаюсь обратить тебя ни в одну из религий?

— Да, — ответила Сара. — И, если честно, меня это удивляет.

— А знаешь, почему? Потому что все религии — суть разные обертки для одной конфеты. Какая разница, кто появился раньше — Будда, Иисус, Мухаммед или Кришна? Неужели это повод устраивать многолетние и даже многовековые войны? Нет, конечно. Богу все равно, как к нему обращаются, когда молятся. Бог един не в трех, а в тысячах ликах разных религий. И именно поэтому храмы и святыни вишеры воспринимают не более чем источник энергии. И если нам хочется помолиться, мы делаем то же, что может сделать любой человек, — мы просто мысленно обращаемся к богу.

Сара притихла, осознавая услышанное. Затем она перевела взгляд на Макса и поняла, что пёсик донельзя устал. Перелеты давались ему очень тяжело, и даже прогулки перестали радовать. Джек предложил вернуться в отель и оставить Макса там. Затем он вызывал такси.

В машине было прохладно. Водитель не давил на клаксон, как без устали это делали все окружающие, — машина была представительского класса. Наконец, они подъехали к белой стене, за которой виднелись пагоды и крыши дворцов.

— Ват Пхо, — объявил Джек, — один из самых старых буддистских храмовых комплексов Таиланда.

Повернувшись к водителю, он попросил на тайском подождать их. Они вышли из машины. Повсюду были монахи в ярких оранжевых одеяниях. От буйства красок рябило в глазах. Разноцветная мозаика, крыши из золота... Здесь было много, много золота. На входе в храмовый комплекс Саре выдали зеленый халат, чтобы она могла скрыть голые плечи и ноги.

— В идеале я хотел бы провести следующую инициацию здесь, но тут слишкомлюдно. С утра до ночи толпы народа. Замораживать их всех — это огромная энергозатрата. Я просто сожусь в ноль, есть такой риск, — усмехнулся Джек.

Они побродили между зданий и подошли к главному храму.

— Здесь находится одна из самых больших лежащих статуй Будды. Сорок шесть метров в длину и пятнадцать в высоту, — сказал Джек. — Каждый раз

вижу и каждый раз поражаюсь. Впрочем, о чем это я. Окрыленные верой, люди возводили пирамиды в Египте и в Мексике, строили целые города-храмы. Кстати, мы уже пришли. Разувайся!

— Я не хочу! Тут все ходят босиком, я боюсь подхватить какую-нибудь заразу! — сказав это, Сара на мгновение застыла, а потом рассмеялась, вспомнив, что она бессмертна.

В храме действительно было оченьлюдно. Кто-то сидел на полу и молился, кто-то фотографировал, кто-то стоял в очереди к каким-то чашам. Заметив ее взгляд, Джек прошептал:

— Сто восемь бронзовых чаш. В каждую из них нужно бросить монетку, чтобы очистить карму и, — Джек ухмыльнулся, — исполнить желание. Не хочешь ли попробовать?

— А почему именно сто восемь? — спросила Сара.

— Священное число в буддизме. Сто восемь томов изречений Будды, сто восемь бусин в буддистских четках, точнее, бусин всего сто девять, но последняя находится за общим кругом. Ну и, наконец, сто восемь страстей.

— Сто восемь? Откуда же столько?!

— В буддизме всего десять заповедей, но вот страстей намного больше, — Джек снова улыбнулся. — У нас пять органов чувств, плюс сознание — уже шесть. Эти ощущения могут быть приятными, неприятными и нейтральными. Умножаем шесть на три, получаем восемнадцать. Теперь удваиваем, потому что каждое из этих чувств может

либо отдалять нас от блаженство, либо приближать его. Итого – тридцать шесть.

– Ну и где же здесь сто восемь? – перебила Сара.

– Ты забыла о том, что есть настоящее, прошлое и будущее. Страсти существовали, существуют и будут существовать. Умножаем тридцать шесть на три и получаем сто восемь.

Сара рассмеялась:

– Напоминает анекдот про среднее арифметическое, когда студентке, достававшей шпаргалки из-под мини-юбки профессор вывел среднюю оценку: «За экзамен – два, за стриптиз – пять. Итого – четыре». Слушай, а есть вообще что-то, чего ты не знаешь? – посмотрела на Джека Сара. – Ты просто Гугл какой-то, а не человек!

Джек лишь усмехнулся в ответ.

Они вернулись в гостиницу на той же машине, и вишер предложил Саре поужинать вместе.

– Поужинать? Ого! А мне точно уже можно? – с преувеличенным беспокойством в голосе спросила Сара.

– Учитывая, что ты кое-как позавтракала в самолете и мы не обедали, а также принимая во внимание то, что ты заметно похудела... – брови Сары возмущенно поползли вверх, но Джек, казалось, этого не замечал. – Так вот, сегодня можно сделать исключение. Ты, надеюсь, не забыла, что мы приглашены к нашему дорогому другу?

– Ой, и правда! Я совсем забыла!

— У вишеров не бывает провалов в памяти. Будь как вишер, — поддел ее Джек. — Готовность через два часа. А сейчас прогуляйся и купи себе приличное платье и туфли, — с этими словами он протянул ей стопку местной валюты.

— Так вот как отмываются деньги, — рассмеялась Сара.

— Я бы назвал это не отмыванием денег, а справедливостью. У вишеров нет детей, которые учились бы в школах или институтах; мы не болеем и, соответственно, не пользуемся системой здравоохранения; мы много тратим. Так почему же я должен платить налоги? — усмехнулся Джек и направился в сторону лифта.

Сара проводила его взглядом и вышла из отеля. Уже почти стемнело, и небо окрасилось розово-красными всполохами. Наконец-то она может побыть одна и самостоятельно отправиться за покупками. Сара гордилась тем, что Джек начал доверять ей, пусть даже это касалось всего лишь выбора одежды. Она шагала по улице, и ощущение абсолютного счастья заполняло ее все больше и больше. Она бессмертна, у нее есть деньги, она может путешествовать по всему миру и ни в чем себе не отказывать. Раньше она не могла даже мечтать об этом.

Город бурлил, несмотря на поздний час. Туда-сюда сновали машины, мотоциклы и тук-туки. Внезапно Сара услышала рев мотоцикла прямо за своей спиной. Она обернулась, но успела увидеть только маску, закрывающую лицо водителя. Затем

почувствовала рывок, сумка слетела с ее плеча. Она попыталась ее удержать, но не смогла, потому что мотоциклист ехал на большой скорости. Последнее, что она запомнила, — падение и сильный удар.

Сара очнулась в больничной палате. Как только она открыла глаза, увидела Джека. Он выглядел очень обеспокоенным и осунувшимся.

— Что со мной случилось? — она не помнила ничего, кроме поездки в Ват Пхо.

— На тебя напали. Отняли деньги, — ответил он. Голова у Сары раскалывалась.

— Но ведь я бессмертна. Как такое могло случиться? — несмотря ни на что, она пыталась мыслить логически.

— Ты бессмертна, когда речь идет о людях, — Джек помедлил, — а вот когда о вишерах...

— Ты хочешь сказать, что какой-то вишер пытался меня убить? — у Сары никак не складывалась картинка.

— Не все вишеры следуют своему предназначению. Некоторые начинают заниматься самодеятельностью, пытаясь заполучить как можно больше денег. В итоге их лишают права быть вишерами, но в наказание оставляют бессмертие. Они вынуждены вечно жить на дне, промышляя разбоями, нападениями, грабежами. Но самое неприятное — они могут нанести вред другим бессмертным. И у некоторых из них есть зуб на меня, — со вздохом добавил Джек.

— А я-то тут причем? И как он вообще узнал про меня? — недоумевала Сара.

— О, наш мир не такой уж и большой, как ты думаешь. Особенно в век цифровых технологий. Со многими вишерами я знаком лично, других знаю по имени. Кто-то из них мог увидеть нас вместе, а выяснить дальнейшие детали не представляет труда. — Джек снова вздохнул. — Тебе бы немного отдохнуть, но сейчас не самый удачный момент. На тебя напали. Но до реального вреда далеко, твое падение — всего лишь мелкая неприятность. То есть это было предупреждением. Нам пужно срочно выдвигаться дальше. Я собрал все твои вещи, отменил встречу с господином Йювидья и забрал Макса из отеля. Он внизу, в лимузине. Я сейчас подгоню кресло-коляску, и мы уедем отсюда. Путь предстоит долгий — полдня. Но машина большая и удобная, ты сможешь выспаться там. Договорились?

Прежде Сара никогда еще не видела Джека таким заботливым, поэтому смотрела на него во все глаза.

— Да, — кивнула она, все еще не выпуская его руку из своей. От него веяло таким спокойствием и такой уверенностью!

— Это моя вина, не надо было тебя отпускать одну, — с сожалением произнес Джек. И тут же добавил:

— Я купил тебе кое-что из одежды. Надевай вот это, — с этими словами он выложил на кровать пакет.

— Погоди, а разве ты не выйдешь из комнаты? — приподняла бровь Сара.

— Вот еще! Чтобы ты потеряла сознание и снова грохнулась головой оземь?

— Ладно, — Сара нехотя повиновалась.

Джек встал и отвернулся к окну. За окном снова алел закат. Вид из палаты открывался потрясающий. Переодевшись, Сара кашлянула. Джек повернулся, и в его глазах невольно вспыхнуло восхищение. Шелковое голубое платье сидело на ней идеально и очень ей шло. Сара улыбнулась, увидев его реакцию. Он посадил ее в кресло и повез по коридору. Прямо у выхода их поджидал лимузин. Сара скользнула на заднее сиденье и обняла Макса. Ее все еще потряхивало при мыслях о произошедшем.

Но было кое-что еще, что заставляло ее сердце биться чаще — забота и участие Джека. Ее смущал его внимательный взгляд.

Она уставилась в окно, Джек достал небольшое одеяло и подушку и показал ей жестом: поспи. Уговаривать ее не пришлось. Сара устроилась на заднем сиденье и сладко уснула. Когда она открыла глаза, было уже светло. Она заметила, что Джек напряженно вглядывается в окно.

— Эй, привет! — обратилась она к нему.

— Привет, — отозвался Джек, — мы уже подъезжаем.

— Куда, если не секрет?

— К Пхукету.

«В следующий раз мы встретились с Лайлой во Вьетнаме. Война там уже давно закончилась, и страна постепенно начала выходить из глубокого кризиса. Встрече со старейшим вишером я даже обрадовалась, потому что появилась возможность задать интересовавший меня вопрос. Лайла наверняка знала на него ответ.

Почему не умерла та худеющая из Вьетнама?

Однако я не хотела спрашивать об этом в лоб, а потому пригласила ее пообедать в одном из старых ресторанов в Ханое. Пока мы ждали официанта, я расспрашивала ее о последних путешествиях и об интересных происшествиях. А потом, словно невзначай, обронила: „Знаешь, у меня тут тоже приключилась пара странных историй“.

Я рассказала ей о певце и о похудевшей девушке. Она внимательно выслушала, буравя меня глазами. Я никак не могла понять, что кроется за ее взглядом. В это время нам как раз принесли еду, и мы поменяли тему разговора. Но в конце трапезы я спросила, что она думает по поводу услышанного.

Лайла посмотрела на меня с улыбкой и ответила: „Может, ты просто плохо исполнила их желания?“ Я поняла, что ничего внятного от нее не услышу. Но мне до сих пор интересно: она действительно не знала ответа или просто уходила от него?»

Глава 8

Пхукет считается настоящим раем для тех, кто хочет насладиться белым песком и бирюзовым морем. Ритм этого города размеренный и даже немного скучный. Однако Сара прекрасно знала, что они приехали сюда не купаться и не загорать. Голова все еще болела. Джек, как всегда, отмалчивался. Кто же напал на нее? Был ли это вишер, промышляющий мелкими кражами, или же кто-то посерьезнее — тот, кому Джек когда-то перешел дорогу? В таком случае, Сару беспокоил вопрос — не будут ли мстить лично ей, когда она займет место Джека?

Тем временем они подъехали к отелю в типичном тайском стиле: роскошный холл, бассейны, виллы. Сара настолько привыкла к прекрасным отелям, что ее уже ничто не удивляло.

— Здесь мы пока остановимся. Нам нужно попасть в одно особенное место до семи часов вечера. Чуть позже отправимся туда. Иди отдохни, а я погуляю с Максом, — сказал Джек.

Сара снова удивленно взглянула на вишера. С чего бы такая любезность? Но поводок Джеку вручила, затем взяла сумку и устало побрела в свои апартаменты. Вилла была большой, но очень уютной, с

чудесным видом на море. Однако Саре сейчас было не до красот. После сна в машине все тело ломило. Она наполнила джакузи теплой водой и улеглась в пузырящуюся воду с закрытыми глазами. Ее прежняя жизнь теперь казалась невообразимо далекой, словно это была и не ее жизнь вовсе, а какой-то кинофильм про совершенно незнакомую женщину.

Но теперь, наконец-то, началось то, чего она так долго ждала. Происходящее не ошеломляло, не вызывало желания закричать от радости. Она воспринимала его как само собой разумеющееся. Теперь все так, как должно было быть, — только и всего.

Внезапно в дверь постучали. «Иду!», — прокричала она на тайском, пытаясь найти халат. Но его нигде не было видно. Она обернулась в большое полотенце и открыла дверь. На пороге стоял Джек — с Максом на поводке и с завтраком на подносе.

— Я подумал, что ты, должно быть, голодна, — сказал он, с нескрываемым любопытством разглядывая почти обнажённую Сару. — Слушай, а ты здорово похудела!

— Может, теперь ты разрешишь мне есть чаще?

— Ну уж нет, эдак мы испортим всю красоту! — засмеялся Джек.

Сара надула губки, но в этой гримасе было больше кокетства, чем обиды. Она прошла вглубь апартаментов, приглашая Джека следовать за ней. А тот все продолжал ее бесцеремонно разглядывать и удивляться, насколько сильно Сара изменилась за считанные недели. Она стала увереннее в себе, даже

походка стала другой. Сара заглянула в шкаф за платьем и ушла в ванную. Через пять минут она вернулась, Джек уже сидел на террасе, поглядывая на море и ел сэндвич, подкидывая кусочки Максусу.

— Да вы, я смотрю, лучшие друзья! — воскликнула Сара, увидев эту картину.

— Должен же быть у меня хоть один друг, — грустно улыбнулся Джек. — Этот, по крайней мере, не предаст... если, конечно, кто-то другой не предложит ему колбаски, — Джек снова засмеялся.

В последнее время он чувствовал себя все легче, потому что видел, что конец обучения близок. Это одновременно и радовало, и огорчало его. Долгое, очень долгое время его абсолютно устраивал статус волка-одиночки. Так было проще. Так было правильно. А потом ему на голову свалилась эта несуразная психология. Джек до сих пор не мог понять, почему ему не прислали на стажировку мужчину примерно одних с ним лет.

Тут вишер вздохнул. Ему вспомнилась та, о которой он не вспоминал уже много лет. Фернанда — так звали её. Он тяжело покачал головой, словно пытаясь отогнать грустные воспоминания.

— А почему ты вдруг решил сам принести завтрак? Или вот еще одна твоя любезность — сегодняшняя прогулка с Максом. У меня что, день рождения? — хмыкнула Сара.

— Нет, просто я все еще чувствую себя виноватым, — соврал Джек. Но Сара приняла его слова за чистую монету. Она улыбнулась, села за стол и с аппетитом принялась за еду.

— А куда мы поедим сегодня вечером? — спросила она, сделав глоток кофе.

— К одной очень интересной статус, — отозвался Джек.

— Неужели еще один Будда?

— Дело не в Будде, а в месте. По легенде на этой горе Будда медитировал. Дело происходило ночью, и его фигура светилась в темноте. Поэтому статую облицовывают белым мрамором.

— Ты хотел сказать облицевали белым мрамором? — перебила его Сара.

— Нет, именно облицовывают. Работы начали в 2002 году, но они еще не окончены. Статую и храмовый комплекс возводят исключительно на пожертвования. Все желающие могут купить в сувенирной лавке пластинку белого мрамора, написать на ней желание, а потом передать ее для дальнейшей облицовки. То есть снаружи Будда ослепительно белый, а вот под мрамором он просто вибрирует от людских желаний. Представляешь, какая там сумасшедшая энергетика? — глаза Джека горели едва ли не ярче, чем мрамор на солнце.

— Да уж... это впечатляет! — отозвалась Сара.

В этот момент она неловко повернулась и опрокинула кофейник на пол.

— Господи, как же ты бываешь неловкая, — тут же вспыхнул Джек. — Неудивительно, что у тебя не было серьезных отношений.

— Ха! Можно подумать, они были у тебя, — парировала Сара.

— Да. Были, — неожиданно для самого себя отозвался Джек. — Я был женат.

Сара едва не поперхнулась.

— Женат? В какой из жизней?

— В этой.

Сару буквально разрывало от любопытства.

— А она тоже была вишером?

— Нет, — мрачно отозвался Джек, и разговор у них перестал клеиться. Девушка попыталась было завести беседу на самые отвлеченные темы, но вишер словно не слышал её. Он сидел, уставившись в точку перед собой, потом поднялся и пошёл к двери.

— Вот здесь, в сумке, для тебя есть купальник, — обронил он, открывая дверь.

— О, — захлопала в ладоши Сара. — Спасибо! Я как раз думала о том, как было бы здорово погреть мое белое тело на солнышке.

— Я знаю. Только не сгори, — за Джеком закрылась дверь.

Оставшись наедине с Максом, Сара поморщилась. Ну, зачем, зачем она опять спугнула Джека? Он только-только начал раскрываться. Не надо было вообще задавать этот дурацкий вопрос про отношения. Но в тот момент она была очень зла. Люди всегда злятся на тех, кто лишает их иллюзий. Всю свою жизнь Сара была уверена, что одинока по одной-единственной причине: вокруг не осталось достойных мужчин. Ей и в голову не приходило, насколько непривлекательной она была, как её портили дурные манеры, неряшливая одежда. Но теперь, оглядываясь назад, она видела себя со стороны

и понимала, какие разительные перемены произошли с ней благодаря Джеку.

И вот парадокс: на сеансах терапии она повторяла своим клиенткам, что те имеют право рассчитывать на большее — на лучших мужчин рядом, взамен тех, которые их бросали и унижали. Теперь она понимала, что говорила тем женщинам лишь половину правды. Да, они могут и должны рассчитывать на большее. Но только при одном условии — они и сами должны меняться, изо дня в день работать над собой, а не ждать у моря погоды. Принцы ищут принцесс, а не замарашек. А если кого-то устраивает роль замарашки, то ей придется довольствоваться тем, что есть. Но есть еще один момент — очень важно то, как женщина ощущает себя внутри. Насколько она в ладу с собой, насколько гармонична. Насколько понимает свои собственные желания. Это состояние транслируется вовне — и служит мощным сигналом для противоположного пола.

Теперь Сара понимала это очень хорошо. Как понимала и то, что, возможно, встретила мужчину своей мечты. Джек ей нравился все больше, но она гнала от себя подобные мысли, потому что знала, что у них нет и не может быть общего будущего. Вот уж действительно — бойся своих желаний...

Но довольно об этом. Она переоделась в купальник и наперегонки с Максом помчалась к воде. Вода казалась прохладной по сравнению с прогретым воздухом. Сара забежала в воду по пояс, а Макс остался на берегу, лая что есть мочи. Сара звездой

легла на воду и, покачиваясь на волнах, стала смотреть в синее небо.

Через час она вернулась в номер, ополоснулась в душе и улеглась в удобную постель. Господи, какое счастье! Наконец-то! Все блага цивилизации к ее услугам. Глаза закрылись сами собой. Она буквально провалилась в сон.

Ее разбудил стук в дверь. С трудом оторвав голову от подушки, она посмотрела на телефон: шесть часов вечера! Она проспала весь день. Это, должно быть, Джек!

— Эй, просыпайся! — услышала она голос за дверью. Сара нехотя поднялась с кровати. Будь ее воля, она бы не вставала еще несколько дней.

— О, да я вижу, ты в полной боевой готовности, — хмыкнул он.

— Иди к черту, — отозвалась Сара. После дневного сна она всегда была не в духе.

— Ну вот, теперь и ты могла бы получить гран-при на конкурсе «Мисс Любезность», — с улыбкой ответил Джек. — Вот платье, одевайся и поехали.

Сара со вздохом поплелась в ванную с пакетом, который выдал ей Джек. Внутри она с удивлением обнаружила длинное летнее платье, слишком изысканное для Таиланда и уж тем более — для Пхукета.

— А разве не к Будде едем? — спросила она.

— Едем, но надо дождаться закрытия. Сначала поужинаем.

— И что, здесь есть рестораны, куда можно явиться в таком роскошном платье?

— Нет, но мне очень нравится паряжать тебя. Мне нравится, когда ты выглядишь прилично.

— Что, прямо вот настолько прилично, что мне надо накраситься и уложить волосы? — с разочарованием спросила Сара.

— Заканчивай пререкаться и одевайся. Кстати, собери вещи, в отель мы уже не вернемся.

Она недовольно вздохнула, что-то проворчала себе под нос и выводила Джека.

В ресторане он посоветовал ей заказать «тай-тай», сказав, что это особый способ приготовления пищи. Увидев недоверие на лице официанта, она было засомневалась. Но вишер сохранял невозмутимый и дружелюбный вид, и Сара совершила роковую ошибку. Оказалось, что «тай-тай» — это наивысшая степень остроты пищи. Едва положив кусочек мяса в рот, она подпрыгнула на месте, а из её глаз ручьем полились слезы. Еда была невыносимо острой. Ко всем этим ярким ощущениям добавились злость и досада на Джека.

— Ну почему, почему ты все время надо мной издеваешься?! — ее голос дрожал.

— Заешь белым рисом и перестань дуться. Я пользуюсь последней возможностью, — расхохотался он.

— Последней возможностью? В смысле? — недоуменно переспросила Сара.

Джек не ответил.

Когда они вышли из отеля, уже стемнело. Лимузин поехал по узким улицам с левосторонним движением. Сара все еще не понимала, как люди вообще здесь передвигаются и не сходят при этом с ума. Через некоторое время она увидела белоснежную статую Будды на вершине горы.

— Нам туда?

— Туда, — отозвался Джек.

Машина начала подниматься в гору. Дорога стала еще уже и круче, и Сара мысленно благодарила небеса за то, что комплекс был уже закрыт и кроме них, на гору никто не поднимался и не спускался. Добираться туда на лимузине уже было чистой воды безумием. А если еще представить что на узенькой дорожке им пришлось бы разъезжаться со встречным экскурсионным автобусом...

Взобравшись на вершину, они оказались на плохо освещенной парковке. Повсюду оглушительно квакали лягушки. Они прошли к едва подсвеченной сувенирной лавке, и Джек заговорил с продавцами. Он попросил их продать таблички по цене втрое выше обычной, но за это позволить им с Сарой подняться к Будде. Лестница к статуе начиналась ровно посередине магазинчика. Продавцы моментально согласились. Они выбрали таблички и взяли в руки фломастеры.

— Ты уже знаешь, что пожелать? — с усмешкой поинтересовался Джек.

— Если честно, нет. А ты?

— Я совершенно точно знаю.

И с этими словами он написал что-то на своей белоснежной табличке, отвернувшись, чтобы Саре не было видно. Но той было уже не до него — она что-то старательно выводила на своём кусочке мрамора.

— Что загадала?

— Не скажу! Не сбудется! Хотя оно по-любому не сбудется, но я все равно не скажу, — Сара рассмеялась и перевернула табличку надписью вниз. И, чтобы сменить тему, продолжила:

— Слушай, ну это же невероятно! Как можно на одних только жертвоприношениях создать такого гиганта? Восемнадцать лет — вовсе не срок для такого проекта.

— Единственный бог — Желание, помнишь? — улыбнулся Джек.

Сара только вздохнула в ответ. Они поднялись по лестнице и оказались у подножия Большого Будды.

— Подойди к любой колонне и коснись ее лбом, — сказал Джек. Сара повиновалась. Она прислонилась к прохладному еще не облицованному камню и... ничего не произошло. Джек сделал знак рукой, чтобы она не шевелилась. Потом подошел к другой колонне и так же прислонился к ней лбом. Сара увидела, как от основания колонны Джека вверх медленно распространяется поток оранжевого света. Он поднимался все выше, пока Сара не потеряла его из виду. Вероятно, он должен был достичь головы Будды. Через несколько минут она увидела, что свет спускается вниз уже по ее колонне, и он вот-вот достигнет уровня ее лба. После этого она услышала громкий щелчок в голове. Потом произошло нечто подобное взрыву, все вокруг закружилось, и она упала.

Очнувшись, она обнаружила себя в лимузине. Джек внимательно смотрел на нее с соседнего кресла.

— Что, черт возьми, это было? — проговорила она. Голова снова раскалывалась.

— С какой новости начнем — с хорошей или с плохой?

— У меня был инсульт, и я все-таки умерла? По ощущениям случилось именно это. А еще я думаю, что ты дьявол, и я попала в ад.

— Если бы, — расхохотался Джек. — Но нет. Плохая новость заключается в том, что я больше не смогу издеваться над твоей ограниченностью, — Джек улыбнулся.

— Хм... ну, мне эта новость не кажется такой уж плохой. А хорошая?

— Хорошая заключается в том, что теперь твой мозг до отказа заполнен огромным количеством информационного хлама, который иногда будет тебе нужен, — сообщил вишер с нотками торжества в голосе.

— Ох... Что-то мне подсказывает, что есть еще плохие новости, кроме этой, — Сара с подозрением взглянула на Джека.

— Ты права, — преувеличенно бодро заявил Джек. — Теперь тебе придется срочно учиться управлять всей этой информацией. Иначе она сведет тебя с ума.

— Вот здорово! Я-то думала — чего же мне для полного счастья не хватало? А теперь я знаю всё, — Сара злилась на Джека все больше и больше. Но тот оставался невозмутимым.

— Да, ты владеешь абсолютным знанием. Проверим? Дата рождения Юлия Цезаря?

— Июль сотого года до нашей эры, а умер он 15 марта 44 года до рождения Христа. Эй-эй, откуда все это в моей голове?! Сейчас я в красках вижу картину его убийства, — Сара казалось, что её черепная коробка вот-вот разорвётся.

— Химическая формула тетрабората натрия, — не унимался Джек.

— $\text{Na}_2\text{B}_4\text{O}_7$, — не задумываясь, выпалила Сара. — Тетраборат натрия, он же боракс, он же бура, неорганическое соединение, натриевая соль борной кислоты. Черт тебя дери, Джек, ты закачал мне в голову Википедию? — Сара с трудом прервала поток лившихся из нее знаний.

— Википедия нервно курит в углу по сравнению с тем, что есть в твоей голове. Не забывай, что ты знаешь все языки мира, живые и мертвые. У тебя есть «доступ» к любым историческим документам, в том числе к уничтоженным, — глаза Джека горели.

— То есть я могу узнать, кто убил Джона Кеннеди? — Сара воодушевилась.

— Ну да. И продать эту информацию желтой прессе, — расхохотался Джек. — И все же если ты не хочешь найти приключения на свою задницу, используй знания только по назначению и по необходимости, — сказал он уже строго.

— А по назначению — это как? — она выглядела словно растрёпанный воробей, чудом уцелевший в неравном бою с вороной.

— По назначению — это значит для работы с клиентами. Например, в спорах, чтобы никто не сомневался, что твоя точка зрения — единственная верная. Они должны преклоняться перед твоим интеллектом.

— А что значит привыкнуть к этому знанию?

— Ну, скажем так, научиться управлять этой силой. Потому что в данный момент твоя голова скорее напоминает свалку макулатуры, нежели хорошо организованный архив или библиотеку, — с искренним сочувствием ответил Джек.

— Есть такое, — согласилась Сара.

— Именно поэтому мы едем в нашу следующую точку, где получим необходимую для упорядочивания информации энергию.

— И где же это место?

— Не поверишь, в Испании. Опять эта Испания!

— Я надеюсь, туда мы не поедem на машине, — попыталась подколоть его Сара.

— Нет, — ее шутка оставила Джека равнодушным. — Наш тайский друг любезно предоставил свой личный самолет, чтобы нам не пришлось делать сто пересадок.

— Ого! А он большой? — в глазах Сары загорелся детский восторг.

— Обычный, — отмахнулся вишер.

Уже через час внушительных размеров лайнер вырулил на взлетно-посадочную полосу и оторвался от земли. Сара смотрела в иллюминатор. Она бы с удовольствием вернулась в Таиланд. Напоследок она хотела спокойно полюбоваться бирюзовой водой с

высоты птичьего полета, ни о чем не думая. Но не тут-то было. Ее голова мгновенно заполнилась невесть откуда взявшейся информацией об истории и государственном устройстве королевства Таиланд.

— Черт, Джек, это похоже на понос! — рассерженно воскликнула она. — От него нет никакой таблетки?

— Есть, — усмехнулся вишер, — называется «терпение».

С этими словами он залпом выпил принесенный стюардессой виски и закрыл глаза.

Сара осталась наедине со своими мыслями. Они бурлили и пенились, как бешеный поток Ниагары. Каждое всплывшее в памяти или услышанное слово вызывало у нее массу ассоциаций — и так до бесконечности. Отключить эту опцию не было никакой возможности. Джек говорил о терпении. Ну да, конечно. Какое уж тут терпение — не поехала бы крыша!

Сара попросила стюардессу принести бутылку шампанского — и тут же пожалела об этом. В голове словно возникла бегущая строка, где сообщалось, что шампанским может называться только игристое вино, произведенное во французской зоне Реймса... самым дорогим шампанским в мире является Dom Pérignon Rose Gold 1995 года...

Принесенное стюардессой было куда проще — Krug. «Для его производства...», — мозг уже был готов выдать новый поток инфомусора.

— Хватит! — прорычала Сара самой себе и один за другим осушила три бокала. Похоже, это помогало

не хуже, чем таблетка под названием «терпение». Мысли замедлились и успокоились.

— То есть теперь я все время должна ходить подшофе? — спросила Сара, и в ответ услышала хохот Джека.

— Именно. Вот поэтому все вишеры — алкоголики.

Сара улыбнулась и налила себе еще бокал. Чуть позже стюардесса принесла роскошный ужин: черная икра, лобстер в соусе из сливочного масла и трав, фрукты на десерт. После печального опыта в тайском ресторане Сара с опаской и подозрением посмотрела на Джека.

— Это не «тай-тай»? — на всякий случай спросила она стюардессу.

— Нет, — удивленно отозвалась она. — Но если хотите, я принесу очень острый соус. Наш господин не любит острое, но всегда держит такое для гостей.

— Нет-нет, большое спасибо! — отозвалась Сара, злобно глядя на Джека, согнувшегося пополам от смеха.

— Ты, кажется, что-то там говорил про то, что один вишер может нанести увечья другому? — ровным голосом спросила она. В ответ Джек разразился новым приступом смеха.

После ужина сиденья были разложены и застелены постельным бельем. Сара приняла душ и переоделась в халатик.

— Сегодня, я смотрю, без полотенца? — пошутил Джек.

— Иди к черту, старый извращенец, — отозвалась Сара.

— Ну, не такой уж я и старый, особенно если сравнивать с Лайлой!

— Лайла! Слушай, а ведь я ей так и не позвонила! — сокрушенно сказала Сара. — Мне хочется поговорить с ней.

— Через пару дней у тебя будет такая возможность, потерпи.

Сара согрелась под одеялом. Она потянулась было за смартфоном, чтобы узнать сколько им еще лететь до Кордовы, но тут вспомнила, что интернет ей теперь без надобности. В голове мгновенно всплыла нужная информация: лететь еще целую ночь.

Джек протянул ей таблетку, и она постаралась прогнать мысли о том, что бывает при смешивании транквилизаторов с алкоголем. Через пять минут Сара уже крепко спала.

Джек сидел напротив и размышлял, случайно ли напавший вишер наткнулся на него в Бангкоке, или же он преследовал его умышленно?

«Как-то раз мы прилетели в Бангкок из Денпасара, и в аэропорту я увидела тебя. Я понимала, что будет странным просто подойти и вывалить на тебя всю информацию, поэтому решила действовать последовательно. Я попросила Давида проследить за тобой. Целый день он ездил за вами на своем мотоцикле, стараясь не попадаться тебе на глаза. Наконец, улучив минутку, когда твоя спутница осталась одна, он совершил на нее „нападение“. Разумеется, ни о каких серьезных травмах речи идти не могло. Затем он проследил за

тем, в какую больницу ее доставят и сообщил об этом мне. Я должна была появиться там, пока твоя спутница находилась без сознания. Я хотела поговорить с тобой. Но ты занервничал. Видимо, ты заметил слежку или выбежал в момент нападения из отеля, испугавшись, что кто-то хочет отомстить тебе за мою „смерть“. Ты же не знал, что я жива и что я стала вишером. Поэтому, как только девушка очнулась, вы тут же бежали. Но на этот раз благодаря приложению мы смогли взять вас под контроль и отслеживать все ваши передвижения.

Я не знала, кто твоя спутница. Но, судя по всему, она была твоей ученицей. Это означало, что рассказывать что-либо в ее присутствии было бы опасно. Уже не раз после встречи с кем-нибудь из вишеров, мы моментально сталкивались с Лайлой. Вероятно, многие из вишеров шпионят для нее. Почему она была такой важной шишкой, я затруднялась сказать. Ведь кроме того, что она была старейшим вишером, ничем таким особенным она от нас не отличалась. Я не видела у нее каких-то выдающихся способностей. Но я стала осторожнее относиться к общению с себе подобными.

Похоже, у Лайлы был контакт с непосредственным начальством, в отличие от всех нас. Более того, у меня сложилось стойкое ощущение, что она единственная, кто достоверно знает, на кого мы работаем. До некоторых пор меня это не особо волновало. Но с того момента как Ник стал частью нашего сообщества, я все чаще задавалась вопросом — кто мы и во что втянули нашего мальчика? Тем не менее, как ты знаешь, обратной дороги уже не было. А потому я продолжала писать письма и ждать дня, когда смогу тебе всё это рассказать».

Глава 9

Проснувшись утром, Сара увидела, что Джек что-то сосредоточенно читает в телефоне.

— Так зачем мы летим в Кордову? Я помню, ты говорил, что нам нужно еще к мусульманам заглянуть для инициации. Давно ли в Испании появились великие исламские реликвии? — спросила Сара и тут же осеклась, потому что с недавних пор знала ответы на все вопросы.

Ей пришла информация, что в Кордове находится некогда самая большая в мире мечеть. Однако сегодня она не вошла бы даже в первую двадчатку. Строительство мечети началось еще в VIII веке на руинах храма святого Винсента и продолжалось на протяжении нескольких столетий. Ее главная особенность заключается в том, что она ориентирована не на Мекку, как все другие мечети. Кто-то объясняет это спецификой ландшафта, кто-то говорит, что она развернута к Дамаску. В мечети тысяча триста колонн, выполненных из мрамора и других благородных камней. Интересен и тот факт, что в XIII веке во время Реконкисты мечеть перестроили под католический храм, однако он никогда не принадлежал церкви. В определенный исторический

момент правитель Испании Франко даже хотел вернуть мечеть мусульманам за их помощь в гражданской войне.

Но почему они едут именно туда? Ведь в мире существуют гораздо более величественные и значимые мечети!

Джек словно услышал ее мысли:

— По ряду причин. Во-первых, в большинство мечетей мы не сможем зайти и остаться незамеченными. Слишком уж немусульманская у тебя внешность. Во-вторых, у тебя сейчас месячные — извини, но я слежу за твоими покупками. И это еще одна причина, по которой тебе нельзя входить в действующую мечеть. Понятно, что этого никто не проверяет, всё это — дело совести и уважения традиций. В-третьих, далеко не в каждую мечеть пускают женщин. Да и время сейчас такое, что во многих больших мечетях из-за террористической угрозы сейчас находиться небезопасно, — Джек взглянул на Сару и добавил:

— Есть еще несколько причин, не столь явных.

— Каких же?

— Первая — это звездочка, исполняющая желания. Она находится у стены, обращенной на улицу Торрихас. На самом деле, это ископаемая ракушка, которая случайно попала туда при строительстве, но люди верят, что она творит чудеса и загадывают желания. Желания — это энергия. Но самое интересное не это.

Сгорая от нетерпения, Сара подалась вперед, чтобы ничего не пропустить.

— Ты когда-нибудь слышала про то, как запечатываются дьявольские врата?

— Да, конечно. Издревле храмы строились не только на святых, но и на проклятых местах, чтобы нейтрализовать негативную энергию.

— Совершенно верно. Так произошло, например, с храмом в испанском Сан-Лоренсо-дель-Эскориал. И, поговаривают, что в Кордове случилось то же самое. Вплоть до VIII века на этом месте стоял римский храм, построенный именно для этих целей. Более того, одна из колон, говорят, закрыта ширмой — многие молящиеся замечали, что, если поскрести её монеткой, вокруг разносится запах серы. Именно из-за этого кордовскую Мескиту принято считать еще одним порталом в ад. Естественно, у ученых на всё есть свои объяснения. Но, как ты понимаешь, вишеров они не устраивают. Но и это еще не все. Согласно легенде, в одной из колонн Мескиты спрятан Алеф.

— Алеф? Это же книга Козльо, разве нет?

— Вот только не это, я тебя умоляю!

— Первая буква еврейского алфавита? — продолжала строить догадки Сара. — Книга рассказов Борхеса?

— У Алефа имеется огромное количество значений. Тот же Борхес описывает Алеф как точку в пространстве, содержащую все остальные пространства одновременно. Но в данном случае речь идет об энергии всей Вселенной, заключенной в одной из колонн храма.

— Что-что? — Сара не совсем понимала о чем речь.

— Именно то, что ты слышала. Для кого-то Алеф знаменует конец света, для кого-то глобальные перемены, а кто-то считает его чуть ли не ипостасью Мессии. Но, как ты понимаешь, для нас, вишеров, имеет значение только одно — небывалая по своей мощи энергия. Именно поэтому мы летим в Кордову.

Через час они приземлились в небольшом аэропорту городка. Сара, ожидавшая долгожданную прохладу, была неприятно разочарована. На улице было жарко и душно. Они доехали до центра на такси, а потом Джек предложил немного прогуляться.

— Мы когда-нибудь остановимся и пробудем в одной точке мира хотя бы месяц? — устало спросила Сара.

— Целый месяц? Не думаю! Но недельку после Кордовы я тебе обещаю.

Сара вздохнула и нехотя пошла за Джеком. Макс, казалось, тоже не выказывал особого желания гулять. Он периодически останавливался и со вселенской грустью смотрел на хозяйку. «Вот где скрыт Алеф! — усмехнулась про себя Сара. — Вся лень Вселенной в одном этом маленьком создании».

Джек завел ее в типичное андалузское патио:

— Единственный пятизвездочный отель в центре Кордовы, — отрекомендовал он. — Не так чтобы шикарно, но вполне себе. И с Максом снова никаких проблем.

Номер и впрямь был самым обычным, несмотря на то, что сдавался по цене сыута. Джек объяснил, что они должны появиться в Меските в пять часов вечера, за полтора часа до закрытия. Время на отдых еще

оставалось, но спать Саре не хотелось. Она вспомнила, что у нее теперь есть телефон Лайлы и набрала номер.

— Лайла, привет! Это Сара!

— Я знаю, знаю, что это ты! — перебила ее Лайла. Она явно была рада звонку. — Как вы? Вернулись из Таиланда? Слышала, у вас там были проблемы.

— Да, мы только прилетели. А ты откуда знаешь? — озадаченно протянула Сара.

— Наш мир не такой уж безопасный, чтобы упускать из виду дорогих нам людей.

— Ты знаешь что-нибудь о том вишере, который напал на меня?

— Да, но, думаю, тебе пока лучше не задавать вопросов. Просто доверься мне.

Лайла стала расспрашивать Сару о тайских впечатлениях. Они поболтали минут тридцать как старые подруги. Саре льстило внимание и участие Лайлы. Ей очень хотелось поделиться с кем-то, кто ее поймет и кому не нужно объяснять все происходящее. У нее и раньше почти не было друзей, а сейчас возможность занять новых казалась и вовсе нереальной. Сара все изливала душу, а Лайла внимательно слушала и поддакивала.

— А что ты знаешь о Фернанде, бывшей жене Джека? — вдруг спросила Сара.

— Не намного больше, чем ты. Он всегда был скрытным, но после ее смерти вся его жизнь разделилась на «до» и «после». И Джек окончательно ушел в себя, — печально проговорила Лайла.

— А вы как с Джеком познакомились? — не унималась Сара.

— О, это долгая история. И не телефонный разговор.

— А мы можем как-нибудь встретиться?

— Да, но только тогда, когда я тебе понадобится по-настоящему, — ответила Лайла.

— А как я это пойму? Как узнаю?

— О, об этом узнаю я, а не ты, — улыбнулась в трубку Лайла. — Что ж, я рада была тебя услышать. А теперь иди и наслаждайся последними теплыми деньками.

Они распрощались. После разговора Сара почувствовала себя гораздо лучше. Она почувствовала облегчение от мысли, что она не одна. Что у нее есть Лайла и... Джек. При всей его нелюдимости и закрытости все же было в нем что-то, очаровывающее ее. И даже гипнотизирующее.

Пообедать она решила в маленьком ресторанчике, выбранном интуитивно. И действительно — все оказалось на уровне. Но самое главное, Сара насладилась одиночеством. Ей давно хотелось побыть одной.

В пять она вернулась в отель. Джек уже ждал ее в холле. По узким улочкам они проследовали до Мескиты. Размеры поражали. Саре было трудно представить, что эта мечеть — далеко не самая большая. Они прошли через ворота и оказались в просторном патио, усаженном апельсиновыми деревьями. Купив входные билеты, они зашли внутрь. Мечеть была освещена закатными лучами. Тёплый свет в багровых тонах создавал ощущение нереальности происходящего.

Это было настоящим чудом архитектуры. Джеку хотелось, чтобы Сара увидела внутреннее убранство своими глазами. Здесь непостижимым образом переплелись ислам и христианство, и это было настолько гармонично, настолько прекрасно и взаимодополняюще, что Джек в который раз задался вопросом: почему планету раздирают жестокие религиозные конфликты? Почему люди никак не поймут, что все их верования, все их религии есть суть одно?

Он посмотрел на свою спутницу, чтобы убедиться, что ей не нужен гид. И действительно, Сара знала о Меските всё, едва переступив порог. Джек не торопил её, он видел, насколько она захвачена образами и картинами из прошлого. Наконец, она тряхнула головой, словно отгоняя какое-то видение, и спросила:

— Нам надо поторопиться, да?

Они не стали искать колонну с заключенным в ней Алефом среди сотен других — времени у них было немного. Вместо этого направились к сорокаметровой башне. Во времена арабского завоевания эта башня была минаретом. Теперь на ее вершине находился большой колокол. Они вошли в полумрак и стали подниматься по узкой крутой лестнице. Вокруг не было ни души.

Джек подвел Сару к одному из окон. Солнце уже садилось, заливая всё вокруг мягким золотым светом. Один из прощальных лучей, словно отражённый огромным невидимым зеркалом, коснулся лица Сары.

Она закрыла глаза, подставила лицо солнцу и замерла, наслаждаясь покоем и тишиной.

Джек смотрел на неё как зачарованный. В закатных лучах ее лицо было еще прекраснее. Он сам не понял, как его рука осторожно коснулась лица Сары. Но девушка даже не пошевелилась. Она была полностью погружена в себя. У нее было такое ощущение, словно в голове, наконец, отключили громко играющее радио. Джек отступил, но вдруг почувствовал, что никогда и ни за что не сможет простить себе, если не...

Он порывисто шагнул к Саре и коснулся губами ее губ. Замер на мгновение, словно не веря, что это происходит сейчас с ним. А потом почувствовал, как Сара, поймав его теплое дыхание, ответила на поцелуй. Спустя мгновение в ее голове словно взорвались тысячи солнц, и она потеряла сознание.

Очнулась она уже в номере отеля. Джек сидел у окна. Она тихо спросила:

— Что это было?

— Ну, скажем так: передозировка энергии. Тебе еще многому нужно научиться. Энергетический поток, помноженный на эмоции — опасная вещь.

С этими словами Джек порывисто развернулся к ней:

— Прости, я не должен был этого делать. Я не рассчитал... не ожидал... Этого больше не повторится.

На лице Сары отразилось разочарование:

— Вообще-то я не против, чтобы это повторилось, — тихо отозвалась она, — если, конечно,

моя голова не будет взрываться всякий раз, когда я с тобой целуюсь.

Джек как-то странно посмотрел на нее и снова отвернулся к окну.

— Послушай, ты же знаешь, что нам не стоит этого делать. Скоро я перестану быть вишером. Это значит, что я умру через тридцать лет максимум, учитывая мой слишком свободный образ жизни, который я привык вести. Алкоголь, травка, кокаин... Все это никак не вяжется с долголетием. К тому же я старый циник — холодный и бессердечный.

В это мгновение он почувствовал на своих плечах руки Сары. Голос его дрогнул, но он продолжал:

— А еще я педант. Зануда. Перфекционист.

Сара вновь прервала его — на этот раз поцелуем, очень нежным и неторопливым. Джек ответил на него помимо воли. Осознав это, он вскочил и, что-то пробормотав, пулей вылетел из ее номера. Макс с любопытством уставился на хозяйку, недоумевая, чем же она так напугала Джека.

А Сара подошла к зеркалу. Ее отражение сияло. На лице играла счастливая улыбка, но в глубине глаз таился страх. Зачем она это сделала? Зачем снова спугнула Джека? Ведь он не выносит никакого, даже самого незначительного вторжения в свое личное пространство.

Стоп, сказала она себе. Он первый сделал шаг навстречу. Пусть этот порыв был мимолетным. Пусть этот поцелуй был всего лишь зовом плоти, хотя ей так не показалось. И если за ним последует ночь любви, пусть даже одна-единственная, она хочет разделить ее

с Джеком. С тем, кто вылепил, кто создал её. С тем, кто знает пределы и цену невозможному, потому что сам добровольно отказался от вечности.

Она испытывала к Джеку что-то странное. Этому не было точного определения, потому что раньше ничего подобного с ней не случалось. Но ей нравилось это новое состояние, хотя она и понимала, что ничего хорошего из этого не получится. Сара чувствовала себя как ребенок, тайком доставший из шкафа шоколадку, предвкушающий удовольствие и в тоже время отчетливо понимающий, что за проступком последует наказание. Но желание отломить кусочек все равно возьмет верх над страхом. Вопрос в другом – захочет ли Джек быть шоколадкой?

На экране телефона появилось сообщение от Джека: «Завтра на вокзале Кордовы в 15:00». Все, больше ни слова, ни знака, ни смайлика. Сара выключила мобильник, не ответив ему. Она почувствовала себя очень уставшей. Чтобы получить информацию обо всех поездах, отбывающих с вокзала Кордовы в 15:00, пришлось сосредоточиться. Самым вероятным маршрутом оказалась Барселона. Но ей больше не хотелось думать об этом. Сейчас лучше всего сделать другое – заглянуть в мини-бар и поскорее уснуть.

Она ожидала, что Джек напишет или появится утром, но тот не подавал признаков жизни. В компании Макса Сара отправилась бродить по городу, который оказался не таким уж и большим. Она позавтракала в баре тортильей, выпила крепкий кофе. Потом ноги сами привели ее в Мескиту. У башни с

колоколом она остановилась, но подниматься наверх не стала. Ей хотелось сохранить в памяти вчерашний волшебный миг. Около часа она вернулась в отель и собрала вещи. Это не заняло много времени — Сара уже давно путешествовала практически налегке. Оставалось заманить в переноску Макса. Это всегда было непросто. Пришлось спускаться в буфет за лакомствами, чтобы как-то договориться с собакой.

Когда в холле отеля она вызывала такси, то поймала на себе удивленный взгляд портье.

— Сеньора, прошу меня простить. У вас такое великолепное произношение, но, кажется, вы не испанка? — обратился он к ней.

Сара вежливо улыбнулась и объяснила, что училась на лингвиста, а потом долго жила в Испании. В этот момент подъехало такси, и она быстро вышла из отеля. Разговаривать совершенно ни с кем не хотелось. Ее внезапно накрыло чувство полнейшего одиночества — ни дома, ни друзей, ни врагов. И впереди — бесконечность. И как только Лайле удастся не сойти с ума в этой безграничной пустоте?

Пока ее одолевали мрачные мысли, такси бодро катило по солнечному городу. На вокзале она отыскала Джека в баре. Тот попивал кофе с самым невозмутимым видом.

— Как дела? — приветливо спросил он, всем своим видом показывая, что вчера ничего страшного не случилось.

— Отлично, — мрачно отозвалась Сара, успев подумать, что с каждым днем она все больше становится похожей на Джека.

— Знаешь, куда едем?

— Знаю. В Барселону.

— Да! Молодец. Согласись, что гораздо проще работать с информацией, когда ты уже умеешь контролировать и упорядочивать ее.

Немного подумав, он добавил:

— Особенно это должно быть чудесным для женщин.

— Узнаю милого и любезного Джека, — скривив губы, отозвалась Сара. — Узнаю моего славного и благородного рыцаря, чье сердце исполнено учтивости и преклонения перед Прекрасной Дамой. И кто бы говорил! Можно подумать, что уж ты-то точно всегда все контролируешь.

Всё это она проговорила без тени улыбки, затем повернулась и направилась к стойке бара за чашкой кофе, оставив Джека с раскрытым от удивления ртом. Однако всю дорогу до Барселоны он продолжал делать вид, будто ничего не случилось. Впрочем, это было нетрудно — не сговариваясь, они уселись в разных концах вагона. Краем глаза Сара видела, что Джек не выпускает из рук телефон. Что он там делает? Уж не клиентов ли отслеживает? Потом ей в голову пришла другая мысль, и она едва не расхохоталась в голос. Если предположить, что у Джека есть аккаунты в соцсетях, как бы они выглядели? Год рождения — 1700-не-помню-какой, должность — вишер, все друзья — давным-давно покойники, а в статусе значится «Бойтесь своих желаний!»

Сара вздохнула и стала рассматривать пейзаж за окном, довольно-таки унылый, надо отметить. Ей гораздо больше нравился север Испании, такой зеленый и живой. К Барселоне поезд подъехал уже в сумерках. Они вышли в вестибюль вокзала Сантс и направились к стоянке такси.

Машина довезла их до высокой стеклянной башни, на вершине которой красовалась буква W.

— Это наш отель, — пояснил Джек.

— Совершенно излишние пояснения, — бросила в ответ Сара.

Большим сюрпризом для обоих стало то, что свободным оказался только один съют, хотя Джек бронировал два.

— То есть как это? — бушевала Сара у стойки регистрации. — Вы в своем уме вообще? Кому вы сдали наш второй съют? И что нам теперь делать? И наверняка наши апартаменты двухспальной кроватью?

— Сеньора, мы приносим извинения. Если желаете, отель предоставит вам номера другой ценовой категории. Там тоже вполне комфортно, — метрдотель очень старался разрешить конфликт.

— Да! — обрадовалась Сара.

Но у Джека было другое мнение:

— Нет, пожалуйста, не надо. Мы берем съют. Послушай, Сара, там очень красивый вид. Я хочу, чтобы ты им насладилась. Ни о чем не беспокойся — я совершенно спокойно переночую на диване. В конце концов, это всего лишь одна ночь.

Сара была абсолютно сбита с толку. Она даже не нашла, что возразить, хотя буквально пять минут

назад рвала и метала. Когда они вошли в номер, она едва не потеряла дар речи – вид действительно был прекрасен, хотя за окном уже темнело.

– Что мы будем делать сегодня? И куда поедем завтра? – спросила Сара.

– Погуляем с Максом, а потом поужинаем в одном чудесном рыбном ресторане. Единственный минус – огромное число китайских туристов. С другой стороны, где их сейчас нет?...

Поздно вечером они вернулись в гостиницу. Горничная уже подготовила диван для Джека. Он отправился в душ и вышел, укутанный в теплый халат.

– Завтра мы едем в Монтсеррат. Там тебе предстоит принять последнюю инициацию, а мне – выполнить свою последнюю миссию. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – отозвалась Сара.

Устроившись поудобней в огромной кровати, она закрыла глаза и послала мысленный запрос: «Монтсеррат». Информация, как обычно, появилась из ниоткуда.

Монастырь был основан в 1025 году. Он расположен в Пиренеях на высоте семисот метров над уровнем моря в пятидесяти километрах от Барселоны. Как и с любым другим святым местом, с монастырем связано множество легенд. Одна из них рассказывает о том, как он появился. В 880 году пастухи увидели столп света, исходящий с неба, и услышали прекрасную музыку. Так повторялось каждую субботу на протяжении четырех недель. Это удивительное

известие дошло до церкви. Желая разобраться в происходящем, священники предложили снарядить экспедицию. Они обнаружили тайную пещеру, где находилась фигура Богоматери со Святым Младенцем на руках. По преданию, в пещере ее спрятали христиане, бежавшие от арабов. Говорят даже, что это дело рук самого Святого Луки.

Корона и одежда Девы и Младенца — золотого цвета, а лицо и руки — черного. Предполагается, что изначально цвет не был таким темным, но по причине того, что старые краски содержали много свинца, с возрастом статуя потемнела. Скульптуру хотели перевезти, но она оказалась непомерно тяжелой, хотя размеры имела относительно небольшие. Церковь усмотрела в этом знамение. Святые отцы объявили, что Мадонна желает остаться там, где была найдена. Тогда на этом месте возвели монастырь и храм. Еще одно сокровище Монтсеррат — бесценная библиотека старинных фолиантов, насчитывающая более двухсот пятидесяти тысяч томов.

Гора у монастыря поражает своим странным, абсолютно неземным видом. Ее вершину украшают скульптуры из камня, созданные самой природой. Впрочем, верующие люди говорят, что раньше здесь жили ангелы. Это они развлекались тем, что вырезали статуи в скалах. У атеистов, разумеется, совершенно другая теория — естественнонаучная. Геологи предполагают, что более пятидесяти миллионов лет назад на месте причудливой горы протекала река. Она и является «автором» многочисленных скульптур. Есть еще и эзотерики, которые утверждают, что гора полая

и что внутри нее циркулируют теллурические токи, создающие потрясающую энергетику этого места.

Здесь происходят настоящие чудеса – и не только те, которые признает церковь. Люди часто становятся свидетелями появлений НЛО в этой зоне, и 11-го числа каждого месяца на горе собираются уфологи.

...Саре было очень интересно, хотя она уже немного подустала. Однако информация продолжала поступать. И это был уже чистый Дэн Браун.

В 1935 году нацисты создали организацию «Аненербе» – немецкое общество по изучению древних сил и мистики. Гитлер был одержим оккультизмом, как и вся верхушка Рейха. Возглавил «Аненербе» рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Одним из направлений деятельности этого общества стали поиски христианских артефактов и святынь, которые позволили бы сделать нацистский режим нерушимым, а Гитлера – всесильным.

За несколько лет до того археолог Отто Ран, впоследствии ставший голливудским прототипом Индианы Джонса, безуспешно искал Святой Грааль на юге Франции. По преданию, Святой Грааль – чаша, из которой Иисус пил во время Тайной вечери и в которую после казни была собрана его кровь. Считалось, что Иосиф Арамейский увез чашу в Европу, а затем катары переправили ее в Лангедок. Поэтому поиски велись именно там.

В 1933 году Ран написал и издал книгу «Крестовый поход против Грааля». Спустя некоторое время он получил телеграмму от неизвестного

отправителя, в которой ему предлагали 1000 рейхсмарок в месяц — огромные по тем временам деньги — за написание второй части книги. Для переговоров его пригласили в Германию. Его встретил рейхсфюрер СС лично, и Ран понял, что Гиммлер одержим поисками Грааля не меньше, чем он сам. В своем замке Вевельсбург Гиммлер даже подготовил место для хранения бесценного артефакта.

Итог этой «дружбы» был печален. Ран так и не сумел найти Грааль и оказался в опале. В 1938 году, разочаровавшись в политике национал-социалистической партии, он подал прошение об отставке из рядов СС. Его смерть до сих пор вызывает вопросы: по одной из версий, он совершил ритуальное самоубийство в традициях катаров.

И тогда Гиммлер решил заняться поисками самостоятельно. В октябре 1940 года он прибыл в Монтсеррат и потребовал провести его в старинную библиотеку. Монахи не осмелились возразить ему. Рейхсфюрер провёл в архивах столько времени, сколько ему было необходимо. Когда он, наконец, отбыл, святые отцы обратились к диктатору Франко с просьбой впредь не допускать подобных вторжений. Франко пообещал, что такого больше не произойдет, и слово своё сдержал. Что искал Гиммлер в старинных текстах и нашел ли он что-нибудь? История об этом умалчивает. Судя по тому, что спустя четыре года произошел крах нацистской Германии, отыскать святыню ему не удалось.

Теперь Саре было понятно, почему Джек выбрал именно это место для последней инициации. На нее навалилась ужасная усталость, она взяла Макса к себе в кровать и уснула с ним в обнимку.

«Мы старались не терять вас из виду, поочередно сопровождая. Порой мы следили за вами втроем. Нику тяжело было осознать все произошедшее, потому что он свято верил, что Давид и есть его родной отец – единственный, которого он знал. Я постаралась объяснить ему, что если настоящий отец узнает о его существовании, для него ничего принципиально не изменится. Хуже не будет точно. К тому же меня беспокоила реакция Лайлы тогда, во Вьетнаме. С момента последнего разговора она словно под землю провалилась. Я боялась, что она задумала что-то недоброе. И даже опасалась за нашу с Давидом жизнь. Я очень уставала от постоянного внутреннего напряжения. Давид тоже стал каким-то закрытым и более отстраненным со мной. И я не понимала, почему. Это был очень сложный период. Мне казалось, что я второй раз теряю любовь всей своей жизни».

Глава 10

Завтрак был поздним. Потом они прогулялись по городу. Джеку Барселона очень нравилась, он с улыбкой смотрел на хорошо знакомые ему узкие улочки.

— Слушай, а почему случился весь сыр-бор с Каталонией? — вдруг спросила Сара, увидев каталонские флаги. — Нет, я знаю все официальные версии, но мне интересно, какую из них считаешь верной ты?

— Весь этот, как ты говоришь, сыр-бор случился ровно по той причине, по которой случаются все революции. Кому-то интересно разрушить Евросоюз, поэтому его расшатывают со всех сторон. У Кристофера Бакли есть чудесная книга на этот счет — «Флоренс Аравийская». Там говорится о том, что устои даже самого ортодоксального мусульманского общества можно пошатнуть при помощи продуманных мер: правильно засланных агентов и СМИ, которые вобьют нужные идеи в головы самых упертых и самых дремучих. Отсюда и беженцы, и огромная популярность ультраправых партий. За людей уже все продумано, — заключил Джек. — А давай прогуляемся по набережной?

— А разве нам не в Монтсеррат?

— Да, но мы, как обычно, отправимся туда вечером, перед самым закрытием. Ты ведь понимаешь, что лишние глаза и уши нам с тобой ни к чему.

Они вернулись по шумному бульвару Рамбла и оказались у набережной, конца которой не было видно. На одной из лавочек сидела молодая женщина и плакала. Джек молча кивнул Саре, она подошла и села рядом.

— Простите, что с вами случилось? — спросила она по-испански. Девушка подняла зареванное лицо и с непониманием уставилась на Сару.

— Do you speak English? — Сара догадалась, что она не местная. Девушка замотала головой.

— Français?

Незнакомка улыбнулась, закивала:

— Да, да!

— Что с вами случилось?

— Большое несчастье! У меня украли кошелек и все документы! — девушка снова заплакала.

— Всего-то! Не такая уж это и трагедия.

— Но как же? Теперь я не смогу вернуться домой!

— У вас нет родственников, которые могли бы перевести вам деньги? — спросила Сара.

— Нет, у меня никого нет.

— Дайте-ка мне руку, — попросила Сара, и растерянная девушка подчинилась.

Сара закрыла глаза и начала считать ее желания. Найти кошелек и документы, познакомиться с мужчиной своей мечты, найти работу в Париже и... переехать в Барселону.

— Как вас зовут?

— Жюльетт.

— Не плачьте, Жюльетт. Теперь в вашей жизни все изменится. Но... бойтесь своих желаний, — предупредила Сара и поднялась с лавочки.

— Но кто вы? И что все это значит? — девушка недоуменно уставилась на нее.

— Скоро вы сами все узнаете, — Сара улыбнулась и пошла в сторону стоящего поодаль Джека.

— Чего же она хотела на самом деле? — спросил вишер.

— Переезда в Барселону, — отозвалась Сара. — Как жаль, что люди не понимают, что все происходящее с ними, даже самое плохое, ведет к исполнению их же собственных желаний. И все, что требуется, — это вложить всю энергию в исполнение мечты. Эта Жюльетт должна была воспринять кражу как знак свыше, ведь ей совершенно нечего терять в Париже. Она могла просто остаться здесь и начать новую жизнь. Но вместо того она предпочла получить справку об утере документов и найти способ наскрести на самый дешевый билет до Парижа.

— Да, согласен, это очень грустно, — с неожиданным участием отозвался Джек. — Ты будешь наблюдать, что с ней случится дальше?

— Нет, — отозвалась Сара, — иначе я не смогу работать вишером.

— Вот и правильно, — согласился Джек.

Они вернулись в отель, оставили Макса в номере и пошли обедать. После еды, как и полагается в Испании, настало время сиесты. В шесть вечера они арендовали машину и отправились за пределы Барселоны. Дорога заняла около часа. Последние полчаса пути заставили Сару поволноваться, потому что шоссе круто уходило в гору. Припарковавшись, они вышли на площадку. Джек глубоко, до самого предела вдохнул чистый горный воздух.

— Боги, как же я люблю это место! — воскликнул он. — Ты чувствуешь, какая здесь энергия?

Сара действительно ощущала мощные вибрации, которыми, казалось, был пронизано все вокруг. Они поднялись по мосту, с которого днем открывался очень красивый вид, но сейчас были видны лишь одинокие огни каких-то домов и спускающихся вниз машин. Поднявшись по лестнице и пройдя через площадь к храму, Джек показал Саре на широкую галерею справа:

— Тебе туда!

— Мне? А как же ты? — растерянно спросила ученица.

— Не волнуйся, последнюю инициацию лучше пройти одной. А я подожду тебя внутри часовни.

Сара прошла через стеклянную дверь по темной галерее. Вокруг никого не было, хотя днем, вероятно, тут выстраивалась огромная очередь. В конце галереи она поднялась по широкой лестнице, а затем по узеньким ступенькам до нефа, в котором находилась Черная Мадонна. Фигура была вырезана словно нарочито грубо. Интересно, какие способности она

обретет после прикосновения к шару, который держит Пресвятая в правой руке? Она оглянулась назад и увидела внизу Джека, сидящего позади высокого мужчины. Интересно, это клиент?

Сара сосредоточилась. Почему-то ей ужасно не хотелось завершать инициацию, что-то в ней отчаянно сопротивлялось. С другой стороны, она понимала, что дороги назад уже нет. Собственно, никогда и не было.

И Сара коснулась шара.

Внезапно все вокруг нее пришло в бешеное движение. Было такое ощущение, что она единственная во всей вселенной неподвижная точка. Голова закружилась, но Сара удержалась на ногах, ухватившись рукой за шар еще крепче. Все прекратилось также резко, как и началось. Было очень страшно открыть глаза, казалось, что мир все еще мчится по кругу. Разлепив, наконец, веки, она прислушалась к себе, чтобы понять, каким даром ее наградила Черная Мадонна. Но ответа не было.

Вздохнув, Сара стала спускаться, крепко держась за поручни. Путь её лежал через другую длинную галерею, в которой теплились огоньки зажженных паломниками свечей. Она вышла на улицу и глубоко вздохнула. В тот же самый миг рядом появился Джек. Он был явно чем-то взволнован — и это было еще мягко сказано.

— С тобой все в порядке? — обеспокоилась Сара. — С кем ты говорил? Это был клиент?

— Нет, — ответил он. — Мы сейчас же уезжаем.

Сара не стала больше задавать вопросов. На обратном пути она все же попыталась узнать, что же

произошло, но Джек угрюмо отмалчивался. Он включил радио и погнал автомобиль на бешеной скорости. Саре было неуютно. И хотя она понимала, что даже если они попадут в аварию, то не разобьются, инстинкт заставил её убедиться, что ремень безопасности надёжно пристегнут. За всю дорогу Джек так и не проронил ни слова. Сара с радостью оставила бы его в покое, но ей не терпелось узнать, какие способности она получила во время последней инициации. Именно об этом она и спросила вишера, когда они поднимались в номер.

— Прости, я совсем забыл. Теперь ты обладаешь абсолютно всеми правами вишера. Ты вправе вмешиваться в ход времени, вправе исполнять желания, в твоём мобильном откроются новые вкладки в приложении, и ты так же можешь навредить другому вишеру, как навредили тебе. Поэтому ты должна быть предельно осторожной.

— А как я отличу вишера от не-вишера? И вообще зачем мне кому-то вредить? У нас что, конкуренция?

— И это тоже, — ответил Джек. В номере он сразу же направился к мини-бару и залпом осушил несколько маленьких бутылочек.

— Джек... Я не хочу показаться навязчивой, но, может, пройдемся, пропустим по стаканчику? Я себя как-то странно чувствую.

Вместо ответа Джек кивнул. Через четверть часа они уже сидели в уютном маленьком баре.

— Послушай... Теперь, когда ты меня всему научил, что будет дальше? Ты просто исчезнешь, и я

никогда не смогу поговорить с тобой? Ты станешь смертным? – тихо спросила Сара.

Джек рассеянно глядел сквозь нее. Казалось, он где-то далеко. Секундой позже в упор посмотрел ей в глаза и так же тихо произнес:

– Я не смог.

– Что не смог? Подготовить меня?

– Нет, – ответил Джек и собирался продолжить, но тут зазвонил телефон Сары.

– Лайла? – удивилась она. – Привет! Я немного занята. Давай перезвоню? Что? Ты прилетаешь? Это прекрасная новость! На связи!

Она нажала отбой и обратилась к учителю:

– Так чего же ты не смог?...

– Неважно. А что сказала Лайла?

– Она на днях будет в Барселоне. Спрашивала, не хотим ли мы с ней встретиться.

– А, это, – рассеянно отозвался Джек.

Они вышли из бара, и вернулись в отель, купив по дороге бутылку виски в странном магазинчике, который держали пакистанцы. В номере Джек наполнил бокалы и устроился на своем диване, уставившись в огромное черное окно.

– Джек, так не может дальше продолжаться. Объясни мне, наконец, что происходит? – Сара уселась напротив него.

– Я не смог, Сара... Я так и не смог уйти.

– Куда уйти?

– Тот мужчина в храме должен был стать моим последним клиентом. Он рвался в президенты Испании. Я давно обнаружил его с помощью

поисковика. Эту вкладку ты еще не видела, она стала доступна для тебя только сегодня. Мы можем выбирать желания, которые нам ближе по духу. Кто-то из вишеров специализируется на несчастной любви, кто-то на здоровье, кто-то на деньгах. Все мы разные. Когда я сел позади него там, на скамейке и приготовился заговорить, я почувствовал, что не смогу уйти. Потому что если уйду — потеряю последнюю надежду на то, чтобы стать счастливым.

Сара нахмурилась, пытаясь понять, куда он клонит.

— То есть ты понял, что не хочешь умирать?

— Ах, если бы, — рассмеялся Джек, но тут же стал серьезным. — Я не хочу жить. Не хочу жить без того, что только что обрел.

— Ты говоришь загадками, Джек. Без способностей вишера? Но они у тебя были уже давно!

— Смотрите-ка, — взгляд Джека стал насмешливым. — Эту девушку наделили знаниями обо всем на свете. Но она так и осталась глупышкой.

— Опять начинаешь? — угрожающе спросил Сара.

— Нет, — Джек встал, подошел к окну, прислонился к прохладному стеклу лбом и замер.

— Слушай, я и сама знаю, что по сравнению с тобой я глупышка. Ты занимаешься этим много лет, а я только начинаю, на все бурно реагирую. Но, думаю, я справлюсь.

Джек обернулся, посмотрел на нее внимательно, порывисто шагнул навстречу и сжал в объятиях. Их

поцелуй был обжигающим. Сара почувствовала, что вновь выпадает из реальности, но сейчас ей было все равно. Лишь бы Джек не останавливался. Он сжал ее крепче. Пальцы осторожно ласкали ее шею, затем спустились по ложбинке между лопатками и ниже. Сара попыталась освободиться от одежды, но Джек остановил ее, подхватил на руки и отнес на кровать. Она смотрела на него широко открытыми глазами, боясь дышать, все еще не веря в происходящее.

Он не спеша стал раздеваться. Затем так же неторопливо раздел Сару. Плечи, грудь, живот, бедра... Его нежные касания сводили ее с ума. Он играл с ней, заставляя изнемогать от желания. Никогда прежде Сара не испытывала такой страсти, такого вожделения, такого бешеного влечения к мужчине. Джек дошел до голеней, спустился к ступням и перецеловал каждый пальчик на ее ногах, а затем его губы заскользили вверх по внутренней поверхности бедра. Сара почти обезумела от желания, когда почувствовала, как он мягко обхватил губами клитор. Её накрыла волна оргазма, но это было только начало. Она сбилась со счета, пытаясь осознать, сколько же раз это с ней произошло. Пожалуй, впервые в жизни с ней занимались не сексом, а любовью. Она и подумать не могла, что способна кончать раз за разом на протяжении долгих часов.

Джек, казалось, был неиссякаемым. Ему было достаточно десяти минут, чтобы полностью восстановиться и снова начать сладко терзать ее. Сара уже находилась в полубессознательном состоянии от наслаждения. Заметив это, Джек нежно улыбнулся ей

и прилег рядом. Он обнял Сару, поцеловал ее сияющие глаза и шепнул: «Отдохни, любимая!»

Сара откинулась на подушку. Она вновь обрела способность говорить очень нескоро.

— Скажи, а все мужчины-вишеры обладают такими выдающимися эротическими талантами? — игриво спросила она.

— Не могу тебе сказать, я ни с кем из них сексом не занимался, — рассмеялся он. — Наверняка есть вишеры-геи, но, как ты только что поняла, я к их числу не отношусь.

— Да-да, ты мне очень наглядно сейчас это продемонстрировал, — глаза Сары светились счастьем. Джек провел тыльной стороной ладони по ее щеке.

— Ты очень красивая.

— Да? А в самом начале ты был иного обо мне мнения, — усмехнулась Сара.

— Ты ошибаешься. Ты мне понравилась с первого взгляда, и этот напускной сарказм служил мне щитом. А когда на тебя напал тот... мотоциклист, я вдруг понял, что ужасно боюсь потерять тебя, — он грустно улыбнулся.

— И что же будет с нами дальше? — спросила она. Улыбка исчезла с его лица.

— Не знаю, — честно сознался он. — Я не знаю, как руководство отнесется к моему решению. Я не могу уйти из вишеров.

— Но почему?

— Потому что я влюбился. Я влюбился в тебя, — он обнял ее и уткнулся носом в шею. Сара не верила

своим ушам. Этот потрясающе красивый и умный мужчина влюбился в нее? В Сару Кларк?

— Но когда? Когда ты это понял?

— Сегодня вечером, когда сидел в храме позади несостоявшегося президента Испании. Я вдруг вспомнил все, что произошло. Всё, что связано с тобой. То, как ты была обескуражена поначалу. Какой ты была неловкой. Как ты сердилась, когда я подшучивал над тобой — и как мне это нравилось. Как ты преображалась день за днем... Знаю, что из моих уст это звучит странно. Но раньше я не мог ничего подобного чувствовать... особенно после... после ее смерти...

— После смерти Фернанды?

— Да. Я был уверен, что никогда не смогу вновь ощутить что-то подобное. Но я ошибался.

Сара хотела спросить о том, что же случилось с его возлюбленной, но решила, что сейчас не самый подходящий момент.

— А вишеры могут быть вместе? И почему ты дал мне возможность пройти весь путь до конца, если знал, что сам не откажешься от этой миссии?

— Потому что хотел, чтобы ты была такой же, как я. Потому что не хотел ощущать превосходство над тобою. Потому что в моей реальной прошлой жизни я был совсем не таким.

— Как Роналду до пластических операций? — рассмеялась Сара.

— Типа того. Но по уровню интеллекта все было не настолько печально, — он улыбнулся и снова коснулся ее лица. — Ты очень настоящая, Сара.

— Ну, хорошо. Раз ты не знаешь, что будет дальше, то давай обсудим хотя бы наши ближайшие планы.

— Не знаю... Давай лучше поспим, — он мягко, но властно повернул ее к себе спиной, обнял и уткнулся носом в шею.

«Господи, да он, оказывается, еще и романтик!», — это было последним, о чем успела подумать Сара прежде чем провалиться в сон.

Проснувшись утром, она обнаружила на столе поднос с завтраком и записку: «Прости! Люблю. Спасибо. Джек». Сара уставилась на нее как баран на новые ворота. То есть как? Ее бросили после всей той лапши, что навесили ей вчера на уши, и на которую она повелась, как дурочка? Сара больно стукнула себя по лбу: «Боже, какая же я идиотка!»

Есть совершенно не хотелось, она отдала большую часть завтрака Максу, а сама выпила кофе и откусила маленький кусочек круассана. В ее голове роились картины прошлой ночи, которые она старалась отогнать от себя. Сара оделась и спустилась вместе с собакой вниз, чтобы немного пройтись по набережной. Когда она уже собиралась сойти с деревянного настила, женский голос окликнул ее по имени. Она обернулась и увидела Лайлу. Та приближалась к ней торопливыми шагами.

— Да на тебе лица нет! — заметила она. — Что случилось?

— Лайла?! Что ты здесь делаешь?

— Я очень устала от последних клиентов, решила сделать паузу и приехать сюда пораньше. И, кажется, правильно сделала.

— Да, — только и смогла выдавить из себя Сара и разрыдалась.

Лайла обняла ее:

— Ну же, детка, что произошло?

— Джек. Он... он... — Сару душили слезы.

— Он переспал с тобой, рассказал, что любит и бросил на следующее утро? — предположила Лайла.

Сара опешила:

— Откуда ты все это знаешь?

— У Уитни Хьюстон есть песня Same Script, Different Heart, слышала?

Сара тут же прокрутила песню в голове. В ней пелось о том, как две любовницы одного мужчины, бывшая и нынешняя, разговаривают между собой, и бывшая советует настоящей бежать от него как можно скорее.

— То есть у вас было то же самое? — Сара пребывала в шоке. Ведь она сама видела, как непринужденно Лайла зашла тогда в комнату Джека. — Но ведь ты...

— Да! А по мне незаметно было, скажи? — грустно улыбнулась Лайла. — Но около ста лет назад он мне разбил сердце точно так же, как и тебе сейчас. Когда я тебя увидела, то сразу поняла, чем все закончится. Но не могла тебе ничего рассказать. Именно поэтому я сказала, что появлюсь, когда буду нужна тебе больше всего.

— Но... как ты узнала?

— Вчера, когда ты сказала, что занята, я все поняла по твоему голосу. Потом ночью Джек мне не ответил в мессенджере, хотя обычно всегда отвечает. В общем, есть у меня свои ориентиры.

— Подожди, а Фернанда? Что же случилось с ней?

— О, она была уже после меня. Лет семьдесят назад. Португалка, как и он. Он встретил ее в баре, где собирались любители фаду. Однажды он бесцельно шатался по улицам, зашел в бар на голос — это пела Фернанда. Джек заказал стаканчик вишневого ликера, просидел там полночи, дождался, когда уйдет самый последний посетитель и... у них обоих снесло крышу. Они не расставались ни на миг. Он казался очень влюбленным, но я-то знала, что Джек не способен на такие чувства. В конечном итоге он нанял того самого темного вишера, что покушался на тебя в Таиланде, и тот исполнил ее желание — то есть убил ее.

Сара сидела, не в силах пошелохнуться. То есть все это было грамотно поставленным спектаклем? Инсценировкой? Она снова заплакала. Лайла прижала ее к себе:

— Тс-с, детка, невелика потеря, поверь мне. Он мерзавец каких поискать, он тебя не стоит. Теперь ты и сама вишер. Перед тобой большая дорога. Тебе надо попросту выкинуть его из головы. А знаешь, что? Полетели в Лиссабон? Закажем паштел-де-Белем, послушаем то самое фаду и напьемся портвейна. Ты немного развеешься.

Сара прекратила плакать и задумалась. В конце концов, ее просто ловко обвели вокруг пальца. Что ж, он не первый и не последний, кто с пей так обошелся. Ей и впрямь нужно немного передохнуть и собраться с силами.

Лайла быстро что-то нажала на своем телефоне и радостно сообщила:

– Вылетаем через три часа, давай скорей собираться.

Они вместе вернулись в гостиницу, поднялись в номер, собрали вещи. У Сары в глубине души, на самом её донышке теплилась надежда, что они встретят Джека. Но этого не случилось. Через три часа они уже были в аэропорту. Сара жевала невкусный пирожок и запивала его таким же невкусным кофе. Она не ела ничего целый день, но голода не чувствовала. Болезненная мысль не давала ей покоя: Джек... Как он мог с ней так поступить?

Почти всю дорогу она проспала. Открыла глаза, когда заложило уши. Самолет шел на посадку. Сара незаметно взглянула на Лайлу и снова подумала: «Как он мог? Ведь она намного старше его! Впрочем, тем, кто руководствуется принципом „трахай все, что движется“, обычно все равно».

В Лиссабоне было теплее и суше. Они вышли к остановке такси и уже через двадцать минут оказались в отеле. Сара встала перед огромными окнами с видом на океан, грустно вздохнула. Затем написала Лайле: «Встречаемся завтра в восемь за завтраком?» – «Да!», – ответила Лайла из соседнего номера. Сара обняла Макса, улеглась на кровать и снова заплакала.

Проснулась она за десять минут до назначенной встречи. Быстро почистив зубы и накинув первое попавшееся платье, она спустилась вниз.

«Когда я наблюдала за тобой и твоей спутницей в Барселоне, мне было ужасно больно. Я знала, что тогда ты не мог мне предложить стать вишером, но я все равно снова и снова испытывала глубокую обиду. Да, я тоже стала счастливой, я полюбила, но мне все равно неприятно было видеть тебя таким одухотворенным и таким беззаботным. Ты напоминал мне тебя прошлого. И самое обидное, что мы сами подтолкнули тебя к активным действиям в отношении девушки. Ты подумал, что Давид мстит тебе за мою смерть. Ты узнал его, испугался и стремительно бежал из Таиланда в другой конец земного шара. Ты думал, что Давид тебя ненавидит. Но в действительности он просто хотел помочь мне рассказать о существовании твоего сына. Не имея возможности встретиться с тобой один на один, я впала в отчаянье. Я постоянно волновалась о том, что однажды ты сумеешь уйти от нашей слежки, и тогда неизвестно, смогу ли я тебя увидеть снова. Но однажды утром ты отправился один в Эскориал. Девушка почему-то осталась с Лайлой. Я сразу решила, что будет правильным последовать за тобой».

Глава 11

К удивлению Сары, завтракать они отправились не в ресторан отеля. Лайла вызвала такси, и они покатали по узким улочкам Лиссабона, рассматривая проезжающие мимо смешные трамвайчики, бесконечные провода, висящие над ними, дома, украшенные разноцветной плиткой. Проехав широкую площадь, они снова затерялись в узких улочках. Наконец, такси вырулило на набережную. От океана их отделяла только железная дорога. Они ехали молча, каждая погруженная в свои мысли. О чем думала Лайла, Сара не знала. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она решила прервать молчание:

— Так куда мы едем завтракать?

— А мы уже приехали. — улыбнулась Лайла и показала на вывеску синего цвета: *Pasteles de Belem*.

Они расплатились с таксистом и вошли.

— Почти никого нет. Именно поэтому я хотела приехать пораньше, — удовлетворенно отметила Лайла.

Тем временем Сара разузнала из своего «ниоткуда», что изначально пирожные Белем производились в монастыре, но после революции 1820 года его закрыли. Монастырский пекарь, потерявший

работу, решил продать рецепт португальскому предпринимателю Домингесу Рафаэлю Алвесу. Бизнес быстро расширился, и сегодня предки Алвеса продают около двадцати тысяч симпатичных и очень вкусных пирожных в день, а в высокий сезон — и вовсе до пятидесяти тысяч. Рецепт хранится в строжайшем секрете.

Восхитительные пирожные в сочетании с крепким кофе в типичном португальском интерьере Сару взбудрили.

— Некоторые любят другие пирожные, их продают в центре Лиссабона, — сказала Лайла. — Но я предпочитаю именно эти. Каждый раз, когда приезжаю сюда, обязательно забегаю утром.

— Они очень вкусные, особенно когда посыпаны сахарной пудрой и корицей, — согласилась Сара. — А куда еще тебе нравится ездить?

— Я очень люблю базилику Сакре Кёр и часовню Сен-Шапель в Париже. Часто там бываю. Еще по энергетике мне очень нравится Бали. Да и Фатима здесь, в Португалии, тоже очень неплоха.

— О, кстати! А мы ведь и впрямь недалеко от Фатимы. Может, съездим?

— Запросто. Тут всего два с половиной часа езды, завтра как раз можем рвануть.

— Слушай, а вообще у нас есть какой-то график? Мы должны выполнять какой-то план? — вдруг вспомнила о работе Сара.

— Вообще-то да. Открой приложение.

Сара заметила, что в программе появилась куча новых вкладок. Нажав на иконку с глобусом, она

увидела карту, на которой мерцали разноцветные точки.

— Это люди, с которыми надо работать. В зависимости от уровня их энергетики, с одними работать сложнее, с другими — проще. Наша задача до конца заполнять вот этот столбик справа энергией исполненных желаний. Попутно ты можешь подхватывать клиентов, если кто-то неожиданно тебя заинтересует. Но здесь никто не даст гарантий эффективности работы, — рассказывала Лайла. — Ты приближаешь карту, выбираешь человека рядом, нажимаешь на точку, видишь его фотографию, находишь его, исполняешь желание. Вот и все.

— А вот эта вкладка? — поинтересовалась Сара.

— Сюда падают сообщения и задания, не терпящие отлагательств. Информация отсюда напрямую идет к руководству.

— Кстати, а кто наше руководство? Джек мне так и не рассказал.

— Этого не знает никто. Да особо и не интересуется. Мы знаем, что в любой момент нам помогут решить любую проблему, знаем о наших возможностях, правилах и обязанностях Этого вполне достаточно.

— Но неужели вам неинтересно?

— А что изменилось бы, имея мы эту информацию? — задала резонный вопрос Лайла.

Сара задумалась и съела еще одно пирожное. Лайла была права. Она полистала приложение еще немного.

— У меня заряд энергии стоит пока на максимуме?

— Да, потому что ты начинающий вишер, и тебе достаточно выполнять простые заказы. Со временем задача усложняется.

Сара решила, что на сегодня с нее достаточно подробностей и предложила вернуться в центр прогуляться. Они выбрали симпатичный трамвай, но тут же об этом пожалели — внутри была невозможная давка, стояла страшная духота. Вишеры вышли на той самой огромной площади с аркой посередине, которую проезжали ранее, прошлись по пешеходной улице, поднялись на старинном лифте наверх, выпили черешневую настойку в странного вида баре. Потом вернулись в отель, забрали Макса и уселись на одной из теплых террас. Выбор блюд был очевиден — улитки, столь любимая португальцами треска и бутылка Винью-Верде.

— Ты не так любишь роскошь, как Джек, — заметила Сара.

— Да нет, я просто в это уже наигралась, — улыбнулась Лайла. — За более чем две тысячи лет я повидала все: царей, мучеников, рыцарей, королев. В определенный момент понимаешь, что к роскоши привыкаешь очень быстро, и тогда тебя начинает раздражать, что в некоторых местах все не так, как тебе бы хотелось.

Закончив поздний обед, они отправились на поиски приличного бара. Там они заказали бутылку портвейна. И после третьего бокала Лайла неожиданно разоткровенничалась.

Она рассказала, что когда-то давно была влюблена в Джека, они даже встречались какое-то время — старались вместе путешествовать, искали клиентов неподалеку. Она помогала вишеру отточить мастерство. Впервые за долгое время Лайла почувствовала себя кому-то нужной и сказала об этом Джеку. Это было роковой ошибкой. Он стал отдаляться от нее с катастрофической скоростью. А потом познакомился в Фернандой и вовсе бросил Лайлу.

Она очень тяжело переживала этот разрыв. Настолько тяжело, что даже хотела уйти из вишеров. Но потом все-таки сумела взять себя в руки. Сара слушала и очень сочувствовала подруге. Она понимала, что они пережили одинаковое потрясение, связанное с одним и тем же человеком. А Лайла продолжала свой рассказ:

— Потом, когда Фернанда Джеку надоела, он рассказал ей, что является вишером, хотя раньше держал это в секрете от любимой. До того момента она была уверена, что он предприниматель, поэтому вынужден много путешествовать.

Узнав правду, бедняжка едва не лишилась рассудка. Она понимала, что после каждой отлучки Джека в мире умирает минимум один человек. Это разрывало ей сердце, но она не могла ни к кому обратиться за помощью, не могла ни с кем поделиться.

Опасаясь, что Фернанда все-таки проболтается, Джек решил определить ее в больницу. Методы лечения в прежние времена прогрессивностью не

отличались: электрошок, ледяные ванны, смирительная рубашка, одиночная палата. Но и это не сломило Фернанду, она продолжала помнить и страдать.

Тогда Джек попросил своего друга — темного вишера, с которым ты столкнулась в Бангкоке, — выполнить желание любимой, что было равнозначно приговорить ее к смерти. И она умерла неделю спустя. Каким было ее последнее желание — вишер не сказал. Да и Джека это как будто особо не волновало.

Спустя некоторое время он предложил мне встречаться с ним время от времени. Никаких чувств, только секс — и я согласилась. Так все и продолжалось, пока он не решил бросить меня и пока не появилась ты.

— Как же все это печально! — простонала Сара.

— Да ладно тебе, не вешай нос. Все не так уж и плохо, — Лайла дружески похлопала девушку по руке. — Пойдем спать, в Фатиму лучше приехать пораньше. Толпы людей вокруг нам ни к чему.

На следующее утро они позавтракали в отеле, арендовали машину и отправились в путь. Предыстория была такова: в Фатиме с мая по октябрь 1917 года Святая Дева являлась трем детям-пастушкам с посланиями религиозного характера и пророчествами относительно судеб мира. На этом месте был построен храм с огромной площадью для паломников, по размеру уступающей, пожалуй, только площади Святого Петра в Ватикане. Сара смотрела на статую Фатимской Девы и остро чувствовала, что ей очень не хватает Джека. Она едва сдерживала слезы,

но понимала, что нужно привыкать обходиться без него. Всегда, целую вечность.

— А ты не хотела уйти из вишеров после того, как порвала с Джеком? — спросила Лайлу Сара на обратном пути.

— Нет. А зачем? Я понимала в глубине души, что это неизбежно. Именно поэтому в Лурдес я тебе говорила, что вишеры обречены на одиночество. Если мы неудачно влюбляемся, нам приходится страдать вечность. Нужно это просто принять, — вздохнула Лайла. — Ну что, совсем скоро ты сможешь отправиться в свободное плавание.

Сара на мгновение замерла. Ее это испугало. Казалось, что она еще не готова. Но Лайла, словно прочитав ее мысли, потрепала ее по плечу:

— Не волнуйся, на любой ответственной работе страшно в первые дни. Потом просто привыкаешь и не замечаешь трудностей. Пропустишь вечером бутылку вина, затынешься травкой или чем покрепче — и спать.

«Блестящая перспектива», — подумала Сара. Хотя, с другой стороны, чем отличалась ее прежняя жизнь от этой? Тем, что в ней все повторялось изо дня в день, словно заезженная пластинка?

— Кстати, тебе пора заработать деньги, — сказала Лайла.

— Как раз хотела тебя спросить об этом. Как все происходит?

— Ты не должна волноваться ни о каких нюансах. Документы делаются автоматически, ты просто каждый раз достаешь нужный паспорт, разрешающий тебе въезд в страну без визы. Все договоренности с

клиентами устные, подписывать ничего не надо. Все озвученное исполняется. У тебя есть банковские карты, которые пополняются заработанным. Ты можешь использовать их по всему миру. Что-то типа Visa Essential, только круче. Если у тебя вдруг крадут деньги и карты, уже на следующее утро ты обнаружишь в своем кошельке новые купюры и восстановленные карты. Отели и самолеты бронируешь, как все нормальные люди, можно через сайт. Ну, и не привлекаешь особого внимания, не забываешь следить за собой. Имидж — наше все. Думаю, Джек сумел тебе это основательно разъяснить.

— Все понятно. А куда ты поедешь дальше?

— Пока не знаю. У меня есть несколько мест на примете. Когда вернемся в Лиссабон, я оставляю тебя в отеле, а сама поеду в аэропорт. Там и решу.

У входа в отель они крепко обнялись, пообещали быть на связи, и Лайла уехала. Сара поднялась в номер, где ее встретил радостный Макс. Они погуляли по городу. Сара пребывала в протрации. Несмотря на подпитку в Фатиме, она чувствовала себя совершенно разбитой, словно только что лет на десять заморозила несколько планет.

На улице стемнело, пошел мелкий дождик. Желтые фонари устало светили на опустевших улицах. Саре было очень грустно и одиноко. Ее охватило такое отчаянье, что она решила позвонить Джеку. Пусть он предательски скрылся, но терпеть эту боль было выше ее сил. Она выбрала в записной книжке номер и нажала кнопку вызова.

«Абонент в сети не зарегистрирован», — сообщил механический голос на другом конце линии.

Сара нажала отбой и заплакала. Она долго бесцельно бродила по улицам, похожая, скорее, на городскую сумасшедшую, чем на вишера. Вернувшись в номер, заказала сэндвич и бутылку аргентинского Мальбека. Совсем скоро ее сморил сон.

Наступило утро. Сара нежилась в постели и вспоминала день, проведенный с Лайлой. Она понимала, что подруга права. Вместо того чтобы лить слезы, нужно взять себя в руки и заняться делом. Она открыла карту на телефоне, приблизила Лиссабон и нашла потенциального клиента. Это был мужчина лет тридцати, и он жил в том же отеле. Сара подумала, что может встретить его за завтраком. Следовало поторопиться. Она причесалась, надела милое платье, сделала легкий макияж и спустилась в ресторан.

Клиента в зале еще не было. Сара села за стол и заказала кофе. Внезапно телефон запищал и выдал сообщение: «Объект находится в радиусе действия». Сара подняла глаза и увидела мужчину, который садился за свободный столик. Она тут же встала и пошла за новой порцией кофе. Проходя мимо, «случайно» споткнулась и залила кофе его рубашку.

— Господи, какая же я неуклюжая! Простите! — воскликнула она на английском, хотя допускала, что клиент может и не знать этого языка. — Скажите, что я могу сделать? Я готова оплатить новую рубашку и вашу поездку в бутик.

— О, не волнуйтесь! — ответил мужчина на прекрасном английском и тепло улыбнулся. — Не

стоит беспокоиться. Просто составьте мне компанию за завтраком. А потом я поднимусь в номер и переоденусь. Идет?

— Да, конечно! — сразу согласилась Сара. Рыбка сама плыла к ней в сети.

— Меня зовут Дмитрий, — представился клиент.

— Вы русский? И так хорошо говорите по-английски! Совсем без акцента!

— Я учился в Гарварде, — улыбнулся он.

— А я Сара.

— Очень приятно! А вы откуда?

— О, я понемногу отовсюду... но по большей части я из Америки, — Сара непринужденно рассмеялась. — И что же вы делаете в Лиссабоне?

Дмитрий еле заметно нахмурился, стараясь ничем не выдать своего настроения:

— Уже ничего. Мы пытались заключить сделку. Но с португальцами, оказывается, очень трудно договориться.

«О, да!» — подумала Сара, вспомнив Джека.

— А чем вы занимаетесь, если это, конечно, не секрет?

— Ну... скажем так, я работаю на правительство, — уклончиво ответил он.

— О, понимаю, — Сара уважительно кивнула. — И, судя по всему, вы расстроены?

— Все мы расстраиваемся время от времени, не правда ли?

Сара оценила маневренность его фраз.

— Да, вы правы. И что же, вы здесь один?

— Да, один. А вы?

— Нет, я с Максом, — ответила Сара и, выдержав паузу, рассмеялась, — Макс — это моя собака. И надолго вы здесь?

— Вечером улетаю.

— О, давайте прогуляемся! Я тоже скоро улетаю — как раз собиралась завтра утром.

— С удовольствием! — Дмитрий казался очень довольным. Он был не прочь провести день в компании такой симпатичной и, судя по всему, состоятельной девушки. — Давайте я поднимусь к себе и переоденусь, а вы возьмете Макса. Встречаемся в вестибюле через четверть часа.

Когда они вышли на улицу, дождь уже закончился. Город казался намного приветливее, хотя было прохладно. Макс радостно бежал впереди. Время от времени он оглядывался, чтобы не терять из виду хозяйку.

— Вы, наверное, много путешествуете? — спросила Сара.

— Да, приходится по долгу службы.

— О, я тоже! И тоже по долгу службы, — ответила она.

— И что, всегда с собакой?

— Да. У меня нет близких, оставлять его в отеле я не хочу, поэтому... — Сара замешкалась на мгновение, — поэтому при приеме на работу я поставила условие, что всегда буду путешествовать с Максом.

Дмитрий кивнул, хотя было видно, что ответ сбил его с толку. Внезапно Сара спросила:

— А как вас называют дома?

— Димой... — на его лице отразилось еще большее недоумение.

— Дима, а давайте сыграем в игру? Не бойтесь. Ничего плохого тут нет. Я угадаю и исполню ваше заветное желание.

Молодой человек смотрел на нее со все большим недоверием. Не дожидаясь ответа, Сара взяла его за руку и закрыла глаза. Этот жест был воспринят как сигнал. Дмитрий наклонился, чтобы поцеловать ее, но в этот момент Сара открыла глаза и произнесла:

— Вы ведь хотите, чтобы сделка состоялась?

— Вы шпионка или сумасшедшая?

— Ни то, ни другое. Я просто хочу вам помочь, — улыбнулась девушка.

— Но ведь вы даже не знаете, что это за сделка, — он начинал сердиться.

— Ошибаетесь, — Сара наклонилась к его уху и что-то прошептала.

Лицо Дмитрия вытянулось и побледнело. Его словно заклинило — он силился, но никак не мог произнести ни слова. Наконец, ему это удалось:

— Послушайте, я не знаю, кто вы, но...

— Нет, это вы меня послушайте! — властно прервала его Сара. Этому тону она научилась у Джека. — Вам совершенно нечего терять. Ничего страшного не случится, если вы согласитесь, чтобы я исполнила ваше желание. Соглашайтесь же скорее!

На лице Дмитрия смешались недоверие и удивление.

— Ладно, безумная Сара, я согласен. И что теперь?

— А теперь возвращайтесь в номер и пакуйте чемоданы. А мы с Максом продолжим прогулку.

— Но разве мы не собирались прогуляться вместе?

— Планы изменились. Ах, да. Чуть не забыла сказать самое главное: бойтесь своих желаний! — с этими словами Сара развернулась и пошла прочь.

Дмитрий озадаченно смотрел ей вслед. «Бывают же на свете такие ненормальные, — думал он. — А я-то рассчитывал на значительно более близкое и более приятное знакомство!»

Вернувшись в номер, он убедился, что все документы лежат в сейфе именно в той последовательности, в которой он их оставил. И тут раздался телефонный звонок:

— Дмитрий Иванович?

— Да, товарищ начальник!

— Поздравляю с победой в переговорах! Вас ждет повышение, — продолжил голос на другом конце.

— Повышение?! — растерялся мужчина.

— Слушайте, вы такой контракт отхватили! Не контракт, а контрактище! А у вас голос, словно на поминках. Разве вы не рады?

— Нет-нет, все в порядке. Я очень, очень рад! Просто звонок застал меня врасплох, — попытался объяснить Дмитрий.

— Что ж, понимаю. перезвоните мне, как только сможете.

В трубке слышались гудки. Он не знал, что и думать. Происходила какая-то чертовщина. Дмитрий метнулся к сейфу, достал документы и вытащил увесистый договор. Открыл его. Это было невозможно – договор был подписан! Но как?! Как такое могло случиться?! Он сел на кровать и потер ладонью глаза, будто проверяя, не исчезнет ли подпись. Подпись осталась на месте. Неужели все это дело рук той странной барышни?

«Вот я болван! Ничего про нее не знаю, даже имени не спросил!» – спохватился Дмитрий и помчался в холл в надежде выведать подробности у метрдотеля. Но тот был неумолим: любая информация о постояльцах конфиденциальна. Точка. И даже купюра в сто евро не помогла – Дмитрия наградили таким уничтожающим взглядом, что он счел за благо убраться восвояси как можно скорее.

Он по-прежнему отказывался верить в происходящее. Но пора, однако, собираться – вылет через два часа. Торопливо покидал вещи в чемодан, еще раз перепроверил все документы и вызвал такси.

Тем временем с блаженной улыбкой на устах Сара бродила по маленьким улочкам. Теперь у нее есть деньги на все необходимое, ведь процент от оборонного контракта – это вам не шутки. Может, завтра вернуться в Нью-Йорк? Но зачем? Правильно говорила Лайла – у вишеров не может быть дома.

Сара открыла приложение и посмотрела, где находится ближайший клиент. В Испании высветилась очень жирная точка. Таких у нее еще не было! Она приблизила карту: Эль-Эскориал. Фотография клиента

почему-то не открывалась. «Ничего, — подумала Сара, — сориентируюсь на месте. Стало быть, едем в Мадрид». Она решила взять напрокат машину, чтобы не зависеть от расписаний поездов и автобусов.

Дорога предстояла неблизкая — семь часов за рулем. С другой стороны, торопиться ей было некуда. Бесконечная жизнь и бесконечные возможности. Отныне она принадлежала только самой себе.

Сара выбрала шоссе, ведущее из Лиссабона в Эстремадуру. Чем ближе к центру Испании, тем более засушливым и плоским становился пейзаж. Периодически поднимался ветер, грозивший сдуть с трассы ее «Вольво». Машина мчалась на большой скорости, красн глаза она успевала замечать пробегавших мимо зайцев и оленей. К слову сказать, максимум выжимала не только она. Почти все неслись в левом ряду с безумными, опьяненными скоростью глазами.

Обед на главной площади старинного города Касерес, а затем — небольшая прогулка. Что-то тревожило ее здесь — исподволь, несобъяснимо. Массивные стены величественных соборов и мощные камнем площади вызвали у нее образы пылающих костров инквизиции и всех невысказанных жестокостей, которые совершались во имя Господа.

С тех пор как Сара обрела доступ к абсолютному знанию, ей никогда не было скучно наедине с собой. Всегда можно было узнать что-то интересное. На «прочтение» любой книги уходили считанные секунды, и это было восхитительно. В прежней жизни ей отчаянно не хватало времени на книги. Она мысленно

обратилась к своему любимому произведению — «Гойе» Лиона Фейхтвангера. И вдруг ее осенила мысль, что художник, похоже, тоже стал клиентом вишера. Иначе как объяснить его столь неожиданный успех? Можно было бы, конечно, сказать, что он весьма удачно женился, но это самое примитивное объяснение. Гойя пренебрегал канонами классического искусства, он был слишком смелым, слишком противоречивым для своего времени. И он был честолюбивым. Пожелав стать великим, он, вероятно, познакомился с вишером. Желание его было исполнено. Но и цена была велика — глухота, тяжелая болезнь и смерть. Безумные образы — ведьмы, демоны, дикие животные — все чаще находили отражение в его поздних работах. Не потому ли, что Гойю преследовал страх неизбежной расплаты?

Ей почему-то вспомнилась одна работа из серии «Мрачных картин». На самом деле, серия представляла собой четырнадцать фресок, покрывавших стены дома — последнего пристанища великого художника. Впоследствии фрески были перенесены на холсты. Сегодня почти все они хранятся в музее Прадо. «Мрачные картины» вполне оправдывают свое название. Но из головы у Сары никак не выходила «Собака» — квинтэссенция безнадежности, отчаянной мольбы, страха. На ней изображена почти утонувшая в зыбучих песках маленькая черная собака. Зрителю видна только голова несчастного существа с глазами, полными ужаса. Кажется, еще мгновение — и наступит мучительный конец. Есть в этой работе какая-то

незавершенность. По одной из версий, художник не смог закончить её по причине слабого здоровья. По другой — на картине были изображены еще две птицы, и взгляд собаки был устремлен на них. Но то ли в ходе неудачного переноса фрески на холст, то ли в результате неудачной реставрации птицы исчезли.

Сара тряхнула головой, пытаясь уловить связь. Может, все дело в том, что именно в Эскориале, куда она направлялась, у Гойи случился роковой роман с герцогиней Альбой, которая наградила его сифилисом и, по сути, свела в могилу? Кстати, ей с Максом в последнее время всё чаще стали встречаться большие черные собаки...

Тут Сара обнаружила, что бак машины почти пуст. Свернув на первую попавшуюся заправку, она вывела Макса погулять, разблокировала экран телефона и увидела сообщение от Лайлы. «Куда в итоге ты решила отправиться?», — спрашивала подруга.

«В Эскориал, — написала Сара. — Похоже, там есть очень жирный клиент!» Через несколько минут пришел ответ: «О, да! А еще там очень интересная энергетика. Чего стоит один только монастырь, запечатывающий врата ада!»

Этот ответ Саре показался странным. Монастырь Сан-Лоренсо-дель-Эскориал был возведен королем Фелипе II, большим поклонником всего оккультного и мистического. Но врата ада? В ее голове тут же появился огромный пласт информации на самых разных языках, однако Эскориал не упоминался нигде. Известно только, что для строительства своей

резиденции и монастыря Фелипе обращался за помощью к астрологам и прочим сомнительным персонажам. В итоге королевскую усыпальницу из Гранады решено было перенести именно сюда. И с тех пор все испанские короли находят свое последнее пристанище в огромном величественном зале монастырского подземелья.

Поскольку Фелипе II был аскетом, дворец не отличался богатым убранством, но в нем чувствовалась совершенно потрясающая энергетика. Позже королевская летняя резиденция стала монастырем Святого Лоренсо, которого, по легенде, неверные зажарили заживо на решетке для барбекю. Если посмотреть на строение сверху, с близлежащей горы, действительно можно подумать, что архитектора вдохновила решетка для жарки.

С Эскориалом связано огромное количество историй, как и с любым намоленным местом. Но одна из них заставила Сару заволноваться. Как только началось строительство монастыря-дворца, по ночам стал являться огромный черный пес, который лаял и набрасывался на рабочих. Король приказал поймать и убить пса, а затем повесить на одной из башен дворца, чтобы положить конец слухам и страхам. Но собаку поймать не удалось. Когда Фелипе II умирал в Эскориале, черный пес снова появился. Он ходил по гулким коридорам дворца и завывал на пару с ветром, поднимавшимся в межсезонье.

Сара вдруг почувствовала острую необходимость увидеть это место своими глазами. Ее желание подстегивал еще и тот факт, что неподалеку от

монастыря испанский правитель Франсиско Франко, покровительствовавший католической церкви и бывший очень религиозным, выбрал место для возведения Долины Павших – мемориала, ставшего не только символом гражданской войны, но и символом его правления. Было очевидно, что диктатор выбрал это место неспроста, хотя вести строительство было крайне затруднительно из-за климатических особенностей: зимой температуры здесь опускались до минус двадцати, а летом переваливали за отметку в тридцать градусов.

Информации приходило так много, что Сара едва успевала отделять вымысел от правды. Из непроверенных источников всплыло, что Франко готовился вступить в масонскую ложу, а потому в его планах было возведение гигантской пирамиды в Долине Павших. Однако посвящение в масоны не состоялось, и тогда установили огромный крест.

Здесь диктатор обрел вечный покой, хотя завещал похоронить себя в своем дворце, в сорока километрах южнее. В октябре 2019 года было принято решение вынести останки Франко из мавзолея, где он покоился сорок четыре года, и предать их земле на обычном муниципальном кладбище Мадрида. Сторонники Франко предрекали небесную кару тем, кто осмелится потревожить усопшего. Однако все прошло очень спокойно.

Сара снова свернула на заправку, купила Red Bull и выпила его почти залпом. Ей ужасно хотелось спать. Но до точки назначения оставалось совсем недолго. Сделав последний рывок, она нашла отель в

Эскориале, где можно было заселяться с животными — ей совсем не хотелось расходовать драгоценную силу и морозить персонал отеля перед встречей с клиентом. Три звезды её вполне устроили. Она спустилась в ресторан на площади, быстро поужинала, взяла остатки еды в номер для Макса и сразу завалилась спать.

Рано утром она направилась в сторону монастыря, на площади которого играли школьники — при монастыре имелись школа с библиотекой. Сара поежилась. Ветер пронизывал до костей. Она вошла во дворец, неторопливо огляделась. Затем прошла через анфиладу залов и спустилась в королевскую усыпальницу.

Здесь было на что посмотреть. Подземелье производило сильнейшее впечатление. Массивные саркофаги, траурные надписи рядом с каждым из них. Интересно, что чувствовали испанские монархи, спускаясь сюда? Сара вышла из музея и проследовала к двери, расположенной в центре строения. Там находилась ее главная цель — тот самый клиент, ради которого она проделала долгий путь.

Сара нажала на жирную точку в приложении, но в ответ всплыло окошко: «Ожидайте дополнительной информации». Не желая находиться на ветру, она прошла контроль и оказалась в просторном холодном патио. Неудивительно, что бурбонские короли предпочитали это место в качестве летней резиденции. Зимой они бы просто здесь не выжили. Поежившись, Сара пересекла патио и вошла в храм. Она приблизилась к центру, где располагался витраж в

куполе, расслабилась и приготовилась пропустить через себя всю энергию этого места. И вдруг услышала знакомый удивленный голос:

— Сара?... Что ты здесь делаешь?

Она обернулась. За ее спиной стоял взволнованный Джек.

«Давид решил сопроводить Лайлу и Сару в Португалию, а заодно провести небольшое расследование. Он столкнулся с очень страшным фактом. Когда он отправился в ту самую деревню, где жила повитуха, выяснилось, что она не умерла сразу по возвращению и после исполнения своего желания. То есть она не скончалась сразу после моих родов, а прожила вполне благополучно еще почти два десятка лет. Располагая суммой, которую мы ей выплатили, она раздобыла себе какие-то китайские пилюли долгожителей. После нее остались две дочери, у которых тоже были дети.

К тому моменту, когда Давид прибыл в деревню, в живых оставались только правнучки. Они-то поделились удивительным семейным преданием о том, как их прабабушку однажды пригласили в Россию принимать роды. Никто не знал, почему выбор пал именно на нее.

По возвращению она оказалась сказочно богата, но в ее глазах и в ее сердце словно погас внутренний свет. Женщина стала черствой и холодной, больше никогда не улыбалась. Соседи за глаза называли ее „set coraçõ" — „лишившаяся души" и сторонились всей ее семьи.

Одна из правнучек вспомнила, что спустя много лет в деревню наведались какие-то хорошо одетые люди. Они расспрашивали про повитуху из этой деревни. А потом появилась женщина. По описанию Давид понял, что речь шла о Лайле.

Возникал вопрос – почему Лайлу так интересовал наш сын? Да, мы нарушили правила, но на протяжении существования вишеров многие вольно или невольно совершали ошибки, и я не припомню, чтобы их за это жестоко наказывали. Если бы их настигла кара, силы свыше позаботились бы, чтобы как можно больше вишеров узнали об этом и впредь не повторяли ошибок.

Давид прошел по деревне и навестил еще нескольких бывших клиентов. Каково же было его удивление, когда он понял, что далеко не все после исполнения желания сразу же умирали! Многие продолжали жить припеваючи. Возникал вопрос: для чего нам, вишерам, дается неверная информация? Что от нас хотят скрыть?»

Глава 12

При виде Джека на долю секунды в глазах Сары мелькнуло радостное удивление, но она быстро отвернулась к алтарю. Ей захотелось изо всех сил ударить Джека по лицу. Теперь-то она знала, что этот тип из тех, кто пользуется женщинами и меняет их как перчатки. Спасибо Лайле за правду! Сара испытывала целую гамму чувств: злость, любопытство, ненависть, желание отомстить... Вот только любовь куда-то исчезла.

— Сара, я должен был срочно уехать, меня вызвали, — прервал Джек напряженную тишину. — Я должен был приехать сюда, в Эскориал, чтобы многое понять и переосмыслить.

— Конечно. И поэтому ты подослал ко мне свою подпевалу Лайлу, чтобы она уговорила меня приехать сюда.

— О чем ты? Я никому не сказал, что буду здесь! — попытался возразить Джек.

— Ах, бедный мальчик! В какую компанию ты попал! — Сара театрально заломила руки.

— Сара, послушай, что случилось? — в голосе Джека слышалось непонимание.

— А то, что один чертов козел из племени вишеров бросил меня сразу после того, как отменно трахнул! — она смотрела на Джека с яростью.

— Но ты ведь прекрасно знаешь, что это не так! — Джек почти кричал.

— Нет, конечно! Я поняла, что тебе нужно время и расстояние. Послушай, почему бы тебе просто не оставить меня в покое и не раствориться где-нибудь в тумане? Планета большая, валил бы ты отсюда подальше!

— Сара, послушай, произошло нечто ужасное.

— Само собой. Что ж, в таком случае, я — исчезающий вид вомбата! Безмозглого вомбата, — добавила она тихо.

Джек почти простонал:

— Если ты не хочешь — ничего не будет.

— Да. Не хочу. А ты можешь продолжать спокойно трахать все, что движется! — почти выкрикнула Сара.

Она развернулась, чтобы покинуть пустую церковь. Джек в отчаянии схватил ее за руку:

— Я люблю тебя! Я отказался от своей гребаной вишерской пенсии ради тебя. Я хочу быть с тобой всю вечность! Даже Фернанду я не любил так, как люблю тебя! — теперь уже кричал Джек.

— То есть я проживу на пару лет дольше Фернанды? — язвительно осведомилась Сара.

Джек был на грани. Он выпустил руку Сары:

— Я не понимаю, зачем ты причиняешь мне боль. Так нечестно. Я ведь приехал сюда, чтобы все уладить.

— Что уладить? Того факта, что ты мерзавец, уже не изменить! — выкрикнула Сара и, развернувшись, поспешила к выходу.

Джек в панике смотрел вслед удаляющемуся силуэту. Он впервые не знал, что ему делать. Да, он поспешно покинул Сару. Но на это, черт возьми, были очень, очень серьезные причины! Но что же делать теперь?

Джек опомнился и бросился вслед за Сарой. Далеко уйти она не могла, нужно было пересечь большую площадь, чтобы покинуть монастырь. Он торопливо оглянулся и заметил, что Сара заворачивает за угол.

— Постой! — закричал Джек. Но Сара ускорила шаг и почти перешла на бег.

— Сара, да постой же, черт тебя возьми! — у Джека были два больших преимущества — хорошая физическая подготовка и удобная обувь. Сара летела на каблуках по неровной булыжной мостовой и каждую секунду рисковала расшибить себе голову.

Джек догнал ее и, глядя в глаза, умоляюще произнес:

— Тридцать минут. Я прошу только об этом. Дай мне полчаса. Пойдем присядем, мне очень нужно тебе кое-что рассказать. Я обещаю, что ни словом не затрону наши с тобой отношения.

Сара растерянно кивнула и пошла за ним. Они дошли до центральной площади, на которой уже возвели один из самых больших в Европе рождественских вертепов. Фигуры в натуральную величину, дома, деревья, ясли с домашними

животными — все это старательно создавали и устанавливали, а затем разбирали добровольцы. Так продолжалось из года в год. Несмотря на торжественность момента, Сара невольно отметила, что людей это, скорее, забавляет, нежели вызывает у них возвышенные переживания. Уж больно странно выглядел Святой Иосиф с облупившимся лицом, а волхвы и вовсе напоминали цыган с ярмарки.

Они с Джеком дошли до середины главной площади и свернули направо в узкую улочку. Здесь находилось кафе *Croche*. В это время года один из залов был абсолютно пустым. Интерьеры кафе являли собой образчик ностальгии: старинные патефоны, радио, люстры, а в качестве столов — остовы швейных машинок. Стену украшали выцветшие рекламные афиши.

К ним подошел официант, и Джек заказал по бокалу кавы.

— Знаешь в чем отличие кавы от шампанского? — спросил он было по привычке, но быстро вспомнил, что теперь Сара в его справках не нуждается.

— Так о чем ты хотел рассказать? — тон Сары был ледяным.

— Кажется, я всю свою жизнь ошибался насчет работы вишера. Похоже, мы все ошибались.

— То есть как?

— Нас обманывали.

— Кто?

— А вот этого я не знаю. Но факт остается фактом. Мы думали, что люди погибают вскоре после

того, как их желание исполнено. Именно это мы видим в приложении, когда хотим отследить судьбу клиента.

— А разве это не так? — с недоверием спросила Сара.

— Дело в том, что в ту ночь в Барселоне — а точнее, утром — мне очень захотелось сделать для тебя что-нибудь приятное. Я решил выйти в город, пока ты спишь, и купить цветы. Представь, каково было мое удивление, когда я увидел, что цветочник — мой бывший клиент! Я попытался поговорить с ним, но он меня не узнавал и вообще вел себя как-то странно.

— А какое его желание ты выполнил? — история становилась все интереснее.

— Он хотел найти женщину своей мечты.

— И что же?

— Я спросил его, был ли он женат. И он ответил, что нет.

— Ну, это ни о чем не говорит. Может, он развелся.

— Нет, Сара, ты не понимаешь. Он ЖИВ! Хотя попросил о банальном желании.

Сара озадаченно потерла лоб. Официант в униформе принес два пузатых бокала с игристым напитком.

— И что было дальше?

— Дальше я открыл приложение и стал искать его. Но за давностью лет — а точную дату я не помнил — найти его не представлялось возможным. Тогда я решил отыскать свою клиентку из Мадрида, которая когда-то пожелала сделать политическую карьеру. Заодно позвонил Лайле и рассказал о своем открытии.

Она тоже очень удивилась. Лайла уверена, что такого быть не может и что я обознался.

Я попросил передать тебе, что уехал по очень срочному и важному делу, что я обязательно вернусь. Меня всерьез озаботило все происходящее. В Мадриде отыскал ту самую клиентку, она действительно сделала впечатляющую политическую карьеру. Но и она меня не вспомнила! Я проследил, где она обедает, подсел к ней за столик. Представился, сказал, что мы встречались с ней некоторое время назад. Рассказал подробно, о чем говорили. Но в ответ она лишь вежливо улыбалась, глядя на меня как на идиота. Я помнил ее другой — счастливой, полной надежд. А теперь у нее был очень странный взгляд.

— Джек, я не знаю, к чему ты клонишь. Несколько десятилетий в большой политике убьют надежды в ком уютно, — прервала его Сара, собираясь встать.

— Подожди, дай мне договорить. Я позвонил Лайле с городского телефона и рассказал ей о произошедшем. Она ответила, что у нее нет времени на глупости и что вы отлично проводите время вместе. Я сообщил, что поеду в Эскориал, чтобы немного подзарядиться. Тут ведь совершенно невероятное место. В ответ Лайла отшутилась — сказала, чтобы я не задерживался, если не хочу, чтобы тебя отбили другие мужчины.

— Слушай, Джек. Все эти истории про уникальность Эскориала мне кажутся преувеличенными. На самом деле, даже Франко не хотел, чтобы его тут хоронили, — перебила Сара. —

Подумай: если он действительно строил этот монумент как собственный мавзолей, почему тогда завещал быть упокоенным подальше отсюда? Вспомним еще и о том, что генералиссимус был весьма религиозным, а ортодоксальное христианство и эзотерика, как мы знаем, не слишком уживаются. И не кажется ли тебе, что огромный крест в Долине Павших — это просто честолюбивое желание диктатора оставить после себя нечто столь же грандиозное, сколь монастырь Сан-Лоренсо, возведенный четыреста лет назад его кумиром Фелипе II?

Джек хмыкнул:

— Я рад, что ты научилась так виртуозно добывать нужную информацию и не тонуть в ней. Но... есть одно «но». Иногда ты рассматриваешь только то, что лежит на поверхности. Назовем это первыми десятью ответами на запрос на первой странице поисковика. Но то, что эти ответы появились первыми, вовсе не значит, что они самые достоверные. Глубже надо рыть, глубже!

Сара притихла, а Джек продолжил:

— Фелипе II очень привечал мистиков, астрологов и прочую подобную братию. Он постоянно консультировался с ними при сооружении дворца — это подтверждено документально. А вот по неофициальной версии... Он построил дворец, чтобы запечатать врата ада.

— Вроде тех, что есть в Турине и еще в куче мест? — вопрос Сары прозвучал скептически.

— Поверь, Эскориал — это совсем другое.

– Почему же?

– Фелипе II был фанатиком церковных реликвий. Он собрал их более семи тысяч. И знаешь, где они находятся?

– Да ладно... Неужели в Эскориале? Ого! Не потому ли Гиммлер думал, что Святой Грааль хранится в Испании? Он приезжал за ним... но, выходит, ошибся монастырем?

– Думаю, да. Тебе не кажется это странным? Решетка святого Лоренсо, на которую так похоже здание монастыря, если посмотреть на него сверху. Многочисленные реликвии. Повышенная концентрация радона – радиоактивного газа, который эзотерики считают одним из свидетельств паранормальной активности. Добавим к этому так называемый «трон Фелипе» – место, где король обычно восседал, наблюдая за ходом строительства. Ведь это далеко не самая лучшая точка обзора. Но это то самое место, где, по преданию, дьявол топнул и оставил отпечаток ноги, разозлившись на девочку, которая не захотела продавать ему свою душу.

– Допустим, все это правда. И Франко построил крест и базилику, чтобы продолжить начатое королем Фелипе. Но какое все это имеет отношение к твоим клиентам в Барселоне и Мадриде?

– А вот эта часть истории – самая интересная. После встречи с ними я начал рыться в приложении и выяснил, что клиенты в базе не сохраняются. Конечно, всех не упомнишь, но имена некоторых я могу назвать. Представь себе мое удивление, когда выяснилось, что наши недавние клиенты все еще живы! – Джек

торжествующе посмотрел на Сару. — И у некоторых даже есть семьи.

— Я решительно ничего не понимаю, — нахмурилась Сара. — Тогда почему вишерам предоставляют другую информацию?

— Вот об этом-то я и задумался. Всех, кого я вспомнил, объединяло нечто, чему я пока не смог найти объяснение. Но самый главный вопрос: зачем руководству вводить нас в заблуждение?

— Я по-прежнему не понимаю, какое все это имеет отношение к Эскориалу.

— Не торопись, слушай дальше. Поскольку ближайшим к Мадриду сильным энергетическим местом является Эскориал, я отправился сюда, чтоб попытаться понять, что происходит. Я исправно посещал утреннюю и вечернюю службы. И во время одной из проповедей услышал слова Евангелия от Матфея: *«Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»*.

И меня осенило. А что, если и с вишерками все именно так и обстоит? Я неожиданно понял, кто наш хозяин и почему нас заставляют думать, что все клиенты умирают, — Джек вдруг сделался очень серьезным.

Сара смотрела на него во все глаза.

— Мы посредники. И покупаем дьяволу души за исполнение желаний. Ему тоже нужна энергия. Сам он не может выйти из заточения. Или же ему это стоит

огромных усилий. Поэтому он создал вишеров, которые скупают души людей.

Дьявол не появляется с вилами, не изрыгает огонь из пасти — ты только представь, какой бы шок это вызывало у людей. Никто бы точно не захотел подписывать с ним никаких контрактов. Он посылает приличных умных людей, которым можно доверять, и клиенты спокойно отдаются в наши руки, — заключил Джек со вздохом.

— Так мы наперсники дьявола? — Сара не верила своим ушам. — А как же души? Почему эти люди продолжают жить, когда мы забираем их души?

— Они живут уже без души. И это именно то, что я увидел в глазах своих бывших клиентов.

Сара пребывала в шоке от всего услышанного.

— И что же ты предлагаешь теперь делать?

— Для начала избавься от вишерского телефона, как это сделал я.

— Подожди, нам нужно сначала предупредить Лайлу!

— Да, ты права.

— А что потом?

— А потом мы попытаемся открыть врата ада и разобраться с проблемой изнутри.

— Ты рехнулся, — без тени сомнения заключила Сара. — Ты вообще понимаешь, о чем говоришь? И как мы это сделаем? Выполним желание какого-нибудь религиозного фанатика и взорвем монастырь?

— А неплохая, кстати, идея! — рассмеялся Джек. — Но ты подумала, что ворота ада потом нужно будет снова запечатать? Уж не в одиночку ли ты отгрохаешь новый Эскориал и загонишь обратно всех тварей, успевших вылезти?

— Тогда что предлагаешь ты?

— Во-первых, поговорить с Лайлой до того, как мы начнем что-то предпринимать. Быть может, у нее есть более разумные идеи.

— Звони! — скомандовала Сара.

— Нет уж, сама звони. Это ты ее подруга, — ответил Джек.

— Зато ты — ее любовник, — парировала Сара.

— Ты о чем? Какой любовник? Что за бред?

Но Сара и сама уже поняла, что сейчас не время для выяснения отношений. Лайла ответила мгновенно.

— Привет, я сейчас с Джеком, — на линии повисла неловкая пауза. — Похоже, есть проблемы. Как скоро ты сможешь быть в Эскориале? Отлично, спасибо! Нет, это не телефонный разговор. И выброси свой вишерский мобильник. Мы будем ждать тебя завтра в девять утра в кондитерской на главной площади Сан-Лоренсо. Да, именно там — напротив жуткого вертепа. Целую! — Сара нажала отбой.

— Не думаю, что она выбросит мобильник только потому, что ты ей об этом сказала, — улыбнулся Джек.

— Поживем — увидим, — отозвалась Сара.

— Ты забронировала себе отель на сегодня? — участливо спросил Джек.

— Нет. Не думаю, что в этой деревне с отелями возникнут проблемы.

— Ошибаешься. Приличных мест здесь почти нет, но съюты в отеле «Флорида» сравнительно неплохие, я там и остановился.

— Знакомая история. Сейчас мы отправимся туда, а потом выяснится, что номеров больше нет. А дальше — «ах, ничего страшного, я посплю на диване», — передразнила Сара интонации Джека.

— Перестань. Ты же знаешь, что злишься на меня без причин...

— Иди к черту. Ты прекрасно все понимаешь!

— Ладно, давай так: ты заселишься в номер, прогуляешься с Максом, а потом мы вернемся в кафе, скажем, через два часа и спокойно поговорим?

— Я не хочу ни о чем говорить, — устало отозвалась она. — Просто оставь меня в покое до завтра.

Джек в ответ лишь пожал плечами, подошел к барной стойке, расплатился и молча вышел из кафе. Сара чувствовала себя очень неудобно. Может, кое-что из его слов все же было правдой? Может, зря она на него так накинулась? Отогнав от себя бесполезные мысли, Сара вернулась в машину, где ее с нетерпением уже поджидал Макс, и добралась до отеля.

Номера во «Флориде» имелись, и даже съюты были свободны, проживание с животными разрешалось. Никаких проблем с заселением не возникло. Она прогулялась с Максом. Ничего особенного — несколько улочек, бесконечные подъемы и спуски. Внезапно Макс ощерился громко залаял на кого-то позади. Сара быстро обернулась и краем глаза заметила хвост большой черной собаки,

исчезавшей за углом. «Опять этот пес. Совпадение или знак?» — с тревогой подумала она.

Вернувшись в номер, Сара приняла душ и вышла на балкон, чтобы полюбоваться вечерними видами. Однако, как это часто бывает в горах, внезапно спустился густой туман, и разглядеть что-либо стало практически невозможно. Она хотела было уйти, как вдруг совсем рядом услышала голос Джека. В плотно тумане почти ничего не было видно.

— Где ты? — спросила она.

— На соседней террасе. Я могу войти? — неуверенно спросил он. — Я собираюсь подкупить тебя бурбоном и остатками пиццы.

Это сломало волю Сары. Она вдруг поняла, за целый день у нее во рту не было ни крошки. Через минуту Джек уже стоял в дверях. С мокрыми волосами, в огромном не по размеру белом халате Сара выглядела очень хрупкой и трогательной. Он вошел, достал стакан из бара и наполнил его до краев.

— Холодно. Выпей, не то простудишься, — Джек раскрыл коробку с остатками пиццы таких размеров, что ею впору было накормить кавалерийский полк.

— Ешь. И выслушай меня. Я знаю, что ты находишься в смятении и ничего не понимаешь. А теперь представь, в каком состоянии нахожусь я — тот, кто является вишером почти три столетия. И меня впервые посетила подобная догадка!

Джек подошел к окну, помолчал и начал свой рассказ.

Его прадеды были богатыми португальцами, к тому же весьма неглупыми. Почувяв неладное задолго

до страшного землетрясения, до основания разрушившего Лиссабон в середине 18 века, они продали все, что имели и переехали в Индию. Они обосновались в мадрасском порту Сент-Джонс, основанном португальцами в 1639 году, и занялись торговлей. Так, поколение за поколением семья вела свой бизнес. И хотя год на год не приходился, доходы, тем не менее, росли.

Маленький Джек не любил Индию: слишком жарко, слишком влажно, слишком грязно. Время от времени он плавал с отцом в родную Португалию. Европа нравилась ему гораздо больше Индии.

Когда он подрос, то попросил отправить его в Порто, чтобы стать официальным представителем своего семейства на материке. Мальчик был серьезным и смышленным, и отец согласился. Их дела шли в гору, несмотря на все ухудшающуюся обстановку вокруг. Это был один из самых сложных периодов в истории Португалии. Война с Испанией, огромные траты короля Жуана V, который еще и ввязался в крестовые походы против турок, землетрясение — все это привело страну в страшный упадок. Вдобавок ко всему, отец Джека заболел и призвал сына обратно в Индию. Родитель скончался до его прибытия, и Джеку пришлось взять бразды правления семейной империей в свои руки.

Однажды, терзаемый тоской по Европе, он бродил по Мадрасу. К тому времени город уже перешел в руки англичан. Увидев небольшую церквушку, Джек зашел внутрь и стал истово молиться о том, чтобы Португалия вновь обрела былое величие и

чтобы он смог вернуться на родину, по которой так тосковал. Внезапно он почувствовал легкое прикосновение. Джек удивленно обернулся и увидел мужчину в черном плаще. Незнакомец пригласил его к себе домой выпить портвейна, сославшись на то, что в былые времена знал отца Джека. Но, как оказалось позже, цели у незнакомца были совсем другими. Так Джек стал вишером.

В начале 20 века он впервые попал в Нью-Йорк. Город покорила его своей непохожестью на все то, что он когда-либо видел: небоскребы, безумные контрасты, шум и многолюдье. Город напоминал новый Вавилон. Джек остановился там на несколько месяцев. Смартфонов, ясное дело, не было, поэтому клиентов приходилось выискивать наугад.

И вот однажды он зашел в бар и увидел там девушку потрясающей красоты, работающую за стойкой. Как выяснилось, она тоже была из Португалии, моложе Джека лет на двадцать. Он влюбился впервые в жизни. Не увлекся, не загорелся, но испытал именно то глубокое чувство, которого, как он думал, в действительности не существует. Он знал, что нежные чувства не очень приветствуются среди вишеров, и уж тем более — отношения с простыми смертными, но ничего не мог с собой поделать.

Они начали встречаться. Джек рассказал Фернанде, что является крупным торговцем, поэтому ворочает огромными капиталами. Ее все устраивало: роскошный дом, один из первых в Нью-Йорке автомобилей, наряды, драгоценности. Они поженились тайком от родственников Фернанды. Ее

родители хотели, чтобы дочь связала жизнь с верующим человеком, а Джек вряд ли мог назвать себя честным католиком. К тому же он категорически отказывался венчаться.

Время шло. Вишер отлучался все чаще и никогда не брал с собой жену. Иногда она задавалась вопросом: почему он не меняется с годами? Но она гнала от себя эти мысли. В конце концов, самым главным было то, что Джек ее любит.

Он и вправду любил ее без памяти, пока не узнал, что Фернанда ему изменяет. Один из вишеров рассказал, что якобы застукал ее с любовником где-то в клубе. Джек буквально озверел от ярости. Он никак не ожидал предательства от любимой женщины и будто сошел с ума.

Джек договорился с вишером-информатором о том, что тот исполнит заветное желание его супруги. Последнее желание. Он не хотел знать, о чем она попросит. Он вообще ничего не хотел больше знать о ней.

В тот же день Джек покинул Нью-Йорк и долгие годы не возвращался в этот город — до тех пор, пока не решил уйти на покой и передать ремесло новому вишеру.

Этим вишером оказалась Сара.

— Вот так, — Джек грустно вздохнул. — Ты, разумеется, можешь осуждать меня, называть подонком. Но нужно сделать скидку на то, что тогда все менялось с космической скоростью, каждый год появлялись новые технологии, наука не стояла на месте, я сходил с ума от количества информации,

которую приходилось обрабатывать. А ведь меня никто не готовил так, как я готовил тебя. Меня, фактически, окрестили и как щенка бросили в открытое море.

— А что, если тот вишер тебе соврал? — вдруг спросила Сара.

— Не знаю. Спустя годы я начал задумываться об этом, но понял, что это прямой путь к сумасшествию. Тем более, что через несколько месяцев я познакомился с Лайлой. Осознание того, что кто-то живет в абсолютной пустоте гораздо дольше, чем я, принесло мне странное облегчение. Мы подружились. Она познакомила меня с другими вишерами. И я смирился с потерей, понимая, что нельзя всю жизнь жалеть о том, чему не суждено было случиться.

— А куда делся тот вишер, который исполнил желание Фернанды? — Сару явно что-то беспокоило.

— После того случая он пропал, я больше никогда с ним не встречался. Но оно и к лучшему, — с этими словами Джек вышел на террасу и закурил.

Сара села на кровать и обхватила голову руками. Она не знала, чему и кому верить. Может, Джек все-таки не солгал ей? Или солгал, но только совсем немного? В искренности Лайлы она не сомневалась, поскольку, по мнению Сары, у той не было никакого интереса в обмане. Другое дело — Джек. Что-то в его рассказах не сходилось. Сара вышла на балкон и сказала:

— Хочу выспаться. Оставь мне еду и бурбон и отправляйся к себе.

Джек вышел, не сказав ни слова. Сара долго ходила по комнате, пытаясь связать все воедино. Чтобы хоть как-то успокоиться, она встала под сильные струи воды. Но мысли продолжали терзать ее. Что ж, оставалось проверенное средство — таблетка снотворного. Ей снилось, что она висит под круглым куполом, и ее засасывает что-то темное и липкое. Она чувствовала себя так, словно ее выворачивают наизнанку. Было страшно и легко одновременно. Страшно — потому что она не понимала, что означает эта тьма вокруг. И легко — потому что она предчувствовала конец своих мучений.

Сара проснулась в холодном поту. Был предрассветный час, за окном висели клочья тумана. Позади нее уютно посапывал Макс. Сара прошла в ванную, чтобы смыть остатки кошмара, и снова легла. Но сон больше не приходил.

«Я не успела. Я подумала, что самым лучшим способом сообщить тебе о существовании Ника — передать тебе мои письма через него. Я разыскала сына и срочно попросила отправиться в Эскориал. Он был в Нью-Йорке. В ту неделю над городом проносились штормы, и аэропорты закрыли на целых четыре дня. Я терпеливо ждала, наблюдая за тобой издалека, не решаясь подойти и все рассказать.

Наконец, Николай добрался до Эскориала, но как раз в этот день туда приехала и Сара. А я получила страшные новости от Давида. Он попросил меня пока ничего не предпринимать. Обнаружилась очень важная информация о Лайле и ее прошлом».

Глава 13

Задремавшую под утро Сару разбудил стук в дверь. На пороге стояла Лайла. Сару немного удивил наряд подруги — на плечи той был накинут длинный темный плащ. Впрочем, в Эскориале было ветрено и холодно.

— Боже, как я рада, что ты приехала! — девушки обнялись.

— Что произошло? — сразу перешла к делу Лайла.

— Дело в том, что Джек кое-что раскопал...

— Раскопал?

— Он, похоже, раскопал, на кого мы работаем...

— Да неужели? — усмехнулась Лайла.

Сара начала пересказывать все то, что накануне поведал ей Джэк.

— И ты ему веришь?

— Да. А почему бы мне ему не верить?

Лайла в ответ только рассмеялась.

— Послушай, может, у него и впрямь серьезные намерения. Ради меня он решил отказаться от мысли оставить работу вишера.

— Да ты что! — совершенно искренне удивилась Лайла.

В дверь снова постучали. Это был Джек.

— О, привет, дорогой! — Лайла приветственно чмокнула его в щеку. — Как поживаешь?

— Привет. Послушай, Лайла, нам надо поговорить с Сарой наедине...

— О, не волнуйся, дорогой, — Лайла нежно взяла вишера под руку. — У нас с Сарой друг от друга нет секретов! Можешь говорить при мне. А вообще я предлагаю нам втроем прогуляться.

— Куда? — настороженно спросил Джек.

— Здесь, в монастыре, есть одно место, которое вы должны увидеть.

— В Эскориале? Чего я не видел в Эскориале? — попытался возразить Джек.

— Да не будь ты таким упрямым! Пойдем!

Джек неохотно последовал за Лайлой и Сарой. Они вышли на продуваемую всеми ветрами площадь. В воздухе по-прежнему висел густой туман.

— Так что же ты хотел рассказать Саре?

— Ничего... Так, пустяки.

— По твоему лицу не скажешь, что это пустяки, — рассмеялась Лайла.

Во дворце было зябко и сыро. Внутри он оказался таким же неприветливым, как и снаружи. Они стремительно прошли по коридорам из серого каменя, поднялись по лестнице, куда-то спустились. От быстрого темпа у Сары кружилась голова. Сейчас они находились в подземелье, уставленном гробами. «Усыпальница инфантов», — догадалась Сара. Она уже была здесь вчера.

Один ряд гробов сменялся другим, пока они не уперлись в небольшой сводчатый проход, за которым лестница спускалась еще глубже в подземелье. По бокам располагались деревянные двери. За одной из этих дверей скрывалась «пудридеро» — небольшая комнатка, в которой разлагаются останки королевских особ. После этого их переносят в главную усыпальницу. Круглый зал был отделан серым и коричневым мрамором с вмонтированными в стены гробами. Бронзовые ангелочки, замысловатые узоры и большая бронзовая лампа, подвешенная прямо по центру зала.

Оглядевшись, Сара поежилась.

— Вижу ваше беспокойство и не буду вас долго мучить. Подойдите сюда, — Лайла жестом пригласила их в центр склепа.

— А теперь заморозим время, чтобы нас не отвлекали, — Лайла улыбнулась. — Вы ведь, наверное, уже и не помните, каково это, когда вас замораживают, правда? — в глазах Лайлы светилось торжество.

Сара и Джек почти одновременно попытались пошевелиться, но у них ничего не вышло. Сара подумала, что силы Лайлы не бесконечны и что она не сможет долго держать их в таком состоянии. Поведение подруги ей казалось по меньшей мере странным.

— Ну, а теперь настал мой черед рассказывать, — Лайла снова улыбнулась. — Джек, я совершенно не ожидала, что ты настолько приблизишься к разгадке. Ты был прав касательно того, кто является хозяином

нашего маленького бизнеса. И все же тебе не хватило времени или ума, чтобы докопаться до всей правды. Ты ведь догадался, что имя «Лайла» переводится с иврита как «ночь». И именно это ты хотел рассказать утром Саре. Но не успел, — тут Лайла повернулась к подружке.

— Ну, а ты, Сара, стала еще одной моей ошибкой. Такой же, как Фернанда. Я смотрю, вы что-то хотите мне сказать? Хорошо, я дам вам эту возможность.

— Что ты сделала с Фернандой?! — заорал Джек, как только почувствовал, что может говорить.

— Не кричи так громко! В твоем возрасте вредно нервничать, дружок, — заметила Лайла. — Я расскажу тебе про Фернанду. Но сначала разрешите представиться...

— Ты с ума сошла, — прошептала Сара. — Что происходит, Лайла? Мы ведь с тобой подруги, разве нет?

— Меня зовут не Лайла. Я — Лилит. Первая и истинная жена Адама, изгнанная из рая за то, что осмелилась заняться с ним любовью так, как этого хотелось мне. Первая женщина, отказавшаяся подчиняться мужчине-человеку и мужчине-богу.

Её смех зловещим эхом заполнил уставленный гробами склеп. Лайла-Лилит скинула плащ, и за ее спиной раскрылись черные крылья.

— Ну как вам? Нравится? А еще я — та большая черная собака, которую вы так часто встречали и которая так раздражала Макса.

Потрясенные Джек и Сара хранили молчание. Сара лихорадочно пыталась сосредоточиться и выудить информацию о том, кто такая Лилит, но ей

никак не удавалось. Она знала, что это имя встречается едва ли не во всех религиях мира. По одной из версий Лилит соблазняла мужчин и забирала у них души, по другой — убивала младенцев. О ней упоминалось в шумерских манускриптах, в Библии, в Коране, в Талмуде... Лилит была демоном, дьяволицей.

— Поскольку с богом мы поссорились уже очень давно, — продолжала Лилит, — мне приходилось искать силы и энергию где придется, чтобы поддержать огонек жизни в этом скромном теле. С некоторых пор мне наскучило заниматься мелкими кознями и я задумала нечто великое.

Войны, убийства неверных жен ревнивыми супругами, беспорядочные сексуальные связи — все это так старо и так скучно! И тогда я придумала создать клан вишеров, моих учеников, моих верных последователей. Тех, кто будет добывать для меня энергию.

Чтобы избежать ненужных вопросов, я представлялась как старейший вишер, и мне верили. Таким путем я получала жизненные силы тех, кто отправлялся на тот свет в обмен на исполненное желание. Наше войско росло, я совсем перестала работать — ведь теперь энергии было хоть отбавляй. Я заставила вас путешествовать по святым местам, чтобы вы не расходовали мою энергию, а научились генерировать собственную. Со временем мне пришлось вносить в правила некоторые жесткие корректировки, но в этом виноваты сами вишеры.

Я наделила вас выдающимися способностями. Я одарила вас бессмертием. Вы могли иметь абсолютно

все, что пожелаете. И чем вы мне за это отплатили? Ненавистью. Именно поэтому я дала возможность представителям нашего клана убирать всех, кто был мне неугоден. Информатор, сообщивший об измене Фернанды, был моей карающей дланью.

...Рассказывая это, Лилит не переставая кружила вокруг них. Сара смотрела на нее и никак не могла поверить в реальность происходящего.

— А потом... я влюбилась в Джека, — в голос дьяволицы послышались нотки грусти. — Я увидела его в Порто, когда возвращалась из путешествия, и моментально потеряла голову. Но он не обращал на меня внимания. И мне не оставалось ничего другого, как сделать из него вишера. Я понимала, что наша любовь, скорее всего, невозможна. Вряд ли ему понравится правда, а притворяться целую вечность мне не хотелось. Поэтому я стала ему подружкой.

С этими словами Лилит неожиданно взлетела на алтарь и уселась рядом с Иисусом.

— Все было хорошо ровно до тех пор, пока Джек не заявил, что больше не хочет быть вишером. Я не могла этого допустить и выбрала тебя, Сара. Расчет был именно на это — что он влюбится в тебя и захочет остаться вишером. В глубине души Джек очень нежный и ранимый, я это поняла после истории с Фернандой. Но что-то пошло не так, и он зачем-то начал копаться в моем прошлом.

— Так что же, вы никогда не занимались сексом? — дурацкий вопрос слетел с губ Сары помимо ее воли.

— Нет, конечно, — отозвался Джек. — А Фернанда? Что с ней случилось?

— О, не волнуйся! Она влилась в строй бездушных — тех, которые живут на автомате и бегают как белки в колесе. Они выходят замуж и женятся, рожают детей. Но морские свинки, хомячки и глупые аквариумные рыбки тоже плодятся, однако свинками, рыбками и хомячками быть не перестают.

Джек с ненавистью посмотрел на Лилит. Его трясло от бессильной ярости.

— Когда Джек так скоростно покинул тебя, я заподозрила неладное и тут же приехала в Барселону. Параллельно я выяснила, куда он направляется и посоветовала ему ехать в Эскориал, чтобы немного сконцентрироваться и подпитаться энергией. И тебя, Сара, я тоже пригласила в свои владения.

— В свои владения? — переспросила Сара.

— Ну да! Ты же знаешь, что Эскориал запечатывает врата ада. Так вот настало время их открыть, и я сделаю это с вашей помощью. О, вы даже не представляете, сколько душ меня ждет в кладовых преисподней!

— Но при чем здесь мы? — Джек посмотрел на нее непонимающе.

— Все очень просто. Чтобы врата ада оставались открытыми, мне необходим постоянный источник энергии на входе, своеобразный генератор. А что может быть для этих целей лучше, чем двое вишеров, похороненных навечно в гробнице Эскориала,

обладающего колоссальной энергетикой? Вишеры бессмертны! Вы понимаете меня?

— Погоди-ка... Ты хочешь заточить нас в два свободных гроба в этом зале? — ошарашенно произнесла Сара.

— Бинго! Молодец, девочка!

— Но ведь герцогов Барселонских должны были похоронить еще в 2013 году?

— Именно! Однако в пантеон могут переносить, строго говоря, только кости. В 2013 году было обнаружено, что тела «почему-то» не разлагаются. Монахи, занимающиеся мумифицированием, использовали специальные современные химикаты, но и они не помогли. Вот незадача! — Лилит приобняла Иисуса и скромно потупила глазки. — Как вы понимаете, это будет первый случай в истории пантеона, когда тела так и не разложатся. Какая жалость, не правда ли? И никто никогда не узнает, что вы находитесь там, внутри.

Лилит с нежностью посмотрела на два гроба, расположенных прямо над входом.

— Но ведь мы имеем право на последнее желание! — попытался отыграть время Джек, сам не понимая, для чего.

— Нет, дорогой, ты забываешь, что для этого ты должен перестать быть вишером, а ты им быть не перестанешь. Ты просто станешь вечным двигателем, — Лилит улыбнулась самой сладкой своей улыбкой.

У Сары снова закружилась голова. Она вообще перестала что-либо понимать. Она проведет в мраморной коробке целую вечность. И все только из-за того, что влюбилась и позволила себе быть счастливой!

— Почему ты не можешь остановиться? — голос Сары срывался. — Почему ты просто не хочешь дать людям возможность быть счастливыми?

— Счастливыми? А что ты знаешь о счастье? Счастья нет! Это иллюзия, которую придумала я, чтобы получить возможность контролировать людей и забирать их жизненные силы. Тысячелетиями эта красивая схема не давала сбоев, но нет предела совершенству!

Сначала я думала положить в эти могилы первых попавшихся вишеров. Мне было не принципиально. Но потом поняла, что энергии обычных вишеров будет недостаточно. Здесь нужна надежда. А чтобы была надежда — нужна любовь. Если человек любит, он до последнего будет надеяться, что любимый или любимая спасутся. Это именно то, что заставит их действовать, — но в итоге действовать в моих интересах.

— Лилит, послушай, я люблю тебя! — вскрикнул Джек. Ее лицо скривилось от отвращения:

— Какая унижительная, отвратительная и жалкая ложь! Я слишком долго и слишком хорошо тебя знаю, чтобы ты мог говорить мне такие вещи. Давайте уже заканчивать!

Внезапно под взглядом Лилит крышки гробов поднялись, и Сара с Джеком воспарили над землей. Их

окутывал густой черный туман, который, казалось, проникает в глаза, рот, в легкие. Он словно вытягивал из них всю энергию. Наверное, именно так чувствуют себя люди, потерявшие душу.

— Ты не можешь этого сделать! — прокричала Сара.

— Еще как могу. Бойтесь своих желаний! Не возжелай вы любви, все было бы прекрасно, — и с этими словами Лилит одним жестом отправила Сару с Джеком в гробы. С гулким стуком над ними захлопнулись крышки.

Сара попыталась закричать, но осознала, что Лилит ее заморозила. Теперь она понимала, что та мощная энергетическая точка на карте, за которой она отправилась в Эскориал, была Джеком. Джек был приманкой. Но теперь об этом слишком поздно думать. Они останутся здесь навечно, разделенные каменными стенками гробов. Вечно живые, вечно замороженные, не в состоянии сказать друг другу ни слова, но все же не оставляющие надежд, что хотя бы один из них спасется.

Лилит спокойно ждала посредине зала. Внезапно алтарь раскрылся и за ним показался длинный темный туннель. Внутри было холодно и тихо. Пройдя по коридору она вышла в широкую пещеру. Говорят, в монастыре есть подземные ходы, ведущие в Мадрид. Но это неправда. В этом монастыре есть подземные ходы, ведущие в ад.

«Скорее всего, когда ты дойдешь до этого письма, у тебя уже не останется ко мне вопросов. Быть может, ты даже разозлишься на меня из-за того, что я, как всегда, все сделала по-своему. Я не знаю, обрадуешься ли ты тому факту, что у тебя есть сын, что я жива, что я вышла замуж и что Ник стал вишером. Скорее всего, ты этого не одобришь, особенно теперь, зная, на кого мы работаем. Но у меня есть оправдание. Единственная возможность не расставаться с Давидом заключалась в том, чтобы сделать из нашего сына вишера. Потому что Ник рос и задавал вопросы. Если бы мы не провели его через инициацию, наличие сына, который выглядит старше, чем мать и отец, породило бы слишком много вопросов. Расставаться с Ником или Давидом после того, как потеряла тебя, я просто не могла. Особенно теперь, когда знала, что нас ожидает вечная жизнь. Я не хотела обрекать нас обоих на вечные страдания. Быть может, тебе покажется, что я пожертвовала счастьем сына ради своего собственного. Но разве ты не поступил со мной так же? Не принес ли ты меня в жертву своим интересам? Поэтому не суди меня, прошу.

Когда Лайла повела вас в усыпальницу, мы уже не сомневались, что она затевает что-то недоброе, и потому последовали за вами. Мы спрятались на лестнице в арках пудридеро. Видеть вас оттуда мы не могли, но зато все слышали. Как только все звуки стихли, мы в ужасе выглянули из своих укрытий. Так значит, Лайла — дьявол, и все мы работаем на нее, сами того не подозревая? Это объясняет, почему ей так легко давался доступ к любой информации. У нее было просто невероятное количество шпионов.

Мы стояли посреди усыпальницы и лихорадочно соображали, что же можно сделать. Поднять массивную крышку даже двум людям не под силу. И где гарантия, что Лайла не поставила на

гробы что-то вроде защиты, которая сработает как сигнализация при попытке вскрыть усыпальницу? Мы не знали, в каком состоянии застанем вас. И вот тогда мне пришла в голову та самая мысль. Ты узнаешь о ней раньше, чем прочитаешь мои письма. А потом поймешь, что это была я.

Я простила тебя, и я всегда буду любить тебя. Уже не так, как раньше. Но ты навсегда останешься в моем сердце.

Твоя Фернанда».

Глава 14

Джек очнулся. Светило солнце, а он лежал... посреди улицы. В следующую секунду с радостным визгом на него набросился Макс. Джек отмахнулся от него и приподнялся на локтях, чтобы осмотреться. Он заметил, что собака была на поводке. Думая, что все произошедшее ему почудилось, он с надеждой поднял взгляд, рассчитывая увидеть лицо Сары. Но поводок держал молодой незнакомец. Джек понял, что все еще находится в Эскориале, хотя и на достаточно большом расстоянии от дворца. Сары нигде не было видно.

— Как я сюда попал? И кто вы? Где Сара? — спросил он на испанском.

Юноша улыбнулся и произнес:

— Всею свое время, скоро вы все узнаете. И с Сарой все в порядке!

Джек с облегчением выдохнул и ощутил сумасшедшую слабость.

Позже он смутно ощущал, что его долго куда-то везли на машине, потом перенесли в самолет. Через несколько часов они приземлились, но он не знал, где.

Как выяснилось позже, их с Сарой привезли в Москву, в один из древних православных монастырей. Это было совершенно чудесное место. Здесь Джек,

наконец, почувствовал, что начинает восстанавливаться после ужасных событий последних дней. Иногда сквозь плотную завесу беспамятства до него доносился звон колоколов. Он ненадолго открывал глаза, принимал пищу и питье из рук монахов и снова проваливался в целебный сон.

А потом настал день, когда он увидел стоящую над ним Сару. Джек долго не мог в это поверить, принимая ее за видение. Но, встретив ее взгляд, полный любви и сострадания, он понял, что не ошибся. «Любимая», — одними губами прошептал Джек. Она улыбнулась, поцеловала его в лоб и вложила ему в руку толстый бумажный пакет.

Он снова отключился, а когда проснулся, Сары рядом уже не было. Пакет лежал на прикроватном столике, на нем ничего не было написано. Джек надорвал бумагу, и оттуда посыпались письма. На каждом из них значился номер. Он взял самое первое письмо и сразу же узнал почерк Фернанды.

Тем временем Сара с Ником сидели в соседней келье. Девушка была еще очень слаба, хотя восстанавливалась быстрее. Она тоже мало что помнила и не знала, как оказалась вне стен усыпальницы. Когда она очнулась на улице Эскориала, рядом с ней оказался Ник — так же, как и с Джеком. Саре очень хотелось знать, что случилось с Лайлой-Лилит, но расспрашивать об этом у нее не было сил.

Ник рассказал, что частным самолетом их с Джеком доставили в Москву. Сейчас они находились в Николо-Угрешском монастыре на юге столицы. По

преданию, монастырь был основан в 1380 году Дмитрием Донским. По пути на Куликовскую битву он с дружиной остановился для отдыха в этом самом месте. Когда князь стал молиться перед дорогой, увидел в ветвях дерева икону Николая Чудотворца. Он счел это добрым знамением и в случае победы над татаро-монголами пообещал построить монастырь. Куликовская битва стала переломной, как в свое время переломной стала битва при Ковадонге, укрепившая католиков и объединившая Испанию. Князь Дмитрий сдержал свое слово и основал монастырь, который за свою долгую историю многократно разрушался и восставал заново.

Сару поселили в одну из келий под присмотром Ника. Когда она окрепла, юноша стал рассказывать ей обо всем, что в действительности произошло с его матерью и с Давидом. Одно за другим он читал вслух письма Фернанды. Сара то плакала, то смеялась, прекрасно понимая ее чувства. После последнего письма она вдруг впала в оцепенение.

— Что то не так, Сара? — поинтересовался Николай.

— А вдруг Джек захочет вернуться к твоей матери? — Сара не смогла совладать с охватившим ее страхом.

Ник рассмеялся и ответил:

— Не волнуйся, даже если бы он захотел это сделать, ничего бы не вышло.

— Но почему? — недоверчиво спросила Сара.

— Мама слишком любит Давида. За все эти годы он стал ее частью. Я не видел более влюбленной пары на своем веку.

Он немного подумал и добавил:

— Джек тоже очень тебя любит. Первый его вопрос, когда он очнулся, был о тебе. Так что не волнуйся. Сейчас вам нужно как можно быстрее выздоравливать.

Когда через пару недель Саре было позволено зайти в келью Джека, она не поверила своим глазам. Он словно постарел лет на двадцать и еще больше поседел. Она с тревогой подумала, что не видела себя в зеркале с тех самых пор, как Лайла похоронила их заживо. Может, и она выглядит не лучшим образом и ей следовало подготовиться? Но Джек, казалось, ничего не заметил. Она оставила в его руке пакет с письмами, чтобы он мог их прочитать, когда очнется.

Джеку чтение далось значительно тяжелее, чем Саре. Он испытывал чувство вины и одновременно восхищение Фернандой. Она не только простила его, но и вырастила их сына, сделала его вишером. И Джек, наконец, сможет с ним познакомиться. Он и Сара остались свободными от вечного заточения только благодаря ей. Когда Джек прочитал последнее письмо, он заплакал навзрыд, словно дитя. А потом вдруг увидел маленькую записку, выпавшую из пакета. «Завтра мы все узнаем», — было написано в ней рукой Сары.

Джек не сомкнул глаз всю ночь. На следующее утро в его дверь постучали. На пороге стояли Фернанда, Ник, Давид и Сара. Сара выглядела

неважно, на ее лбу появились морщины, она осунулась и, казалось, состарилась, но при виде Джека она буквально засияла. Тем не менее, от бурных проявлений чувств воздержалась.

— Ну, здравствуй, Джек! — улыбнулась Фернанда и протянула ему руку. Она была такой же прекрасной, как и много лет назад, когда он ее оставил. Давид тоже ничуть не изменился. А Николай был похож на Джека настолько, что у него не возникло ни малейшего сомнения, что это его сын. Да и зачем Фернанде лгать, если она спасла их? На него навалились воспоминания: их первая встреча, день свадьбы, счастливая жизнь... Он снова заплакал и простонал:

— Прости меня, дорогая! Прости! Я был невероятным идиотом.

— О, да! — рассмеялась в ответ Фернанда. — Не буду этого отрицать. Но все сложилось как нельзя лучше. Благодаря тебе у нас с Давидом есть сын, и я встретила с мужчиной всей моей жизни. С тобой я была околдована — твоим умом, могуществом, богатством. С Давидом же я впервые по-настоящему влюбилась в человека, а не в его оболочку. Потому что после тебя оболочкой меня уже было сложно удивить. И Давид возродил меня к жизни. Он стал тем самым глотком воды после долгих ночей и дней в пустыни без надежды на каплю влаги.

Позади нее начала всхлипывать Сара. Фернанда повернулась к ней:

— Не беспокойся! Я не угроза для вашего счастья! Более того, я желаю вам такого же блаженства,

которое я обрела с Давидом, — с этими словами Фернанда приобняла Сару и смахнула с ее глаз слезинки.

— Вам, наверное, не терпится узнать, как мы вас вытащили? — продолжила она. — Что ж, слушайте. Начнем с того, что вы — далеко не первая добыча Лайлы. Ее первой жертвой стал Иисус Христос. Сняв с креста, его, как известно, положили в пещеру и привалили ко входу огромный камень, чтобы никто не смог туда войти. Это сделала Лилит — с той же самой целью, с которой она закрыла в гробнице вас. Именно тогда она поняла: просто закрыв одного вишера у врат ада, энергией себя не обеспечить, да и нет никаких гарантий, что его не спасут.

Не удивляйтесь, Иисус был вишером и исполнял желания людей. Но он захотел пойти дальше, рассказывал об этом другим. И ему верили, за ним шли. Он считал, что если сделает вишерами всех, Земля вновь станет раем. Иисус набрал себе учеников, но сделал это без разрешения высших сил. Он делал то, что считал нужным. И тогда Лайла пришла к вишеру Понтию Пилату и убедила его, что Иисус из Назарета опасен не только для всех вишеров, но и для системы в целом. Если все станут вишерами, то какой смысл принадлежать к этой касте?

Дальнейшее всем известно. Христос «воскрес», хотя в действительности его, предельно изможденного, вызволили ученики — так же, как и вас с Джеком. Это были вишеры, которые поняли, что Лайле доверять нельзя. Иисус сложил свои полномочия, чтобы Лайла не смогла его найти, и жил

спокойной незаметной жизнью в небольшой деревушке.

Потом были другие попытки, но в этот раз Лайла действовала осторожнее. Впрочем, время от времени все равно попадала в скандалы, последствия которых разгребали ее адепты. Но она все глубже изучала вопрос и все быстрее приближалась к цели.

— Послушай, — прервала Фернанду Сара, — ты хочешь сказать, что все истории воскрешения — это вишеры, которых Лайла пыталась использовать как генератор энергии?

— Нет, не все. — ответила Фернанда. — Многие вещи в истории сфабрикованы. Ты только представь, я живу уже сто лет, Давид и Джек — и того больше. И даже они, обладая вселенским знанием, не всегда в курсе того, что происходило в мире, например, пятьдесят лет назад.

Да, мы имеем доступ к огромным объемам информации, умеем ее систематизировать. Но сколько у нас ушло времени на то, чтобы догадаться, кто такая Лайла? И это при том, что все мы знали ее лично! Что уж говорить об исторических фигурах, которые отделены от нас столетиями или даже тысячелетиями! Можно, конечно, ссылаться на архивы, памятники истории, на летописи и свидетельства современников. Но все это не может считаться достоверным источником. Кто-то что-то рассказал или написал? Прекрасно. Но начнем с того, что исторически информация не могла быть объективной, потому что в древности и даже в средние века грамотой владело ничтожно малое количество людей. Большинство

явлений святых происходило в присутствии простолюдинов. Истолковать их свидетельства на письме церковь могла, как угодно.

— Так что же, получается, бога нет? — подал голос Джек, которой все это время напряженно слушал Фернанду.

— Ну, раз есть дьявол — и об этом мы уже знаем достоверно — значит, есть и бог, — ответила Фернанда.

— Тогда как же он допустил такое? Почему он позволил Лайле и ее банде вишеров делать то, что они делали?

— У бога есть дела поважнее, нежели отслеживать судьбу каждого человека, — впервые заговорил Давид. — На Земле сейчас живет почти восемь миллиардов. Представь себе полководца. Смог бы он выиграть битву, если бы тщательно отслеживал и вникал во все, что происходит с каждым его солдатом? Да он свихнулся бы.

— И поэтому он наблюдает только за крупными воинскими подразделениями? — догадалась Сара.

— Вроде того, — ответил Давид. — За каждой группой верующих закреплен свой «генерал» — будь то Христос, Иегова, Будда или Мохаммед. В свою очередь, им помогает огромное количество посредников — от имамов, попов, кардиналов и лам до святых всех возможных мастей, конфессий и исповеданий. Всех их объединяет одна цель: вдохновить свое «войско» на служение светлым силам, высшему разуму.

— Хотела бы я знать, как этот разум выглядит, — задумчиво проговорила Сара.

— Ты видишь его каждый день, — улыбнулась в ответ Фернанда. — Он в улыбке ребенка, в глазах любимого, в каждой цветке и в каждом новом дне. Он в каждом из нас. Его задача — создать условия для того, чтобы его «генералы» чувствовали себя максимально комфортно в этом мире и чтобы люди продолжали в него верить. А уж в какой форме они будут это делать — совершенно неважно.

— Но почему тогда религиозную жизнь на протяжении многих веков сопровождает столько кровопролитных войн и конфликтов? Для чего велись крестовые походы? Зачем был написан «Молот ведьм» и для чего Фердинанд и Изабелла учредили испанскую инквизицию? Откуда все это?

— Оттуда же, откуда берутся вишеры, — отозвался Давид.

— То есть это все дело рук Лилит?

— Нет. Все это — человеческая природа. Ведь и Лилит когда-то создал бог, совершенно не предполагая, что его творение восстанет против него самого. И дело тут не в мужчинах и женщинах — Адам был склонен к нарушению запретов ничуть не меньше Лилит и Евы. Бог все видит и все понимает. Просто ему нравится созерцать. Он вмешивается только тогда, когда его очень долго и очень сильно просят. И просьбы эти содержатся не только в молитвах, но и в поступках людей, которыми они доказывают, что готовы к переходу к новому сценарию, к новому витку или новой жизни — назовите это как угодно.

Давид улыбнулся, посмотрел на Сару с Джеком и спросил:

— Ну, что, хотите знать, как спасали вас?

— О, да! Очень хотим! — хором отозвались они.

В разговор вновь вступила Фернанда:

— Нам пришлось нелегко. Мы заморозили весь Эскориал, выкрали из базы все последние записи видеонаблюдений. С этим блестяще справился Ник. Тем временем мы отъехали на безопасное расстояние. Со служебного вишерского мобильного позвонили в полицию и сообщили, что гробница заминирована. Заодно проинформировали, где именно следует искать взрывное устройство. После звонка мобильник был уничтожен.

Мир настолько привык к атакам и угрозам, что нам вначале не поверили. Но как только выяснилось, что с камер таинственным образом исчезли все последние записи, полиция зашевелилась. Привезли даже собак. Однако осмотр места результатов не дал. Не теряя времени, я отправилась прямиком в резиденцию к Хуану Карлосу — думаю, нет нужды объяснять, что он тоже является вишером. В двух словах объяснила ему, что происходит. Король разволновался не на шутку. Он приказал вскрыть каменные саркофаги, несмотря на бурные протесты некоторых высокопоставленных чиновников. На согласование этого решения ушло ни много ни мало три месяца.

Заботы о Максе взял на себя, опять-таки, Ник. Он представился братом Сары, рассчитался за отель, а также забрал все вещи из ваших номеров, чтобы никто

ничего не заподозрил. Он же пообещал Хуану Карлосу уладить все возможные неурядицы, если тот разрешит ему присутствовать при вскрытии. На это ушла еще одна неделя. Сын за это время слетал подзарядиться, а мы вернулись уже отдохнувшими, чтобы помочь ему, когда наступит решающий момент.

Когда гробницы вскрыли, Ник мгновенно заморозил всех присутствующих, а мы с группой вищеров-единомышленников подморозили снаружи, чтобы вытащить вас и перенести на безопасное расстояние. Как только вы были вынесены — порознь, в разные места Эскориала, чтобы не вызывать подозрений, — Ник разморозил всех, кто находился при вскрытии. Они увидели, что гробницы пусты. Потом мы увезли вас в безопасное место, в этот православный монастырь. Вот и вся история.

Сара и Джек растерянно переглянулись и хором спросили:

— А Лайла?

— А Лайла теперь надолго застрянет в своем мире. Убрав вас из усыпальницы, мы оставили ее совершенно обессиленной и обесточенной. У нее нет возможности вновь открыть врата ада. Пусть побудет там.

— То есть мы вместе победили дьявола?

— О нет, не думаю. Я уверена, что с ее возможностями она рано или поздно выберется на волю, — мрачно сказал Давид. — И мы должны будем подготовиться к этому моменту. Хотя я пока не знаю, как.

— Ну, все, хватит об этом! — улыбнулась Фернанда. — Сейчас вам надо отдохнуть. Ведь есть еще столько всего, о чем нам нужно поговорить! И мы обязательно это сделаем.

И все с ней согласились.

Вместо эпилога

Высокий, бледный и очень худой мужчина европейской внешности с большими полиэтиленовыми пакетами в руках не спеша шагал по рынку Уханя. Внутри пакетов плескалась какая-то жидкость. Прилавки рынка источали пронзительный запах морепродуктов и чего-то еще — кислого и зловонного.

Продавцы-рыбаки сидели на голой земле. В больших тазах, наполненных водой, плескался их улов. Воспользовавшись тем, что кто-то из них ненадолго отвернулся, незнакомец незаметно проткнул чем-то острым свои пакеты. Содержимое полилось прямо на рыбу. Мужчина шел вдоль торгового ряда, и из его пакетов тонкой струйкой продолжала вытекать жидкость, похожая на чистую воду. Он шел и улыбался. Это выглядело странно, но местные жители уже привыкли ко всему. Никто с ним не заговорил, никто не остановил его.

Ряд закончился, жидкость в пакетах тоже иссякла. Мужчина выбросил их в ближайшую кучу мусора и облегченно выдохнул.

Смертельный механизм запущен.

Теперь-то энергии хватит точно. И Лайла будет свободна.

Благодарности

В первую очередь я хотела бы поблагодарить своего мужа и свою дочь. Именно они оказали мне самую большую поддержку, помогли мне не сдаться, когда я заболела фибромиалгией и ежедневно напоминали мне, что я должна двигаться вперед. Спасибо, любимый, ты – моя сила. Спасибо, зайчик, ты замечательная.

Я также хотела бы поблагодарить всех своих друзей, которые стали моими первыми читателями: Аня, Аня, Маша и Сережа, спасибо вам! И, наконец, хочется поблагодарить всех тех, кто верил и верит в меня, тех, кто ждал моих новых книг, то есть вас, мои дорогие читатели!

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М63

Мириманова, Екатерина Валерьевна.

Бойся своих желани /
Екатерина Мириманова.
— Москва : Издательство
Э», 2021. — 248 с.

ISBN 978-5-04-252872-9

© Мириманова Е. В., текст, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

40,000 c.

БОЙСЯ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

«Бойся своих желаний» Пронзительным лейтмотивом поиска и сомнений в том, что наш мир, к которому мы привыкли – всего лишь иллюзия, отражаются события нового романа Екатерины Миримановой «Бойся своих желаний», повествующего в оригинальном жанре интеллектуального путешествия. История главных героев Сары и Джека затягивает читателя в увлекательный водоворот событий в разных уголках планеты, открывая завесу тайн реальных исторических фактов, обнажая краеугольные камни основ мироздания и вероисповеданий. Смешается всё: прошлое и будущее, правда и вымысел и даже появление коронавируса, внося свои коррективы и оставляя выбор за самим читателем: стоит ли сопротивляться судьбе и где таится свет в конце туннеля на непредсказуемо-поворотных виражах планов и ожиданий, рассыпающихся во времени и пространстве. Воплощение творческих замыслов автора находит самые неожиданные и смелые ответы на вопросы о том, что именно всегда стоит за нравственным выбором каждого человека. О поиске логики там, где её, казалось бы, нет. О простых истинах и случайностях, которые всегда не случайны. Это книга о надежде. О любви. И всепобеждающей силе настоящей

ISBN 504252872-5

9 785042 528729